Ав Оипфиигаго

М. Тисагук

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, Сентября 29 дня 1842 года.

Цензоръ А. Никитенко.

МАСКАРАДЪ,

ДРАМА

ВЪ 4-хъ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Арбенинъ, Евгеній Александровичъ.

Нина, жена его.

Князь Звѣздичъ.

Баронесса Штраль.

Казаринъ, Аѳанасій Павловичъ.

Шприхъ, Адамъ Петровичъ.

Маска.

Чиновникъ.

Игроки.

Гости.

Слуги и служанки.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Выходъ первый.

ИГРОКИ, КНЯЗЬ ЗВѢЗДИЧЪ, КАЗАРИНЪ И ШПРИХЪ.

(За столомъ мечутъ банкъ и понтируютъ... Кругомъ стоятъ.)

1-Й ПОНТЁРЪ.

Иванъ Ильичъ, позвольте мнѣ поставить.

БАНКОМЁТЪ.

Извольте.

1-Й ПОНТЁРЪ.

Сто рублей.

БАНКОМЁТЪ.

Идетъ.

2-Й ПОНТЁРЪ.

Ну, добрый путь.

3-Й ПОНТЁРЪ.

Вамъ надо счастіе поправить,
А семпелями плохо....

4-Й ПОНТЁРЪ.

Надо гнуть.

3-Й ПОНТЁРЪ.

Пусти.

2-Й ПОНТЁРЪ.

На все?... Нѣтъ, жжется!

4-Й ПОНТЁРЪ.

Послушай, милый другъ: кто нынѣче не гнется,
Ни до чего тотъ не добьется.

3-Й ПОНТЁРЪ, тихо первому.

Смотри во всѣ глаза.

КНЯЗЬ ЗВѢЗДИЧЪ.

Ва-банкъ!

2-й понтёръ.

Эй, князь!

Гнѣвъ только портитъ кровь, — играйте не сердясь.

КНЯЗЬ.

На этотъ разъ оставьте хоть совѣты.

БАНКОМЁТЪ.

Убита.

КНЯЗЬ.

Чортъ возьми!

БАНКОМЁТЪ.

Позвольте получить.

2-й понтёръ, насмѣшливо.

Я вижу, вы въ пылу готовы все спустить.
Что̀ сто̀ятъ ваши эполеты?

КНЯЗЬ.

Я съ честью ихъ досталъ, и вамъ ихъ не купить.

2-й понтёръ, сквозь зубы, уходя.

Скромнѣй бы надо быть

Съ такимъ несчастіемъ и въ ваши лѣты.

(Князь, выпивъ стаканъ лимонада, садится къ сторонѣ и задумывается.)

ШПРИХЪ, подходитъ съ участіемъ.

Не нужно ль денегъ, князь?.. Я тотчасъ помогу.
Проценты вздорные... А ждать сто лѣтъ могу.

(Князь холодно кланяется и отворачивается. Шприхъ съ неудовольствіемъ уходитъ.)

Выходъ второй.

АРБЕНИНЪ, и прочіе.

(Арбенинъ входитъ, кланяется подходя къ столу; потомъ дѣлаетъ нѣкоторые знаки и отходитъ съ Казаринымъ.)

АРБЕНИНЪ.

Ну, что? ужь ты не мечешь?... а, Казаринъ?

КАЗАРИНЪ.

Смотрю, братъ, на другихъ.
А ты, любезнѣйшій, женатъ, богатъ, сталъ баринъ
И позабылъ товарищей своихъ!

АРБЕНИНЪ.

Да, я давно ужь не былъ съ вами.

КАЗАРИНЪ.

Дѣлами занятъ всё?

АРБЕНИНЪ.

Любовью... не дѣлами.

КАЗАРИНЪ.

Съ женою по баламъ?

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ.

КАЗАРИНЪ.

Играешь?

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ... утихъ!

Но здѣсь есть новые. Кто этотъ франтикъ?

КАЗАРИНЪ.

Шприхъ

Адамъ Петровичъ!... Я васъ познакомлю разомъ.

(*Шприхъ подходитъ и кланяется.*)

Вотъ здѣсь пріятель мой, рекомендую вамъ,—
Арбенинъ.

ШПРИХЪ.

Я васъ знаю.

АРБЕНИНЪ.

Помнится, что намъ
Встрѣчаться не случалось.

ШПРИХЪ.

По разсказамъ, —
И столько я о васъ слыхалъ того-сего,
Что познакомиться давнымъ-давно желаю.

АРБЕНИНЪ.

Про васъ я не слыхалъ, къ несчастью, ничего;
Но многое отъ васъ, конечно, я узнаю.

(*Раскланиваются опять. Шприхъ, скорчивъ кислую мину, уходитъ.*)

Онъ мнѣ не нравится. Видалъ я много рожъ,
А этакой не выдумать нарочно:
Улыбка злобная, глаза — стеклярусъ точно,
Взглянуть — не человѣкъ, а съ чортомъ не
похожъ.

КАЗАРИНЪ.

Эхъ, братецъ мой, что̀ видъ наружный?
Пусть будетъ хоть самъ чортъ... да чело-
вѣкъ онъ нужный:
Лишь адресуйся — одолжитъ.
Какой онъ націи, сказать не знаю смѣло:
На всѣхъ языкахъ говоритъ, —
Вѣрнѣй всего, что жидъ.
Со всѣми онъ знакомъ, вездѣ ему есть дѣло,
Все помнитъ, знаетъ все, въ заботѣ цѣлый
вѣкъ;
Былъ битъ не разъ; съ безбожникомъ —
безбожникъ,
Съ святошей — езуитъ, межь нами злой кар-
тёжникъ,
А съ честными людьми — пречестный чело-
вѣкъ.
Короче, ты его полюбишь, я увѣренъ.

АРБЕНИНЪ.

Портретъ хорошъ, — оригиналъ-то скверенъ!
Ну, а вонъ тотъ высокій и въ усахъ,

И нарумяненный въ-добавокъ?
Конечно, житель модныхъ лавокъ,
Любезникъ отставной, и былъ въ чужихъ
краяхъ?
Конечно, онъ герой не въ дѣлѣ
И мастерски стрѣляетъ въ цѣль?

КАЗАРИНЪ.

Почти... Онъ изъ полка былъ выгнанъ за
дуэль,
. . . . . да и мать
Къ тому жь строга; потомъ лѣтъ черезъ пять
Былъ вызванъ онъ опять,
И тутъ дрался ужь въ самомъ дѣлѣ.

АРБЕНИНЪ.

Да вы разборчивы на новыя знакомства!

ИГРОКИ, кричатъ.

Казаринъ Аѳанасій Павловичъ, сюда!

КАЗАРИНЪ.

Иду!

(*Съ притворнымъ участіемъ*)

Примѣръ ужасный вѣроломства!
Ха, ха, ха, ха!

1-й понтёръ.

Скорѣй!

КАЗАРИНЪ.

Какая тамъ бѣда?

(*Живой разговоръ между игроками; потомъ они успокоиваются. Арбенинъ замѣчаетъ князя Звѣздича и подходитъ.*)

АРБЕНИНЪ.

Князь, какъ вы здѣсь? ужель не въ первый разъ?

КНЯЗЬ, недовольно.

Я то же самое хотѣлъ спросить у васъ.

АРБЕНИНЪ.

Я вашъ отвѣтъ предупрежу, пожалуй:
Я здѣсь давно знакомъ, и часто здѣсь, бывало,
Смотрѣлъ съ волненіемъ нѣмымъ,
Какъ колесо вертѣлось счастья.
Одинъ былъ вознесенъ, другой раздавленъ имъ!
Я не завидовалъ, но и не зналъ участья:

Видалъ я много юношей, надеждъ
И чувства полныхъ, счастливыхъ невѣждъ
Въ наукѣ жизни, пламенныхъ душою,
Которыхъ прежде цѣль была одна любовь...
Они погибли быстро предо мною.
И вотъ мнѣ суждено увидѣть это вновь!

КНЯЗЬ, съ чувствомъ беретъ его за руку.

Я проигрался!

АРБЕНИНЪ.

Вижу. Что жь? топиться?...

КНЯЗЬ.

О, я въ отчаяньи!

АРБЕНИНЪ.

Два средства только есть:
Дать клятву за игру во-вѣки не садиться,
Или опять сейчасъ же сѣсть.
Но чтобы здѣсь выигрывать рѣшиться,
Вамъ надо кинуть все: родныхъ, друзей и честь;
Вамъ надо испытать, ощупать безпристрастно

Свои способности и душу, по частямъ
Ихъ разобрать; привыкнуть ясно
Читать на лицахъ чуть-знакомыхъ вамъ
Всѣ побужденья, мысли; — годы
Употребить на упражненье рукъ;
Все презирать: законъ людей, законъ природы;
День думать, ночь играть, отъ мукъ не знать
свободы,
И чтобъ никто не понялъ вашихъ мукъ!
Не трепетать, когда близь васъ искусствомъ
равный,
Удачи каждый мигъ постыдный ждать конецъ
И не краснѣть, когда вамъ скажуть явно:
«Подлецъ!»

(Молчаніе. Князь едва его слушалъ и былъ въ волненіи.)

КНЯЗЬ.

Не знаю, какъ мнѣ быть, что дѣлать?

АРБЕНИНЪ.

Что хотите.

КНЯЗЬ.

Быть можетъ, счастіе....

АРБЕНИНЪ.

О, счастія здѣсь нѣтъ!...

КНЯЗЬ.

Я все вѣдь проигралъ... Ахъ, дайте мнѣ совѣтъ!

АРБЕНИНЪ.

Совѣтовъ не даю.

КНЯЗЬ.

Ну, сяду...

АРБЕНИНЪ, вдругъ беретъ его за руку.

Я сяду вмѣсто васъ. Вы молоды, — я былъ
Неопытенъ когда-то и моложе,
Какъ вы, заносчивъ, опрометчивъ тоже.
И еслибъ... (*останавливается*) кто-нибудь меня
остановилъ...
То... (*смотритъ на него пристально*)..
(*Пережнивъ тонъ*) Дайте мнѣ на счастье руку
смѣло,
А остальное ужь не ваше дѣло!

(*Подходитъ къ столу; ему даютъ мѣсто.*)

Не откажите инвалиду:
Хочу я испытать, что̀ скажетъ мнѣ судьба,

И дастъ ли нынѣшнимъ поклонникамъ въ
обиду
Она стариннаго раба?

КАЗАРИНЪ.

Не вытерпѣлъ... зажглося ретивое!
(*Тихо*) Ну, не ударь же въ грязь лицомъ
И докажи имъ, что̀ такое
Возиться съ прежнимъ игрокомъ.

ИГРОКИ.

Извольте, вамъ и книги въ руки, — вы хо-
зяинъ,
Мы гости.

1-й ПОНТЁРЪ, на ухо второму.

Берегись — имѣй теперь глаза!...
Не по-нутру мнѣ этотъ Ванька-Каинъ
И притузитъ онъ моего туза.

(*Игра начинается; всѣ толпятся вокругъ стола; иногда разные возгласы. Въ продолженіе слѣдующаго разговора многіе мрачно отходятъ отъ стола.*)

(*Шприхъ отводитъ на авансцену Казарина*).

ШПРИХЪ, лукаво.

Столпились въ кучку всѣ; кажись, нашла гроза.

КАЗАРИНЪ.

Задастъ онъ имъ на мѣсяцъ страху!

ШПРИХЪ.

Видно,
Что мастеръ.

КАЗАРИНЪ.

Былъ.

ШПРИХЪ.

Былъ? А теперь...

КАЗАРИНЪ.

Теперь?...
Женился и богатъ, сталъ человѣкъ солидный;
Глядитъ ягнёночкомъ, — а право, тотъ же звѣрь...
Мнѣ скажутъ: можно отучиться,
Натуру побѣдить? Дуракъ, кто говоритъ;
Пусть ангеломъ и притворится,
Да чортъ-то все въ душѣ сидитъ.
И ты, мой другъ, *(ударивъ по плечу)* хоть передъ нимъ ребенокъ,

А и въ тебѣ сидитъ чертёнокъ.

(*Два игрока въ живомъ разговорѣ подходятъ.*)

1-й игрокъ.

Я говорилъ тебѣ.

2-й игрокъ.

Что̀ дѣлать, братъ!
Нашла коса на камень, видно.
Я ль не хитрилъ, — нѣтъ, всѣхъ какъ на подрядъ!
Подумать стыдно...

КАЗАРИНЪ, подходитъ.

Что̀, господа, иль не подъ-силу? а?

1-й игрокъ.

Арбенинъ вашъ мастакъ.

КАЗАРИНЪ.

И, что вы, господа!

(*Волненіе у стола между игроками.*)

3-й понтёръ.

Да этакъ онъ загнетъ, пожалуй, тысячь на сто.

4-й понтёръ, въ сторону.

Обрѣжется...

5-й понтёръ.

Посмотримъ.

АРБЕНИНЪ, встаетъ.

Баста!

(*Беретъ золото и отходитъ; другіе остаются у стола. Казаринъ и Шприхъ также у стола. Арбенинъ молча беретъ за руку князя и отдаетъ ему деньги. Арбенинъ блѣденъ.*)

КНЯЗЬ.

Ахъ, никогда мнѣ это не забыть!...
Вы жизнь мою спасли....

АРБЕНИНЪ.

И деньги ваши тоже.

(*Горько*) А право, трудно разрѣшить,
Которое изъ этихъ двухъ дороже!

КНЯЗЬ.

Большую жертву вы мнѣ сдѣлали.

АРБЕНИНЪ.

Ни чуть.
Я радъ былъ случаю, чтобъ кровь привесть
въ волненье,
Тревогою опять наполнить умъ и грудь.

Я сѣлъ играть — какъ вы пошли бы на
сраженье.

КНЯЗЬ.

Но проиграться вы могли?

АРБЕНИНЪ.

Я? нѣтъ!... Тѣ дни блаженные прошли!
Я вижу все насквозь, всѣ тонкости ихъ знаю,
И вотъ зачѣмъ я нынче не играю.

КНЯЗЬ.

Вы избѣгаете признательность мою...

АРБЕНИНЪ.

По чести вамъ сказать, ея я не терплю.
Ни въ чемъ и ни кому я не былъ въ жизнь
обязанъ;
И если я кому платилъ добромъ,
То все не потому, чтобъ былъ къ нему при-
вязанъ,
А просто — видѣлъ пользу въ томъ.

КНЯЗЬ.

Я вамъ не вѣрю.

АРБЕНИНЪ.

Кто велитъ вамъ вѣрить!
Я къ этому привыкъ съ давнишнихъ поръ.
И если бы не лѣнь, то сталъ бы лицемѣрить...
Но кончимъ этотъ разговоръ.
(*Помолчавъ*) Разсѣяться бъ и вамъ и мнѣ не худо.
Вѣдь нынче праздники и, вѣрно, маскарадъ.

КНЯЗЬ.

Да.

АРБЕНИНЪ.

Поѣдемте.

КНЯЗЬ.

Я радъ.

АРБЕНИНЪ, въ сторону.

Въ толпѣ я отдохну.

КНЯЗЬ.

Тамъ женщины есть — чудо!...
И даже тамъ бываютъ, говорятъ...

АРБЕНИНЪ.

Пусть говорятъ, — а намъ какое дѣло?
Подъ маской всѣ чины равны;

У маски ни души, ни званья нѣтъ, — есть
тѣло.
И если маскою черты утаены,
То маску съ чувствъ снимаютъ смѣло.

(*Уходятъ.*)

Выходъ третій.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ АРБЕНИНА И КНЯЗЯ ЗВѢЗДИЧА.

1-Й ИГРОКЪ.

Забастовалъ онъ кстати. Съ нимъ бѣда!..

2-Й ИГРОКЪ.

Хотя бъ опомниться онъ далъ по-крайней-
мѣрѣ.

СЛУГА, входитъ.

Готово ужинать.

ХОЗЯИНЪ.

Пойдемте, господа;
Шампанское утѣшитъ васъ въ потерѣ.

(*Уходятъ.*)

ШПРИХЪ, одинъ.

Съ Арбенинымъ сойдтиться я хочу...

И даромъ ужинать желаю.

(*Приставивъ палецъ ко лбу*)

Отужинаю здѣсь... кой-что еще узнаю,
И въ маскарадъ за ними полечу.

(*Уходитъ и разсуждаетъ самъ съ собою.*)

—

МАСКАРАДЪ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Выходъ первый.

МАСКИ, АРБЕНИНЪ, ПОТОМЪ КНЯЗЬ ЗВѢЗДИЧЪ.

(*Толпа проходитъ взадъ и впередъ по сценѣ; налѣво канапе.*)

АРБЕНИНЪ, входитъ.

Напрасно я ищу повсюду развлеченья.
Пестрѣетъ и жужжитъ толпа передо мной,
Но сердце холодно и спитъ воображенье:
Они всѣ чужды мнѣ, и я имъ всѣмъ чужой!

(*Князь подходитъ, зѣвая.*)

Вотъ нынѣшнее поколѣнье,

И тòль я былъ въ его лѣта, какъ погляжу?
Что, князь? не набрели еще на приключенье?

КНЯЗЬ.

Какъ быть, а цѣлый часъ хожу!

АРБЕНИНЪ.

А! вы желаете, чтобъ счастье васъ ловило.
Затѣя новая... пустить бы надо въ свѣтъ.

КНЯЗЬ.

Все маски глупыя....

АРБЕНИНЪ.

Да маски глупой нѣтъ:
Молчитъ — таинственна, заговоритъ — такъ мило.
Вы можете придать ея словамъ
Улыбку, взоръ, какіе вамъ угодно...
Вотъ, напримѣръ, взгляните тамъ —
Какъ выступаетъ благородно
Высокая Турчанка... какъ полна!
Какъ дышетъ грудь ея и страстно и свободно!
Вы знаете ли кто она?
Быть можетъ, гордая графиня иль княжна,

Діана въ обществѣ, Венера въ маскарадѣ,

. . . . . .

. . . . . .

Въ обоихъ случаяхъ вы, право, не въ накладѣ.

(Уходитъ.)

Выходъ второй.

КНЯЗЬ И ЖЕНСКАЯ МАСКА.

(Одно домино подходитъ и останавливается. Князь стоитъ въ задумчивости.)

КНЯЗЬ.

Все такъ! разсказывать легко, —
Однако же я все еще зѣваю....
Но вотъ идетъ одна... дай Господи!

(Одна маска отдѣляется, и ударивъ его по плечу)

МАСКА.

Я знаю

Тебя!

КНЯЗЬ.

И видно, очень коротко.

МАСКА.

О чемъ ты размышлялъ, и это мнѣ извѣстно.

КНЯЗЬ.

А въ этомъ случаѣ ты счастливѣй меня.

(Заглядываетъ подъ маску.)

Но если не ошибся я,

То ротикъ у нея прелестный.

МАСКА.

Я нравлюся тебѣ, тѣмъ хуже.

КНЯЗЬ.

Для кого?

МАСКА.

Для одного изъ насъ.

КНЯЗЬ.

Не вижу отъ-чего?...

Ты предсказаніемъ меня не испугаешь,

И я хоть очень не хитёръ,

Но узнаю кто ты...

МАСКА.

Такъ, стало-быть, ты знаешь,

Чѣмъ кончится нашъ разговоръ?...

КНЯЗЬ.

Поговоримъ и разойдемся.

МАСКА.

Право?

КНЯЗЬ.

Налѣво ты, а я направо...

МАСКА.

Но ежели я здѣсь нарочно съ цѣлью той —
Чтобъ видѣться и говорить съ тобой;
Но если я скажу, что черезъ часъ ты будешь
Мнѣ клясться, что во-вѣкъ меня не поза-
будешь,
Что будешь радъ отдать мнѣ жизнь свою въ
тотъ мигъ,
Когда я улечу, какъ призракъ безъ названья,
Что бъ услыхать изъ устъ моихъ
Одно лишь слово: до свиданья!...

КНЯЗЬ.

Ты маска умная, а тратишь много словъ.
Коль знаешь ты меня, скажи, кто я таковъ?

МАСКА.

Ты? безхарактерный, безнравственный, безбожный,
Самолюбивый, злой, но слабый человѣкъ;
Въ тебѣ одномъ весь отразился вѣкъ,
Вѣкъ нынѣшній, блестящій, но ничтожный.
Наполнить хочешь ты жизнь, а бѣгаешь страстей.
Все хочешь ты имѣть, а жертвовать не знаешь;
Людей безъ гордости и сердца презираешь,
А самъ игрушка тѣхъ людей.
О! знаю я тебя....

КНЯЗЬ.

Мнѣ это очень лестно.

МАСКА.

Ты сдѣлалъ много зла...

КНЯЗЬ.

Невольно, можетъ быть.

МАСКА.

Кто знаетъ! Только мнѣ извѣстно,
Что женщинѣ тебя не надобно любить.

КНЯЗЬ.

Я не ищу любви.

МАСКА.

Искать ты не умѣешь.

КНЯЗЬ.

Скорѣй усталъ искать.

МАСКА.

Но если предъ тобой
Она появится и скажетъ вдругъ: ты мой!
Ужель безчувственнымъ остаться ты по-
смѣешь?

КНЯЗЬ.

Но кто жь она?... конечно, идеалъ!

МАСКА.

Нѣтъ, женщина... а дальше — что за дѣло.

КНЯЗЬ.

Но покажи ее, пусть явится мнѣ смѣло.

МАСКА.

Ты хочешь многаго, — обдумай, что̀ сказалъ.

(*Нѣкоторое молчаніе.*)

Она не требуетъ ни вздоховъ, ни признанья,

Ни слезъ, ни просьбъ, ни пламенныхъ рѣчей...

. . . . . .

Но клятву дай оставить всѣ старанья
Развѣдать, кто она... и обо всемъ
Молчать...

КНЯЗЬ.

Клянусь землей и небесами
И честію моей...

МАСКА.

Смотри жъ! Теперь пойдемъ.
И помни, шутокъ нѣтъ межь нами...

(Уходятъ подъ-руки).

Выходъ третій.

АРБЕНИНЪ И ДВѢ МАСКИ.

(Арбенинъ тащитъ за руку мужскую маску)

АРБЕНИНЪ.

Вы мнѣ вещей наговорили
Такихъ, сударь, которыхъ честь

Не позволяетъ перенесть....
Вы знаете ль, кто я?

МАСКА.

Я знаю, кто вы были.

АРБЕНИНЪ.

Снимите маску — и сейчасъ!
Вы поступаете безчестно.

МАСКА.

Къ-чему? Мое лицо вамъ такъ же неизвѣстно,
Какъ маска; и я самъ васъ вижу въ первый разъ.

АРБЕНИНЪ.

Не вѣрю. Что-то слишкомъ вы меня боитесь.
Сердиться стыдно мнѣ. Вы трусъ; подите прочь.

МАСКА.

Прощайте же, но берегитесь:
Несчастье съ вами будетъ въ эту ночь.

(исчезаетъ въ толпѣ.)

Постой!.. пропалъ... Кто жь онъ? Вотъ далъ мнѣ Богъ заботу.
Трусливый врагъ какой-нибудь,

А имъ вѣдь у меня нѣтъ счету,
Ха, ха, ха, ха! Прощай пріятель, добрый
путь...

Выходъ четвертый.

ШПРИХЪ И АРБЕНИНЪ.

(Шприхъ является)

(На канапѣ сидятъ двѣ женскія маски; кто-то подходитъ и интригуетъ, беретъ за руку.... одна вырывается и уходитъ; браслетъ спадаетъ съ руки)

ШПРИХЪ.

Кого вы такъ безжалостно тащили
Евгеній Александрычь?...

АРБЕНИНЪ.

Такъ, шутилъ
Съ пріятелемъ.

ШПРИХЪ.

Конечно, подшутили
Вы не-нашутку съ нимъ: онъ шелъ и васъ
бранилъ.

АРБЕНИНЪ.

Кому?

ШПРИХЪ.

Кокой-то маскѣ.

АРБЕНИНЪ.

Слухъ завидный

У васъ.

ШПРИХЪ.

Я слышу все и обо всемъ молчу

И не въ свои дѣла не суюсь....

АРБЕНИНЪ.

Это видно.

Такъ, стало-быть, не знаете... ну какъ не стыдно, —

Объ этомъ....

ШПРИХЪ.

Объ чемъ это-съ?...

АРБЕНИНЪ.

Да нѣтъ, я такъ шучу...

ШПРИХЪ.

Скажите....

АРБЕНИНЪ.

Говорятъ, у васъ жена красотка...

ШПРИХЪ.

Ну-съ, что жь?

АРБЕНИНЪ,

(перемѣнивъ тонъ)

А ѣздитъ къ вамъ тотъ смуглый и въ усахъ?

(Насвистываетъ пѣсню и уходитъ.)

ШПРИХЪ, одинъ.

Чтобъ у тебя засохла глотка!...

Смѣешься надо мной... такъ будешь самъ въ рогахъ.

(Теряется въ толпѣ)

Выходъ пятый.

1-Я МАСКА, одна.

(1-я маска входитъ быстро въ волненіи и падаетъ на канапе.)

1-Я МАСКА.

Ахъ!... я едва дышу... онъ все бѣжалъ за мною.

Что̀ если бы онъ со̀рвалъ маску... нѣтъ,

Онъ не узналъ меня.... да и какой судьбою

Подозрѣвать, что женщина, которой свѣтъ

Дивится съ завистью, въ пылу самозабвенья

Къ нему на шею кинется, моля

Дать ей два сладкія мгновенья,
Не требуя любви, но только сожалѣнья,
И дерзко скажетъ: я твоя!...
Онъ этой тайны вѣчно не узнаетъ...
Пускай.... я не хочу.... но онъ желаетъ
На память у меня какой–нибудь предметъ,
Кольцо... что̀ дѣлать!... рискъ ужасный!

(*Видитъ на землѣ браслетъ и поднимаетъ*)

Вотъ счастье! Боже мой! потеряный браслетъ
Съ эмалью, золотой... отдамъ ему. Пре–
красно!...
Пусть ищетъ съ нимъ меня.

Выходъ шестой.

1-Я МАСКА И КНЯЗЬ ЗВѢЗДИЧЬ.

(*Князь съ лорнетомъ торопливо продирается.*)

КНЯЗЬ.

Такъ точно... вотъ она!
Межь тысячи другихъ теперь ее узнаю.
(*Садится на канапе и береть ее за руку*) О! ты не убѣ–
жишь...

МАСКА.

Я васъ не убѣгаю.

Чего хотите вы?

КНЯЗЬ.

Васъ видѣть.

МАСКА.

Мысль смѣшна!

Я передъ вами....

КНЯЗЬ.

Это шутка злая!

Но цѣль твоя шутить, а цѣль моя — другая...

И если мнѣ небесныя черты

Сейчасъ же не откроешь ты,

То я сорву коварную личину;

Я силою....

МАСКА.

Поймите же мужчину!...

Вы не довольны, мало вамъ того,

Что я люблю васъ... нѣтъ, вамъ хочется всего,

Вамъ надо честь мою на поруганье,

Чтобъ, встрѣтившись со мной на балѣ, на

гуляньѣ,

Могли бы вы со смѣхомъ разсказать
Друзьямъ смѣшное приключенье,
И, разрѣшая ихъ сомнѣнье,
Примолвить: вотъ она! и пальцемъ указать.

КНЯЗЬ.

Я вспомню голосъ твой.

МАСКА.

Пожалуй — вотъ ужь чудо!
Сто женщинъ говорятъ всѣ голосомъ такимъ;
Васъ пристыдятъ — лишь адресуйтесь къ
нимъ,
И это было бы не худо!

КНЯЗЬ.

Но, счастіе мое неполно.

МАСКА.

А какъ знать!
Вы, можетъ быть, должны судьбу благосло-
влять
За то, что маску не хочу я снять.
Быть можетъ, я стара, дурна... какую мину
Вы сдѣлали бы мнѣ!

КНЯЗЬ.

Ты хочешь испугать.
Но, зная прелестей твоихъ лишь половину,
Какъ остальныхъ не отгадать!

МАСКА, хочетъ идти.

Прощай на-вѣки!

КНЯЗЬ.

О, еще мгновенье!
Ты ничего на память не оставишь? Нѣтъ
Въ тебѣ къ безумцу сожалѣнья?

МАСКА, отойдя два шага.

Вы правы: жаль мнѣ васъ-возьмите мой
браслетъ.

(*Бросаетъ браслетъ на полъ; пока онъ его поднимаетъ, она скрывается въ толпѣ.*)

Выходъ седьмой.

КНЯЗЬ, ПОТОМЪ АРБЕНИНЪ.

КНЯЗЬ.

(*И ищетъ ее глазами напрасно.*)

Я въ дуракахъ!... есть отъ-чего разсудка
Лишиться... (*увидѣвъ Арбенина*) А!

АРБЕНИНЪ, идетъ задумчивъ.

Кто этотъ злой пророкъ?...
Онъ долженъ знать меня... и врядъ ли это
шутка.

КНЯЗЬ, подходя.

Мнѣ въ пользу послужилъ вашъ давишній
урокъ.

АРБЕНИНЪ.

Душевно радуюсь.

КНЯЗЬ.

Но счастье налетѣло
Само собой.

АРБЕНИНЪ.

Да счастье — вѣчно такъ.

КНЯЗЬ.

Лишь только я схватилъ и думалъ: кончилъ
дѣло,
Какъ вдругъ (*дуетъ на ладонь*)... Теперь себя могу
увѣрить смѣло,
Что если все не сонъ, такъ я большой дуракъ.

АРБЕНИНЪ.

Не знаю ничего, и потому не спорю.

КНЯЗЬ.

Да вы все шутите. Помочь нельзя ли горю?
Я все вамъ разскажу (*нѣсколько словъ на ухо*).
Какъ я былъ удивленъ!
Плутовка вырвалась—и вотъ (*показываетъ браслетъ*)
Какъ будто сонъ.
Конецъ прежалобный...

АРБЕНИНЪ, улыбаясь.

А начали нехудо? ..
Но покажите-ка; браслетъ довольно-милъ,
И гдѣ-то я видалъ такой же... погодите...
Да нѣтъ, не можетъ быть... забылъ.

КНЯЗЬ.

Гдѣ отыскать ее?...

АРБЕНИНЪ.

Любую подцѣпите;
Здѣсь много ихъ — искать недалеко!

КНЯЗЬ.

Но если не она?

АРБЕНИНЪ.

А можетъ быть, легко.

Не что же за бѣда! Вообразите...

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, я ее сыщу на днѣ морскомъ; браслетъ
Поможетъ мнѣ.

АРБЕНИНЪ.

Ну, сдѣлаемъ два тура.
Но ежели она не вовсе дура,
То здѣсь ея давно простылъ и слѣдъ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Выходъ первый.

ЕВГЕНІЙ, АРБЕНИНЪ (*входитъ*); СЛУГА.

АРБЕНИНЪ.

Ну, вотъ и вечеръ конченъ — какъ я радъ!
Пора хотя на-мигъ забыться.
Весь этотъ пестрый сбродъ — весь этотъ
маскерадъ
Еще въ умѣ моемъ кружится.
И что же я тамъ дѣлалъ, не смѣшно ль?...
Давалъ любовнику совѣты

Догадки повѣрялъ, сличалъ браслеты,
И за другихъ мечталъ, какъ дѣлаютъ поэты.
Ей-богу, мнѣ такая роль
Ужь не подъ лѣты!

(*Слугѣ*) Что̀, барыня пріѣхала домой?

СЛУГА.

Нѣтъ-съ.

АРБЕНИНЪ.

А когда же будетъ?

СЛУГА.

Обѣщалась
Въ двѣнадцатомъ часу.

АРБЕНИНЪ.

Теперь ужь часъ второй, —
Не ночевать же тамъ она осталась!

СЛУГА.

Не знаю-съ.

АРБЕНИНЪ.

Будто-бы? Иди, свѣчу
Поставь на столъ. Какъ будетъ нужно, я
вскричу.

(*Слуга уходитъ; онъ садится въ кресла*)

Выходъ второй.

АРБЕПИНЪ, одинъ.

Богъ справедливъ! и я теперь едва–ли
Не осужденъ нести печали
За всѣ грѣхи минувшихъ дней.
Бывало, такъ меня чужія жены ждали,
Теперь я жду жены своей...
Въ кругу обманщицъ милыхъ я напрасно
И глупо юность погубилъ;
Любимъ былъ часто пламенно и страстно,
И ни одну изъ нихъ я не любилъ.
Романа не начавъ, я зналъ уже развязку,
И для другигъ сердецъ твердилъ
Слова любви, какъ няня сказку.
И тяжко стало мнѣ, и скучно жить!
И кто-то подалъ мнѣ тогда совѣтъ лукавый:
Жениться... чтобъ имѣть святое право
Ужь ровно ни кого на свѣтѣ не любить.
И я нашелъ жену, покорное созданье.

Она была прекрасна и нѣжна,
Какъ агнецъ Божій на закланье,
Мной къ алтарю она приведена....
И вдругъ во мнѣ забытый звукъ проснулся:
Я въ душу мертвую свою
Взглянулъ... и увидалъ, что я ее люблю
И, стыдно молвить, — ужаснулся!...
Опять мечты, опять любовь
Въ пустой груди бушуютъ на просторѣ.
Изломанный челнокъ, я снова брошенъ въ море:
Вернусь ли къ пристани я вновь!...

(*Задумывается.*)

Выходъ третій.

АРБЕНИНЪ И НИНА.

(*Нина входитъ на цыпочкахъ и цѣлуетъ его въ лобъ сзади.*)

Ахъ, здравствуй, Нина... наконецъ!
Давно пора.

НИНА.

Не ужели такъ поздно?

АРБЕНИНЪ.

Я жду тебя ужь цѣлый часъ.

НИНА.

Серьёзно?

Ахъ, какъ ты милъ!

АРБЕНИНЪ.

А думаетъ глупецъ!
Онъ ждетъ себѣ, а я...

НИНА.

Ахъ, мой Творецъ!...
Да ты всегда не въ духѣ, смотришь грозно,
И на тебя ничѣмъ не угодишь.
Скучаешь ты со мною розно,
А встрѣтимся — ворчишь.
Скажи мнѣ просто: «Нина
Кинь свѣтъ, я буду жить съ тобой
И для тебя. За чѣмъ другой мужчина,
Какой-нибудь бездушный и пустой,
Бульварный франтъ, затянутый въ корсетѣ,

Съ утра до вечера тебя встрѣчаетъ въ свѣтѣ,
А я лишь часъ какой-нибудь на дню
Могу сказать тебѣ два слова?»
Скажи мнѣ это, — я готова,
Въ деревнѣ молодость свою я схороню,
Оставлю балы, пышность, моду
И эту скучную свободу.
Скажи лишь просто мнѣ, какъ другу... Но
къ-чему
Меня воображеніе умчало?...
Положимъ, ты меня и любишь, но такъ мало,
Что даже не ревнуешь ни къ кому!

АРБЕНИНЪ, улыбаясь.

Какъ быть? я жить привыкъ безпечно,
И ревновать смѣшно...

НИНА.

Конечно.

АРБЕНИНЪ.

Ты сердишься?

НИНА.

Нѣтъ, я благодарю.

АРБЕНИНЪ.

Ты опечалилась.

НИНА.

Я только говорю,

Что ты меня не любишь.

АРБЕНИНЪ.

Нина!

НИНА.

Что вы?

АРБЕНИНЪ.

Послушай. Насъ одной судьбы оковы
Связали навсегда... ошибкой, можетъ быть;
Не мнѣ и не тебѣ судить.

(Привлекаетъ къ себѣ на колѣни и цѣлуетъ.)

Ты молода лѣтами и душою,
Въ огромной книгѣ жизни ты прочла
Одинъ заглавный листъ, и предъ тобою
Открыто море счастія и зла.

Иди любой дорогой,

Надѣйся и мечтай — вдали надежды много,
А въ прошломъ жизнь твоя бѣла!

Ни сердца своего, ни моего не зная,
Ты отдалася мнѣ — и любишь, вѣрю я,
Но безотчетно, чувствами играя,
И рѣзвясь, какъ дитя.
Но я люблю иначе: я все видѣлъ,
Все перечувствовалъ, все понялъ, все узналъ;
Любилъ я часто, чаще ненавидѣлъ,
И болѣе всего страдалъ.
Сначала все хотѣлъ, потомъ все презиралъ я,
То самъ себя не понималъ я
То міръ меня не понималъ.
На жизни я своей узналъ печать проклятья,
И холодно закрылъ объятья
Для чувствъ и счастія земли...
Такъ годы многіе прошли.
О днях, отравленныхъ волненьемъ
Порочной юности моей,
Съ какимъ глубокимъ отвращеньемъ
Я мыслю на груди твоей!
Такъ, прежде я тебѣ цѣны не зналъ, не-
счастный;

Но скоро черствая кора
Съ моей души слетѣла — міръ прекрасный
Моимъ глазамъ открылся ненапрасно,
И я воскресъ для жизни и добра.
Но иногда опять какой-то духъ враждебный
Меня уноситъ въ бурю прежнихъ дней,
Стираетъ съ памяти моей
Твой свѣтлый взоръ и голосъ твой волшеб-
ный.
Въ борьбѣ съ собой, подъ грузомъ тяжкихъ
думъ,
Я молчаливъ, суровъ, угрюмъ.
Боюся осквернить тебя прикосновеньемъ,
Боюсь, чтобы тебя не испугалъ ни стонъ,
Ни звукъ, исторгнутый мученьемъ.
Тогда ты говоришь: меня не любитъ онъ!

(Она ласково смотритъ на него и проводитъ рукой по волосамъ.)

НИНА.

Ты странный человѣкъ! Когда краснорѣчиво
Ты про любовь свою разсказываешь мнѣ,
И голова твоя въ огнѣ,

И мысль твоя въ глазахъ сіяетъ живо,
Тогда всему я вѣрю безъ труда;
Но часто...

АРБЕНИНЪ.

Часто?...

ПИНА.

Нѣтъ, но — иногда...

АРБЕНИНЪ.

Я сердцемъ слишкомъ старъ, ты слишкомъ молода;
Но чувствовать могли бъ мы ровно.
И, помнится, въ твои года
Всему я вѣрилъ безусловно.

ПИНА.

Опять ты недоволенъ... Боже мой!

АРБЕНИНЪ.

О нѣтъ! я счастливъ, счастливъ... я же-стокій.

Безумный клеветникъ далеко,
Далеко отъ толпы завистливой и злой;
Я счастливъ. . . . . я съ тобой!

Оставимъ прежнее! забвенье
Тяжелой, черной старинѣ!
Я вижу, что Творецъ тебя въ вознагражденье
Съ своихъ небесъ послалъ ко мнѣ.

(Цалуетъ ея руки, и вдругъ, на одной не видя браслета, останавливается и блѣднѣетъ.)

НИНА.

Ты поблѣднѣлъ, дрожишь... о, Боже!

АРБЕНИНЪ, вскакиваетъ.

Я? ничего! Гдѣ твой другой браслетъ?

НИНА.

Потерянъ.

АРБЕНИНЪ.

А! потерянъ!

НИНА.

Что же?

Бѣды великой въ этомъ нѣтъ.
Онъ двадцати пяти рублей, конечно, не дороже.

АРБЕНИНЪ, про себя.

Потерянъ... Отъ-чего я этимъ такъ смущенъ?
Какое странное мнѣ шепчетъ подозрѣнье?

Ужель то было только сонъ,
А это — пробужденье?...

НИНА.

Тебя понять я, право, не могу.

АРБЕНИНЪ.

(*Пронзительно на нее смотритъ, сложивъ руки*).

Браслетъ потерянъ?...

НИНА, обидясь.

Нѣтъ, я лгу!

АРБЕНИНЪ, про себя.

Но сходство, сходство!

НИНА.

Вѣрно, уронила
Въ каретѣ я его; — велите обыскать.
Конечно бъ я его не смѣла взять,
Когда бъ вообразила...

Выходъ четвертый.

ПРЕЖНІЕ И СЛУГА.

АРБЕНИНЪ, звонитъ; слуга входитъ.

(*Слугѣ.*) Карету обыщи ты вдоль и поперёгъ—

Потерянъ тамъ браслетъ... Избави Богъ
Тебѣ вернуться безъ него! *(Ей)* О чести,
О счастіи моемъ тутъ рѣчь идетъ.

(Слуга уходитъ.)

(Послѣ паузы ей) Но если онъ и тамъ браслета
не найдетъ?

НИНА.

Такъ, стало-быть, въ другомъ онъ мѣстѣ.

АРБЕНИНЪ.

Въ другомъ? и гдѣ — ты знаешь?

НИНА.

Въ первый разъ
Такъ скупы вы и такъ суровы;
И чтобъ скорѣй утѣшить васъ,
Я завтра жь закажу, такой же точно, новый.

(Слуга входитъ.)

АРБЕНИНЪ.

Ну, что?... скорѣе отвѣчай...

СЛУГА.

Я перешарилъ всю карету-съ.

АРБЕНИНЪ.

И не нашелъ тамъ?

СЛУГА.

Нѣту-съ.

АРБЕНИНЪ.

Я это зналъ... ступай!

(Значительный взглядъ на нее.)

СЛУГА.

Конечно, въ маскарадѣ онъ потерянъ.

АРБЕНИНЪ.

А!... въ маскерадѣ!... такъ вы были тамъ?

Выходъ пятый.

ПРЕЖНІЕ, КРОМѢ СЛУГИ.

АРБЕНИНЪ.

(*Слугѣ*) Иди. (*Ей*) Что̀ стоило бы вамъ
Сказать объ этомъ прежде? Я увѣренъ,
Что мнѣ тогда имѣть позволили бы честь
Васъ проводить туда и васъ домой отвезть.
Я бъ вамъ не помѣшалъ ни строгимъ наблюденьемъ,

Ни пошлой нѣжностью своей...
Съ кѣмъ были вы?

НИНА.

Спросите у людей:
Они вамъ скажутъ все, и даже съ прибавленьемъ.
Они по пунктамъ объяснятъ:
Кто былъ тамъ, съ кѣмъ я говорила,
Кому браслетъ на память подарила.
И вы узнаете все лучше во сто кратъ,
Чѣмъ еслибъ съѣздили вы сами въ маскарадъ.
(*Смѣется*) Смѣшно, смѣшно, ей-Богу!
Не стыдно ли, не грѣхъ
Изъ пустяковъ поднять тревогу!

АРБЕНИНЪ.

Дай Богъ, чтобъ это былъ твой не послѣдній смѣхъ!

НИНА.

О, если ваши продолжатся бредни,
То это, вѣрно, не послѣдній.

АРБЕНИНЪ.

Кто знаетъ, можетъ быть...
Послушай, Нина!... я смѣшонъ, конечно,
Тѣмъ, что люблю тебя такъ сильно, безко-
нечно,
Какъ только можетъ человѣкъ любить.
И что за диво? у другихъ на свѣтѣ
Надеждъ и цѣлей милліонъ,
У одного богатство есть въ предметѣ,
Другой въ науки погружонъ,
Тотъ добивается чиновъ, крестовъ, иль славы,
Тотъ любитъ общество, забавы,
Тотъ странствуетъ, тому игра волнуетъ кровь...
Я странствовалъ, игралъ, былъ вѣтренъ и
трудился,
Постигъ друзей, коварную любовь,
Чиновъ я не хотѣлъ, а славы не добился.
Богатъ, и безъ гроша былъ скукою то-
мимъ.
Вездѣ я видѣлъ зло, и, гордый, передъ нимъ
Нигдѣ не преклонился.

Все, что̀ осталось мнѣ отъ жизни — это ты:
Созданье слабое, но ангелъ красоты!
Твоя любовь, улыбка, взоръ, дыханье...
Я человѣкъ: пока они мои,
Безъ нихъ нѣтъ у меня ни счастья, ни души,
Ни чувства, ни существованья!
Но если я обманутъ... если я
Обманутъ... если на груди моей змѣя
Такъ много дней была согрѣта, — если точно
Я правду отгадалъ... и, лаской усыпленъ,
Съ другимъ осмѣянъ былъ заочно, —
Послушай Нина... я рожденъ
Съ душой кипучею, какъ лава:
Покуда не растопится, тверда
Она какъ камень... но плоха забава
Съ ея потокомъ встрѣтиться! Тогда,
Тогда не ожидай прощенья —
Закона я на месть свою не призову,
Но самъ, безъ слезъ и сожалѣнья,
Двѣ наши жизни разорву!

(Хочетъ взять ее за руку; она отскакиваетъ въ сторону.)

НИНА.

Не подходи... О, какъ ты страшенъ!

АРБЕНИНЪ.

Не-уже-ли?..
Я страшенъ? Нѣтъ, ты шутишь, я смѣшонъ!
Да смѣйтесь, смѣйтесь же... Зачѣмъ, достиг-
нувъ цѣли,
Блѣднѣть и трепетать? Скорѣе! гдѣ же онъ,
Любовникъ пламенный, игрушка маскарада,—
Пускай потѣшится, придетъ.
Вы дали мнѣ вкусить почти всѣ муки ада —
И этой лишь не достаетъ.

НИНА.

Такъ вотъ какое подозрѣнье!
И этому всему виной одинъ браслетъ!
Повѣрьте, ваше поведенье
Не я одна, но осмѣётъ весь свѣтъ!

АРБЕНИНЪ.

Да! смѣйтесь надо мной вы, всѣ глупцы
земные,
Безпечные, но жалкіе мужья,

Которыхъ нѣкогда обманывалъ и я,
Которые межъ-тѣмъ живете, какъ святые
Въ раю... увы!... Но ты, мой рай,
Прекрасный и земной, прощай!...
Прощай! Я знаю все! (*Ей*) Прочь отъ меня, гіена!
И думалъ я, глупецъ, что, тронута, съ тоской,
Съ раскаяньемъ во всемъ передо мной
Она откроется, упавши на колѣна?
Да, я бъ смягчился, еслибъ увидалъ
Одну слезу. . одну... Нѣтъ, смѣхъ былъ мнѣ
отвѣтомъ!

НИНА.

Не знаю, кто меня оклеветалъ,
Но я прощаю вамъ; я не виновна въ этомъ.
Жалѣю, хоть помочь вамъ не могу,
И чтобъ утѣшить васъ, конечно не солгу.

АРБЕНИНЪ.

О, замолчи, прошу тебя... довольно!...

НИНА.

Но слушай... я невинна... пусть
Меня накажетъ Богъ, — послушай...

АРБЕНИНЪ.

Наизустъ
Я знаю все, что̀ скажешь ты.

НИНА.

Мнѣ больно
Твои упреки слушать... Я люблю
Тебя, Евгеній.

АРБЕНИНЪ.

Ну, по чести,
Признанье въ пору...

НИНА.

Выслушай, молю!
О Боже! Но чего жь ты хочешь?

АРБЕНИНЪ.

Мести!

НИНА.

Кому жь ты хочешь мстить?

АРБЕНИНЪ.

О, часъ придетъ,
И, право, мнѣ вы надивитесь!

НИНА.

Не мнѣ ль?... что жь медлишь ты?

АРБЕНИНЪ.

Геройство къ вамъ нейдетъ.

НИНА, съ презрѣньемъ.

Кому жь?

АРБЕНИНЪ.

Вы за кого боитесь?

НИНА.

Ужели много ждетъ меня такихъ минутъ?
О, перестань! ты ревностью своею
Меня убьешь... Я не умѣю
Просить, и ты неумолимъ... Но я и тутъ
Тебѣ прощаю.

АРБЕНИНЪ.

Лишній трудъ!

НИНА.

Однако есть и Богъ... онъ не проститъ.

АРБЕНИНЪ.

Жалѣю!

(Она въ слезахъ уходитъ.)

(*Одинъ*) Вотъ женщина!... О, знаю я давно
Васъ всѣхъ, всѣ ваши ласки и упреки!
Но жалкое познанье мнѣ дано,
И дорого плачу я за уроки!...
И то сказать, за что̀ меня любить?
За то ль, что у меня и видъ и голосъ грозный?...

(*Подходитъ къ двери жены и слушаетъ.*)

Что дѣлаетъ она? Смѣется, можетъ быть!...
Нѣтъ плачетъ. (*Уходя*) Жаль, что поздно...

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Выходъ первый.

(Баронесса сидитъ на креслахъ въ усталости и бросаетъ книгу.)

БАРОНЕССА.

Подумаешь: зачѣмъ живемъ мы? для того ли,
Чтобъ вѣчно угождать на чуждый нравъ
И рабствовать всегда! Жоржъ Зандъ почти-
что правъ.
Что нынѣ женщина? Созданіе безъ воли,

Игрушка для страстей, иль прихотей дру-
гихъ!
Имѣя свѣтъ судьёй, и, безъ защиты въ свѣтѣ,
Она должна таить весь пламень чувствъ сво-
ихъ,
Иль удушить ихъ въ полномъ цвѣтѣ.
Что̀ женщина? Ее отъ юности самой
Въ продажу выгодамъ, какъ жертву убира-
ютъ.
Винятъ въ любви къ себѣ одной,
Любить другихъ не позволяютъ.
Въ груди ея порой бушуетъ страсть,
Боязнь, разсудокъ, мысли гонитъ;
И если какъ-нибудь, забывши свѣта власть,
Она покровъ съ нея уронитъ,
Предастся чувствамъ всей душой —
Тогда прости и счастье и покой!
Свѣтъ тутъ: онъ тайны знать не хочетъ;
онъ по виду,
По платью встрѣтитъ честность и порокъ, —
Но не снесетъ приличіямъ обиду,

И въ наказаніяхъ жестокъ! .. *(Хочетъ читать.)*
Нѣтъ, не могу читать... меня смутило
Все это размышленье; я боюсь
Его какъ недруга... и, вспомнивъ то, что̀
было,
Сама себѣ еще дивлюсь. *(Входитъ Нина.)*

Выходъ второй.

НИНА.

Каталась я въ саняхъ, и мнѣ пришла идея
Къ тебѣ заѣхать, mon amour.

БАРОНЕССА.

C'est une ideé charmante, vous en avez
toujours.
(Садятся) Ты что-то прежняго блѣднѣе
Сегодня, не смотря на вѣтеръ и морозъ,
И красные глаза — конечно, не отъ слёзъ?

НИНА.

Я дурно ночь спала, и нынче нездорова.

БАРОНЕССА.

Твой докторъ не хорошъ — возьми другова.

Выходъ третій.

КНЯЗЬ ЗВѢЗДИЧЬ *(входитъ.)*

БАРОНЕССА, хо́лодно.

Ахъ, князь!

КНЯЗЬ.

Я былъ вчера у васъ
Съ извѣстіемъ, что нашъ пикникъ разстро-
енъ.

БАРОНЕССА.

Прошу садиться, князь.

КНЯЗЬ.

Я спорилъ лишь сейчасъ,
Что огорчитесь вы, — но видъ вашъ такъ
спокоенъ...

БАРОНЕССА.

Мнѣ, право, жаль.

КНЯЗЬ.

А я такъ очень радъ.
Пикниковъ двадцать я отдамъ за маскарадъ.

НИНА.

Вчера вы были въ маскарадѣ?

КНЯЗЬ.

Былъ.

БАРОНЕССА.

А въ какомъ нарядѣ?

НИНА.

Тамъ было много...

КНЯЗЬ.

Да; и тамъ
Подъ маской я узналъ иныхъ изъ нашихъ дамъ.
Конечно, вы охотницы рядиться. (*Смѣется.*)

БАРОНЕССА, горячо.

Я объявить вамъ, князь, должна,
Что эта клевета ни мало не смѣшна.
Какъ женщинѣ порядочной рѣшиться
Отправиться туда, гдѣ всякій сбродъ,

Гдѣ всякой вѣтренникъ обидитъ, осмѣётъ;
Рискнуть быть узнанной... Вамъ надобно стыдиться,
Отрѣчься отъ подобныхъ словъ.

КНЯЗЬ.

Отрѣчься не могу; стыдиться же — готовъ.

(*Входитъ чиновникъ.*)

Выходъ четвертый.

ПРЕЖНІЕ И ЧИНОВНИКЪ.

БАРОНЕССА.

Откуда вы?

ЧИНОВНИКЪ.

Сейчасъ лишь изъ Правленья,
О дѣлѣ вашемъ я пришелъ поговорить.

БАРОНЕССА.

Его рѣшили?

ЧИНОВНИКЪ.

Нѣтъ, но скоро... Можетъ быть,
Я помѣшалъ ...

БАРОНЕССА.

Ни чуть. (*Отходитъ къ окну и говоритъ*)

КНЯЗЬ, въ сторону.

Вотъ время объясненья! (*Нинѣ*)
Я въ магазинѣ нынѣче видѣлъ васъ.

НИНА.

Въ какомъ же?

КНЯЗЬ.

Въ англійскомъ.

НИНА.

Давно ль?

КНЯЗЬ.

Сейчасъ..

НИНА.

Мнѣ удивительно, что васъ я не узнала.

КНЯЗЬ.

Вы были заняты.

НИНА, скоро.

Браслетъ я прибирала. (*Вынимаетъ изъ ридикюля.*)
Вотъ къ этому...

КНЯЗЬ.

Премиленькій браслетъ!

Но гдѣ жь другой?

НИНА.

Потерянъ!

КНЯЗЬ.

Въ самомъ дѣлѣ?...

НИНА.

Что жь страннаго?

КНЯЗЬ.

И не секретъ,

Когда?

НИНА.

Третьяго-дня, вчера, на той недѣлѣ.

Зачѣмъ вамъ знать, когда?

КНЯЗЬ.

Я мысль свою имѣлъ,

Довольно странную, быть можетъ... (*В сторону*)

Смущается она — вопросъ ее тревожитъ.

Охъ, эти скромницы! (*Ей*) Я предложить хотѣлъ

Свои услуги вамъ.. онъ можетъ отыскаться...

НИНА.

Пожалуйста... Но гдѣ?

КНЯЗЬ.

А гдѣ жь потерянъ онъ?

НИНА.

Не помню.

КНЯЗЬ.

Какъ-нибудь на балѣ?

НИНА.

Можетъ-статься.

КНЯЗЬ.

Или кому-нибудь на память подаренъ?

НИНА.

Откуда вывели такое заключенье?

И подарю его кому жь?

Не мужу ль?

КНЯЗЬ.

Будто въ свѣтѣ только мужъ?...

Пріятельницъ у васъ толпа, въ томъ нѣтъ сомнѣнья.

Но пусть потерянъ онъ, — а тотъ,

Который вамъ его найдётъ,
Получитъ ли отъ васъ какое награжденье?

НИНА.

(*Улыбаясь*) Смотря...

КНЯЗЬ.

Но если онъ
Васъ любитъ, если въ васъ потерянный
свой сонъ
Онъ отыскалъ — и за улыбку вашу, слово,
Не пожалѣетъ ничего земнова?
Но если сами вы когда-нибудь
Ему рѣшились намекнуть
О будущемъ блаженствѣ, — если сами,
Не узнаны, подъ маскою, его
Ласкали вы любви словами...
О... но поймите же!

НИНА.

Изъ этого всего
Я то лишь поняла, что слишкомъ вы забы-
лись...
И нынче въ первый и послѣдній разъ
Не говорить со мной прошу покорно васъ.

КНЯЗЬ.

О Боже! Я мечталъ... Ужель вы разсердились?
(*Про-себя*) Ты отвертѣлася! добро... но будетъ
часъ,
И я своей достигну цѣли.

(*Нина отходитъ къ Баронессѣ.*)

(*Чиновникъ раскланивается и уходитъ.*)

НИНА.

Adieu ma chère — до завтра; мнѣ пора.

БАРОНЕССА.

Да подожди monange, съ тобой мы не
успѣли
Сказать двухъ словъ (*Цалуются.*)

НИНА.

(*Уходя*) Я завтра жду тебя съ утра. (*Уходитъ.*)

БАРОНЕССА.

Мнѣ день покажется длиннѣй недѣли.

Выходъ третій.

ПРЕЖНІЕ, КРОМѢ НИНЫ И ЧИНОВНИКА.

КНЯЗЬ, въ сторону.

Я отомщу тебѣ! Вотъ скромница нашлась.

Пожалуй, я дуракъ — пожалуй, отречется.
Но я узналъ браслетъ.

БАРОНЕССА.

Задумалися, князь?

КНЯЗЬ.

Да, многое раздумать мнѣ придется.

БАРОНЕССА.

Какъ кажется, вашъ разговоръ
Былъ оживленъ — о чемъ былъ споръ?

КНЯЗЬ.

Я утверждалъ, что встрѣтилъ въ маскарадѣ...

БАРОНЕССА.

Кого?

КНЯЗЬ.

Ее.

БАРОНЕССА.

Какъ, Нину?

КНЯЗЬ.

Да.

Я доказалъ ей.

БАРОНЕССА.

Безъ стыда,
Я вижу, вы въ глаза людей злословить рады.

КНЯЗЬ.

Изъ странности рѣшаюсь иногда.

БАРОНЕССА.

Такъ пощадите хоть заочно!
Къ тому же, доказательствъ нѣтъ.

КНЯЗЬ.

Нѣтъ? только мнѣ вчера былъ данъ брас-
летъ,
И у нея такой же точно.

БАРОНЕССА.

Вотъ доказательство... логическій отвѣтъ!
Такіе же есть въ каждомъ магазинѣ.

КНЯЗЬ.

Я нынѣ всѣ изъѣздилъ ихъ,
И тутъ увѣрился, что только два такихъ.

(*Послѣ молчанія.*)

БАРОНЕССА.

Я завтра жь дамъ совѣтъ полезный Нинѣ:

Не довѣряться болтунамъ.

КНЯЗЬ.

А мнѣ совѣтъ какой?

БАРОНЕССА.

А вамъ?

Смѣлѣе продолжать съ успѣхомъ начатое
И дорожить побольше честью дамъ.

КНЯЗЬ.

За два совѣта вамъ я благодаренъ вдвое.

(*Уходитъ.*)

Выходъ четвертый.

БАРОНЕССА.

Какъ честью женщины такъ вѣтрено шутить!
Откройся я ему, со мной бы было тоже!
И такъ прощайте, князь; не мнѣ васъ выводить
Изъ заблужденія; о нѣтъ, избави Боже!
Одно лишь странно мнѣ, какъ я найти могла
Ея браслетъ. Такъ! Нина тамъ была —
И вотъ разгадка всей шарады....

Не знаю отъ-чего, но я его люблю, —
Быть можетъ, такъ, отъ скуки, отъ досады,
Отъ ревности... томлюся и горю,
И нѣту мнѣ ни въ чемъ отрады!
Мнѣ будто слышится и смѣхъ толпы пустой
И шопотъ злобныхъ сожалѣній!
Нѣтъ, я себя спасу... хотябъ на счетъ другой,
Отъ этого стыда, — хотябъ цѣной мученій
Пришлося выкупить проступокъ новый мой...

(*Задумывается*)

Какая цѣпь ужасныхъ предпріятій.

Выходъ пятый.

БАРОНЕССА И ШПРИХЪ.

ШПРИХЪ.

(*Входитъ, раскланивается.*)

БАРОНЕССА.

Ахъ, Шприхъ! ты вѣчно кстати.

ШПРИХЪ.

Помилуйте; я былъ бы очень радъ,

Когда бы могъ вамъ быть полезенъ.
Покойный вашъ супругъ....

БАРОНЕССА.

Вседа ль ты такъ любезенъ?

ШПРИХЪ.

Блаженной памяти, баронъ...

БАРОНЕССА.

Тому назадъ
Лѣтъ пять, я помню.

ШПРИХЪ.

Занялъ тысячь...

БАРОНЕССА.

Знаю,
Но я тебѣ проценты за пять лѣтъ
Отдамъ сегодня же.

ШПРИХЪ.

Мнѣ-съ нужды въ деньгахъ нѣтъ,
Попомилуйте-съ, я такъ, случайно вспоминаю.

БАРОНЕССА.

Скажи, что̀ новаго?

ШПРИХЪ.

У графа одного
Наслушался — сейчасъ лишь вышелъ, —
Исторіи въ свѣтѣ тма.

БАРОНЕССА.

А ничего
Про князя Звѣздича съ Арбениной не слышалъ?

ШПРИХЪ, въ недоумѣніи.

Нѣтъ... слышалъ... какъ же... нѣтъ...
Объ этомъ говорилъ и замолчалъ ужь свѣтъ...
(*Въ сторону*) А что бишь, я не помню, вотъ ужасно!...

БАРОНЕССА.

О, если это такъ ужь гласно,
То нѣчего и говорить!

ШПРИХЪ.

Но я бъ желалъ узнать, какъ вы объ этомъ
Изволите судить?

БАРОНЕССА.

Они осуждены ужь свѣтомъ.

А впрочемъ я бъ могла ихъ подарить совѣ-
томъ —
Сказала бы ему, что женщивы цѣнятъ
Настойчивость въ мужчинѣ,
Хотятъ, чтобъ онъ сквозь тысячу преградъ
Къ своей стремился героинѣ.
А ей бы пожелала я
Поменьше строгости и скромности поболѣ.,
Прощайте мосьё Шприхъ, обѣдать ждетъ меня
Сестра; а то бъ осталась съ вами долѣ.
(*Уходя, въ сторону*) Теперь я спасена — полезный
мнѣ урокъ!

Выходъ шестой.

ШПРИХЪ, одинъ.

Не безпокойтеся: я понялъ вашъ намёкъ
И не дождуся повторенья.
Какая быстрота, ума соображенья!
Тутъ есть интрига... да, вмѣшаюсь въ эту
связь —

Мнѣ благодаренъ будетъ князь.
Я попаду къ нему въ агенты...
Потомъ сюда съ рапортомъ прилечу,
И ужь авось, тогда хоть получу
Я пятилѣтніе проценты.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Выходъ первый.

(*Кабинетъ Арбенина*;)

АРБЕНИНЪ, одинъ; потомъ ЛАКЕЙ.

АРБЕНИНЪ.

Все ясно ревности — а доказательствъ нѣтъ!
Боюсь ошибки, а терпѣть нѣтъ силы,
Оставить такъ, забыть минутный бредъ...
Такая жизнь страшнѣй могилы!
Есть люди, я видалъ, — съ душой остылой,
Они блаженствуютъ и мирно спятъ въ
грозу —

То жизнь завидная!

ЛАКЕЙ, входитъ.

Ждетъ человѣкъ внизу.
Принесъ онъ барынѣ записку отъ княгини.

АРЕНИНЪ.

Да отъ какой?

СЛУГА.

Не разобралъ-съ.

АРБЕНИНЪ.

Записка? къ Нинѣ?..

(*Идетъ; слуга остается.*)

Выходъ второй.

АѲАНАСІЙ ПАВЛОВИЧЪ КАЗАРИНЪ И СЛУГА.

СЛУГА.

Сейчасъ лишь баринъ вышелъ-съ; подож-
дите

Не много-съ.

КАЗАРИНЪ.

Хорошо.

СЛУГА.

Я тотчасъ доложу-съ. (*Уходитъ.*)

КАЗАРИНЪ.

Ждать я готовъ хоть годъ, когда хотите
Мосьё Арбенинъ, и дождусь.
Дѣла мои преплохи, такъ что грустно!
Товарищъ нуженъ мнѣ искусный.
Не дурно, если онъ къ томужъ
Великодушенъ часто, кстати
Имѣетъ тысячи три душъ
И покровительство у знати.
Арбенина втянуть опять бы надо мнѣ
Въ игру; онъ будетъ вѣренъ старинѣ
Пріятеля онъ поддержать съ умѣетъ
И предъ дѣтьми не оробѣетъ.
А эта молодёжь
Мнѣ просто — ножъ!
Толкуй имъ, какъ угодно,
Не знаютъ ни завесть, ни въ пору перестать

Не кстати честность показать.
Ни передернуть благородно.
Взгляните–ка, изъ стариковъ
Какъ многіе игрой достигли до чиновъ.
Изъ грязи
Вошли со знатью въ связи;
А все вѣдь отъ–чего? — умѣли сохранять
Приличіе во всемъ, блюсти свои законы,
Держались правилъ, — глядь:
При нихъ и честь и милліоны!...

Выходъ третій.

КАЗАРИНЪ И ШПРИХЪ.

(*Входитъ Шприхъ.*)

ШПРИХЪ.

Ахъ, Аѳанасій Павловичъ! вотъ чудо!
Ахъ какъ я радъ, не думалъ встрѣтить васъ.

КАЗАРИНЪ.

Я также. Ты съ визитомъ?

ШПРИХЪ.

Да-съ.

А вы?

Я также.

ШПРИХЪ.

Право? А не худо,
Что мы сошлись; о дѣлѣ объ одномъ
Поговорить мнѣ нужно бъ съ вами.

КАЗАРИНЪ.

Бывало, ты все занятъ былъ дѣлами,
А дѣломъ въ первый разъ.

ШПРИХЪ.

Bon mot вамъ не по чемъ,
А, право, нужное...

КАЗАРИНЪ.

Мнѣ также очень нужно
Съ тобой поговорить.

ШПРИХЪ.

И такъ, мы сладимъ дружно.

КАЗАРИНЪ.

Не знаю... говори!

ШПРИХЪ.

Позвольте лишь спросить:
Вы слышали ль, что вашъ пріятель
Арбенинъ *(дѣлаетъ пальцами изображеніе роговъ.)*

КАЗАРИНЪ.

Что?... не можетъ быть!
Ты точно знаешь?...

ШПРИХЪ.

Мой Создатель!
Я самъ улаживалъ — тому лишь пять ми-
нутъ;
Кому же знать?

КАЗАРИНЪ.

Бѣсъ вѣчно тутъ-какъ-тутъ.

ШПРИХЪ.

Вотъ видите: жена его намедни,
Не помню я на балѣ, ...
Иль въ маскарадѣ встрѣтилась съ однимъ
Князькомъ; ему она довольно показалась

И очень скоро князь сталъ счастливъ и лю-
бимъ.
Но вдругъ красотка передъ нимъ
Отъ прежняго чуть-чуть не отклепалась.
Взбѣсился князь и полетѣлъ вездѣ
Разсказывать — того смотри, что быть бѣдѣ.
Меня просили сладить это дѣло...
Я принялся — и разомъ все поспѣло.
Князь обѣщалъ молчать, записку навалялъ,
Покорный вашъ слуга слегка ее поправилъ
И къ мѣсту тотъ же часъ доставилъ.

КАЗАРИНЪ.

Смотри, чтобъ мужъ тебѣ ушей не обор-
валъ.

ШПРИХЪ.

Въ такихъ ли я дѣлахъ бывалъ,
А обходилось безъ дуэли...

КАЗАРИНЪ.

И даже не былъ битъ?

ШПРИХЪ.

У васъ все шутка, смѣхъ...

А я всегда скажу, что жизнію безъ цѣли
Не должно рисковать.

КАЗАРИНЪ.

И въ самомъ дѣлѣ!
Такую жизнь, безцѣнную для всѣхъ,
Безъ пользы подвергать — великій грѣхъ.

ШПРИХЪ.

Но это въ сторону; вѣдь я объ важномъ съ вами
Хотѣлъ поговорить.

КАЗАРИНЪ.

Что жь это?

ШПРИХЪ.

Анекдотъ!
А дѣло вотъ въ чемъ...

КАЗАРИНЪ.

Пропадай съ дѣлами!
Арбенинъ, кажется, идетъ.

ШПРИХЪ.

Нѣтъ никого. Мнѣ привезли недавно
Отъ графа Врути пять борзыхъ собакъ.

КАЗАРИНЪ.

Твой анекдотъ ей–Богу презабавный.

ШПРИХЪ.

Вашъ братъ охотникъ; вотъ купить бы сла-
вно!

КАЗАРИНЪ.

И такъ Арбенинъ — какъ дуракъ...

ШПРИХЪ.

Послушайте.

КАЗАРИНЪ.

Попалъ въ просакъ,
Обманутъ и осмѣянъ явно.
Женитесь послѣ этого!

ШПРИХЪ.

Вашъ братъ
Находкѣ этой былъ бы радъ.

КАЗАРИНЪ.

Въ женитьбѣ вѣрность, счастіе — все враки!
Эй, не женися Шприхъ!

ШПРИХЪ.

Да я давно женатъ ..

Послушайте, одна особенно вотъ кладъ.

КАЗАРИНЪ.

Жена?

ШПРИХЪ.

Собака.

КАЗАРИНЪ.

Вотъ дались собаки!
Послушай, мой любезный другъ,
Не знаю какъ жену — что Богъ дастъ, не-
извѣстно,
А ты собакъ не скоро сбудешь съ рукъ.

(Арбенинъ входитъ съ письмомъ. Они стояли налѣво у бюро, и онъ ихъ не видалъ.)

Задумчивъ, и съ письмомъ; узнать бы интересно...

Выходъ четвертый.

ПРЕЖНІЕ И АРБЕНИНЪ.

АРБЕНИНЪ, не замѣчая ихъ.

О благодарность! И давно ли я
Спасъ честь его и будущность, не зная

Почти, кто онъ таковъ, — и что же... О,
змѣя!
Неслыханная низость!... Онъ, играя,
Какъ воръ вторгается въ мой домъ,
Покрылъ меня позоромъ и стыдомъ!...
И я глазамъ не вѣрилъ, забывая
Весь горькій опытъ многихъ дней.
Я, какъ дитя, незнающій людей,
Не смѣлъ подозрѣвать такого преступленья.
Я думалъ: вся вина ея... не знаетъ онъ,
Кто эта женщина... какъ странный сонъ,
Забудетъ онъ свое ночное приключенье.
Онъ не забылъ—онъ сталъ искать и отыскалъ,
И тутъ — не могъ остановиться...
Вотъ благодарность!... Много я видалъ,
На свѣтѣ, а пришлось еще дивиться.

(*Перепечатываетъ письмо.*)

«Я васъ нашелъ! Но не хотѣли вы
«Признаться...» Скромность кстати чрезвычайно.
«Вы правы... что̀ страшнѣй молвы?

«Подслушать насъ могли бъ случайно.
«Такъ не презрѣніе, но страхъ
«Прочелъ я въ вашихъ пламенныхъ глазахъ.
«Вы тайны любите — и это будетъ тайной!
«Но я скорѣй умру, чѣмъ откажусь отъ васъ.»

ШПРИХЪ.

Письмо! такъ, такъ, оно... Пропало все какъ разъ!

АРБЕНИНЪ.

О-го! искусный соблазнитель, право!
Мнѣ хочется послать ему отвѣтъ кровавый.
(*Казарину*) А! ты былъ здѣсь?

КАЗАРИНЪ.

Я жду ужь цѣлый часъ.

ШПРИХЪ, въ сторону.

Отправлюсь къ баронессѣ: пусть хлопочетъ
И разсыпается, какъ хочетъ.

(*Приближается къ двери.*)

Выходъ пятый.

ПРЕЖНІЕ, кромѣ ШПРИХА.

(Шприхъ уходитъ не замѣченъ.)

КАЗАРИНЪ.

Мы съ Шприхомъ... гдѣ же Шприхъ?
Пропалъ!
(Въ сторону) Письмо? такъ вотъ что; понимаю!
(Ему.) Ты въ размышленьи...

АРБЕНИНЪ.

Да, я размышляю.

КАЗАРИНЪ.

О бренности надеждъ и благъ земныхъ?

АРБЕНИНЪ.

Почти... о благодарности.

КАЗАРИНЪ.

Есть мнѣнья
Различныя на этотъ счетъ.
Но что̀ бъ ни думалъ этотъ или тотъ,
А все предметъ достоинъ размышленья.

АРБЕНИНЪ.

Твое же мнѣніе?

КАЗАРИНЪ.

Я думаю, мой другъ,
Что благодарность — вещь, которая тѣмъ болѣ
Зависитъ отъ цѣны услугъ,
Что невсегда добро бываетъ въ нашей волѣ.
Вотъ, напримѣръ, вчера, опять
Мнѣ Слукинъ проигралъ почти, что тысячь
пять,
И я, ей-Богу, очень благодаренъ;
Да вотъ какъ: пью ли, ѣмъ, иль сплю,
Все думаю объ немъ.

АРБЕНИНЪ.

Ты шутишь все, Казаринъ.

КАЗАРИНЪ.

Послушай. Я тебя люблю
И буду говорить серьёзно.
Но сдѣлай милость, братъ, оставь ты видъ
свой грозный,
И я открою предъ тобой

Всѣ таинства премудрости земной.
Мое ты хочешь слышать мнѣнье
О благодарности... изволь: возьми терпѣнье.
Что̀ ни толкуй Вольтеръ или Декартъ,
Міръ для меня — колода картъ,
Жизнь — банкъ: рокъ мечетъ, я играю.
И правила игры я къ людямъ примѣняю.
И вотъ теперь примѣръ
Для поясненья этихъ правилъ:
Пусть разомъ тысячу я на туза поставилъ:
Такъ, по предчувствію, — я въ картахъ суе-
вѣръ!
Положимъ, что случайно, безъ обману
Онъ выигралъ — я очень радъ;
Но все никакъ туза благодарить не стану
И молча загребу свой кладъ,
И буду гнуть, да гнуть, покуда не устану;
А тамъ, итоги свелъ
И карту смятую — подъ столъ!
Теперь... Но ты не слушаешь мой милый?

АРБЕНИНЪ, въ размышленіи.

Повсюду зло, вездѣ обманъ!
И я намедни... я, какъ истуканъ
Безмолвно слушалъ, какъ все это было!

КАЗАРИНЪ, въ сторону.

Задумался. (*Ему*) Теперь мы перейдемъ
Къ другому казусу и дѣло разберемъ,
Но постепенно, чтобъ не сбиться.
Положимъ, напримѣръ, въ игру или развратъ
Ты бъ захотѣлъ опять пуститься,
И тутъ пріятель твой случится
И скажетъ: «эй остерегися, братъ...»
И прочіе премудрые совѣты,
Которые не стоютъ ничего.
И ты случайно, такъ, послушаешь его;
Ему поклонъ и многи лѣты.
И если онъ тебя отъ пьянства удержалъ,
То напои его сейчасъ безъ замедленья
И въ карты обыграй въ обмѣнъ за настав-
ленье.

А отъ игры онъ спасъ — такъ ты ступай
на балъ,
Влюбись въ его жену... иль можешь не влю-
биться,
Но обольсти ее, чтобъ съ мужемъ распла-
титься.
Въ обоихъ случаяхъ ты будешь правъ, дру-
жокъ,
И только-что отдашь урокомъ за урокъ.

АРБЕНИНЪ.

Ты славной моралистъ!
(*Въ сторону.*) Такъ, это всѣмъ извѣстно...
А, князь! за вашъ урокъ я заплачу вамъ
честно.

КАЗАРИНЪ, не обращая вниманія.

Послѣдній пунктъ осталось объяснить:
Ты любишь женщину, ты жертвуешь ей
честью,
Богатствомъ, дружбою и жизнью, можетъ быть;
Ты окружилъ ее забавами и лестью,
Но ей за что тебя благодарить?

Ты это сдѣлалъ все изъ страсти
И самолюбія, отчасти, —
Чтобъ ею обладать, пожертвовалъ ты всё,
А не для счастія её.

Да, — пораздумай-ка объ этомъ хладнокровно,
И скажешь самъ, что въ мірѣ все условно.

АРБЕНИНЪ, разстроенно.

Да, да; ты правъ: что̀ женщинѣ въ любви?
Побѣды новыя ей нужны ежедневно.
Пожалуй, плачь, терзайся и моли —
Смѣшонъ ей видъ и голосъ твой плачевный,
Ты правъ: — глупецъ, кто въ женщинѣ одной
Мечталъ найти свой рай земной.

КАЗАРИНЪ.

Ты разсуждаешь очень здраво,
Хотя женатъ и счастливъ.

АРБЕНИНЪ.

Право?

КАЗАРИНЪ.

А развѣ нѣтъ?

АРБЕНИНЪ.

О счастливъ... да...

КАЗАРИНЪ.

Я очень радъ;
Однако жъ все мнѣ жаль, что ты женатъ!

АРБЕНИНЪ.

А что же?

КАЗАРИНЪ.

Такъ... я вспоминаю
Про прежнее... когда съ тобой,
Кутили мы, въ чью голову, — не знаю,
Хоть оба мы ребята съ головой!...
Вотъ было время! Утромъ отдыхъ, нѣга,
Воспоминанія пріятнаго ночлега...
Потомъ обѣдъ, вино— Рауля честь,
Въ гранёныхъ кубкахъ пѣнится и блещетъ;
Бесѣда шумная; острот не перечесть;
Потомъ въ театръ — душа трепещетъ

При мысли, какъ съ тобой вдвоемъ изъ-за кулисъ
Выманивали мы танцовщицъ и актрисъ...
Не правда ли, что древле
Все было лучше и дешевле?
Вотъ пьеса кончилась, и мы летимъ стрѣлой
Къ пріятелю... Вошли... игра ужь въ самой силѣ;
На картахъ золото насыпано горой:
Тотъ весь горитъ; другой
Блѣднѣе, чѣмъ мертвецъ въ могилѣ.
Садимся мы — и загорѣлся бой!...
Тутъ, тутъ сквозь душу переходитъ
Страстей и ощущеній тма,
И часто мысль гигантская заводитъ
Пружину пылкаго ума...
И если побѣдишь противника умѣньемъ,
Судьбу заставишь пасть къ ногамъ твоимъ
съ смиреньемъ,
Тогда и самъ Наполеонъ

*

Тебѣ покажется и жалокъ и смѣшонъ.

(*Арбенинъ отворачивается.*)

АРБЕНИНЪ.

О! кто мнѣ возвратитъ васъ, буйныя на-
дежды,
Васъ, нестерпимые, но пламенные дни?
За васъ отдамъ я счастіе невѣжды,
Безпечности покой — не для меня они...
Мнѣ ль быть супругомъ и отцомъ семейства?
Мнѣ ль, мнѣ ль, который испыталъ
Всѣ сладости порока и злодѣйства,
И передъ ихъ лицомъ ни разу не дрожалъ?
Прочь, добродѣтель! я тебя не знаю;
Я былъ обманутъ и тобой,
И краткій нашъ союзъ отнынѣ разрываю —
Прощай — прощай!... (*падаетъ на стулъ и закрываетъ лицо.*)

КАЗАРИНЪ.

Теперь онъ мой!

—

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

КОМНАТА У КНЯЗЯ.

(*Дверь въ другую растворена; онъ въ другой спитъ на диванѣ.*)

Выходъ первый.

ИВАНЪ, ПОТОМЪ АРБЕНИНЪ.

(*Слуга смотритъ на часы.*)

ИВАНЪ.

Седьмой ужь часъ почти въ исходѣ,
А въ восемь приказалъ себя онъ разбудить.
Онъ спитъ по-русски, не но модѣ,
И я успѣю въ лавочку сходить.
Дверь на замокъ запру: оно вѣрнѣе.
Да... чу... по лѣстницѣ идутъ.
Скажу, что дома нѣтъ... и съ рукъ долой
скорѣе.

(*Арбенинъ входитъ.*)

АРБЕНИНЪ.

Князь дома?

СЛУГА.

Дома нѣтъ-съ.

АРБЕНИНЪ.

Не правда.

СЛУГА.

Пять минутъ
Тому назадъ, уѣхалъ.

АРБЕНИНЪ.

(*Прислушивается*) Лжешь! онъ тутъ
(*показываетъ на кабинетъ*)
И, вѣрно, сладко спитъ: прислушайся, какъ
дышетъ...
(*Въ сторону*) Но скоро перестанетъ.

СЛУГА.

(*Въ сторону*) Онъ все слышитъ...
(*Ему*) Себя будить мнѣ князь не приказалъ.

АРБЕНИНЪ.

Онъ любитъ спать, — тѣмъ лучше: приведется
И вѣчно спать (*Слугѣ.*) Я, кажется, сказалъ,
Что буду ждать, покуда онъ проснется.
(*Слуга уходитъ.*)

Выходъ второй.

АРБЕНИНЪ, одинъ.

Удобный мигъ насталъ, — теперь, иль никогда!
Теперь я все свершу безъ страха и труда;
Я докажу, что въ нашемъ поколѣньѣ
Есть хоть одна душа, въ которой оскорбленье,
Запавъ, приноситъ плодъ... О! я не ихъ слуга:
Мнѣ поздно передъ ними гнуться...
Когда бъ, крича, предъ нихъ я вызвалъ бы врага,
Они бъ смѣялися... теперь не засмѣются!
О нѣтъ, я не таковъ! Позора цѣлый часъ
На головѣ своей не потерплю я даромъ.

(*Растворяетъ дверь.*)

Онъ спитъ!.. Что̀ видитъ онъ во снѣ въ послѣдній разъ?

(*Страшно улыбаясь.*)

Я думаю, что онъ умретъ ударомъ —
Онъ свѣсилъ голову... я крови помогу...
И все на счетъ благой природы!

(Входитъ въ комнату)

(Минуты двѣ—онъ выходитъ блѣденъ)

Не могу!

(Молчаніе.)

Да; это свыше силъ и воли...
Я измѣнилъ себѣ, я задрожалъ,
Впервые во всю жизнь. Давно ли
Я трусъ?.. Трусъ?... кто это сказалъ?...
Я самъ, и это правда... Стыдно, стыдно!
Бѣги, краснѣй, презрѣнный человѣкъ!
Тебя, какъ и другихъ, къ землѣ прижалъ
нашъ вѣкъ;
Ты предъ собой лишь хвастался, какъ видно...
О жалко... право жалко... изнемогъ
И ты подъ гнётомъ просвѣщенья!
Любить ты не умѣлъ, а мщенья
Хотѣлъ, пришолъ и... и не могъ!

(Молчаніе.)

(Садится.) Я слишкомъ залетѣлъ высоко,

Вѣрнѣй избрать я долженъ путь...
И замыселъ иной глубоко
Запалъ въ мою измученную грудь.
Такъ, такъ, онъ будетъ жить; убійство ужь
не въ модѣ:
Убійцъ на площадяхъ казнятъ.
Такъ, въ образованномъ родился я народѣ:
Языкъ и золото,—вотъ нашъ кинжалъ и ядъ!

(*Беретъ чернила и пишетъ записку — беретъ шляпу.*)

Выходъ третій.

АРБЕНИНЪ И БАРОНЕССА.

(*Арбенинъ идетъ въ двери и сталкивается съ дамой въ вуалѣ*)

ДАМА, въ вуалѣ.

Ахъ! все погибло!..

АРБЕНИНЪ.

Это что?

ДАМА.

(*Вырываясь*) Пустите.

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ, это не притворный крикъ
Продажной добродѣтели.

(*Ей строго.*) Молчите!
Ни слова, — или сей же мигъ...
Какое подозрѣнье!... отверните
Вашъ вуаль, пока мы здѣсь одни.

ДАМА.

Я не туда зашла, ошиблась.

АРБЕНИНЪ.

Да, немного
Ошиблись, кажется и мнѣ,
Но временемъ, не мѣстомъ.

ДАМА.

Ради Бога,
Пустите! Я не знаю васъ.

АРБЕНИНЪ.

Смущенье странно... вы должны открыться.
Онъ спитъ теперь, и можетъ встать сейчасъ!
Все знаю я... но убѣдиться
Хочу..

ДАМА.

Все знаете?...

(Онъ откидываетъ вуаль и отступаетъ въ удивленіи, потомъ приходитъ въ себя)

АРБЕНИНЪ.

Благодарю, Творецъ,
Что ты позволилъ мнѣ хоть нынѣче ошибиться!

БАРОНЕССА.

О! что я сдѣлала? Теперь всему конецъ!

АРБЕНИНЪ.

Отчаянье теперь не кстати.
Не весело, согласенъ, въ часъ такой,
На мѣсто пламенныхъ объятій,
Съ холодной встрѣтиться рукой...
И то минутный страхъ, — а нѣтъ бѣды
большой:
Я скроменъ, радъ молчать. Благодарите Бога,
Что это я, а не другой;
Не то была бы въ городѣ тревога.

БАРОНЕССА.

Ахъ! онъ проснулся, говоритъ.

АРБЕНИНЪ.

Въ бреду...
Но успокойтесь, я сейчасъ пойду,
Лишь объясните мнѣ, какою властью
Вотъ этотъ купидонъ васъ вдругъ околдо-
валъ?
Зачѣмъ, когда онъ самъ безчувственъ, какъ
металлъ,
Всѣ женщины къ нему пылаютъ страстью?
Зачѣмъ не онъ у вашихъ ногъ съ тоской,
Съ моленьемъ, клятвами, слезами?
А вы, вы здѣсь, — вы женщина съ ду-
шой,
Забывши стыдъ, пришли ему предаться
сами?...
Зачѣмъ другая женщина, ничѣмъ
Не хуже васъ, ему отдать готова
Все: — счастье, жизнь, любовь... за взглядъ
одинъ, за слово?
Зачѣмъ... О, я глупецъ! (*въ бѣшенствѣ*) Зачѣмъ,
зачѣмъ?

БАРОНЕССА.

(Рѣшительно.) Я поняла о чемъ вы говорите...
Знаю,
Что вы пришли...

АРБЕНИНЪ.

Какъ! кто жь вамъ разсказалъ?...

(Опомнившись.) А что вы знаете?...

БАРОНЕССА.

О, я васъ умоляю
Простите мнѣ...

АРБЕНИНЪ.

Я васъ не обвинялъ;
Напротивъ, радуюсь пріятельскому счастью.

БАРОНЕССА.

Ослѣплена была я страстью;
Во всемъ виновна я; но слушайте...

АРБЕНИНЪ.

Къ-чему?
Мнѣ, право, все равно... я врагъ морали
строгой.

БАРОНЕССА.

Но если бы не я, то не бывать письму.
Ни...

АРБЕНИНЪ.

А! ужь это слишкомъ много!...
Письмо!... какое?... а! такъ это вы тогда,
Вы ихъ свели... учили ихъ?... Давно ли
Взялись вы за такія роли?
Что̀ васъ понудило?... Сюда
Приводите вы вашихъ жертвъ невинныхъ,
Иль молодёжь приходитъ къ вамъ?
Да, — признаюсь!... вы кладъ въ гостиныхъ,
И я ужь не дивлюсь разврату нашихъ дамъ!...

БАРОНЕССА.

О я лишусь ума... Постойте! Онъ идетъ,
Не слушаетъ... О, я умру...

АРБЕНИНЪ.

Что жь! Продолжайте.
Васъ это къ славѣ поведетъ...
Теперь меня не бойтесь, и прощайте...
Но Боже сохрани намъ встрѣтиться впередъ!...

Вы взяли у меня все, все на свѣтѣ.
Я стану васъ преслѣдовать всегда,
Вездѣ — на улицѣ, въ уединеньи, въ свѣтѣ;
И если мы столкнемся... то бѣда!
Я бъ васъ убилъ... но смерть была бъ на-
града,
Которую сберечь я долженъ для другой.
Вы видите, я добръ: въ замѣнъ терзаній ада,
Вамъ оставляю рай земной. (*Уходитъ.*)

Выходъ четвертый.

БАРОНЕССА, одна.

БАРОНЕССА, *въ слѣдъ ему.*

Послушайте; клянусь... то былъ обманъ...
Она
Невинна... и браслетъ... все я... все я
одна...
Ушелъ, не слышитъ! что мнѣ дѣлать? Всюду
Отчаянье... нѣтъ нужды! я хочу

Его спасти, во что̀ бы то ни стало, — буду
Просить и унижаться; обличу
Себя въ обманѣ, преступленьѣ!
Онъ всталъ... идетъ... рѣшуся... О, мученье!

Выходъ пятый.

БАРОНЕССА И КНЯЗЬ.

КНЯЗЬ, въ другой комнатѣ.

Иванъ! кто тамъ?... Я слышалъ голоса!...
Какой народъ! нельзя уснуть и полчаса!
(*Входитъ*) Ба, это что за посѣщенье?
Красавица! я очень радъ. (*Узнаетъ и отскакиваетъ*).
Ахъ баронесса! нѣтъ, не вѣроятно...

БАРОНЕССА.

Что отскочили вы назадъ? (*слабымъ голосомъ*)
Вы удивляетесь?

КНЯЗЬ, въ смущеніи.

Конечно, мнѣ пріятно...
Но счастія такого я не ждалъ.

БАРОНЕССА.

И было бъ странно, еслибъ ожидали.

КНЯЗЬ.

О чемъ я думалъ? О когда бъ я зналъ...

БАРОНЕССА.

Вы все бы знать могли, и ничего не знали.

КНЯЗЬ.

Свою вину загладить я готовъ;
Съ покорностью приму какое наказанье
Хотите... Я былъ слѣпъ и нѣмъ; мое не-
знанье —
Проступокъ... и теперь не нахожу я словъ...
(*Беретъ ее за руку.*)
Но ваши руки — ледъ! въ лицѣ у васъ стра-
данье!
Ужель сомнительны для васъ слова мои?

БАРОНЕССА.

Вы ошибаетесь! Не требовать любви
И не выпрашивать признанья
Рѣшилась я пріѣхать къ вамъ.

Забыть и стыдъ и страхъ, — все свойствен-
ное намъ.
Нѣтъ, то обязанность святая:
Былая жизнь моя прошла,
И жизнь ужь ждетъ меня иная.
Но я была причиной зла,
И, свѣтъ на-вѣки покидая,
Теперь все прежнее загладить я пришла.
Я перенесть свой стыдъ готова;
Я не спасла себя — спасу другова.

КНЯЗЬ.

Что это значитъ?

БАРОНЕССА.

Не мѣшайте мнѣ!
Мнѣ много стоило усилій,
Чтобъ говорить рѣшиться. Вы одни,
Не вѣдая того, причиной были
Моихъ страданій. Не смотря на то,
Я васъ должна спасти... зачѣмъ, за что —
Не знаю... Вы не заслужили
Всѣхъ этихъ жертвъ: вы не могли любить,

Понять меня... и даже, можетъ быть,
Я бъ этого и не желала...
Но слушайте. Сегодня я узнала,
Какъ — это все равно... что вы
Къ женѣ Арбенина вчера неосторожно
Писали... По словамъ молвы,
Она васъ любитъ — это ложно, ложно!
Не вѣрьте — ради неба... Эта мысль одна
Насъ всѣхъ погубитъ — всѣхъ! *Она*
Не знаетъ ничего... но мужъ... читалъ...
ужасенъ
Въ любви и ненависти онъ!
Онъ былъ ужь здѣсь... онъ васъ убьетъ...
онъ пріучонъ
Къ злодѣйству... Вы такъ молоды...

князь.

Вашъ страхъ напрасенъ!
Арбенинъ въ свѣтѣ жилъ, — и слишкомъ
онъ умёнъ,
Чтобы рѣшиться на огласку,
И сдѣлать наконецъ, безъ цѣли и нужды,

Въ пустой комедіи кровавую развязку.
А разсердился онъ, — и въ этомъ нѣтъ бѣды:
Возьмутъ Лепажа пистолеты,
Отмѣрятъ тридцать два шага —
И, право, эти эполеты
Я заслужилъ не бѣгствомъ отъ врага.

БАРОНЕССА.

Но если ваша жизнь кому-нибудь дороже,
Чѣмъ вамъ... и связь у ней есть съ жизнію другой...
Но если васъ убьютъ? — убьютъ!... о, Боже!
И я всему виной...

КНЯЗЬ.

Вы?

БАРОНЕССА.

Пощадите.

КНЯЗЬ, подумавъ.

Я обязанъ драться:
Я виноватъ предъ нимъ—его я тронулъ честь,
Хотя не зналъ того; но оправдаться
Нѣтъ средства.

БАРОНЕССА.

Средство есть.

КНЯЗЬ.

Солгать — не это ли? Другое мнѣ найдите.
Я лгать не стану, жизнь свою храня,
И тотчасъ же пойду.

БАРОНЕССА.

Минуту!... Не ходите,
И слушайте меня. (*Беретъ его за руку.*)
Вы всѣ обмануты!.. Та маска (*облокачивается на столъ, упадая.*)
Это я!...

КНЯЗЬ.

Какъ? вы? о, Провидѣнье! (*Молчаніе.*)
Но Шприхъ?... Онъ говорилъ... онъ виноватъ во всемъ...

БАРОНЕССА, опомнясь и отходя.

Минутное то было заблужденье,
Безумство страшное — теперь я каюсь въ нёмъ!
Оно прошло — забудьте обо всёмъ.

Отдайте ей браслетъ, — онъ былъ найденъ
случайно
Какой-то чудною судьбой;
И обѣщайте мнѣ, что это тайной
Останется... мнѣ будетъ Богъ судьей!
Васъ онъ проститъ... меня простить не въ
вашей волѣ!
Я удаляюсь... думаю, что болѣ
Мы не увидимся.

(*Подойдя къ двери видитъ, что онъ хочетъ броситься за ней.*)

Не слѣдуйте за мной. (*Уходитъ.*)

Выходъ шестой.

КНЯЗЬ, ОДИНЪ.

КНЯЗЬ, послѣ долгаго размышленія.

Я, право, думать что̀ не знаю,
И только могъ понять изъ этого всего,

Что случай счастливый, какъ школьникъ,
пропускаю,
Не сдѣлавъ ничего.

(*Подходитъ къ столу.*)

Ну вотъ еще: записка; отъ кого?
Арбенинъ?... прочитаю!...

«Любезный князь! Пріѣзжай сегодня къ
«N. вечеромъ: тамъ будетъ много, и мы
«весело проведемъ время. Я не хотѣлъ раз-
«будить тебя, а то ты бы дремалъ цѣлый
«вечеръ. — Прощай; жду непремѣнно; твой
«искреній»

«Евгеній Арбенинъ.»

Ну, право, глазъ особый нуженъ,
Чтобъ въ этомъ увидать картель.
Гдѣ слыхано, чтобъ звать на ужинъ
Предъ тѣмъ, чтобъ вызвать на дуэль?

—

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

КОМНАТА У N.

Выходъ первый.

КАЗАРИНЪ, ХОЗЯИНЪ И АРБЕНИНЪ, садятся играть.

КАЗАРИНЪ.

Такъ въ самомъ дѣлѣ, ты причуды всѣ оставилъ,
Которыми гордится свѣтъ,
И въ прежній путь шаги свои направилъ?..
Мысль превосходная!.. Ты долженъ быть поэтъ,
И, сверхъ того, по всѣмъ примѣтамъ, геній.
Тѣснитъ тебя домашній кругъ.
Дай руку, милый другъ,
Ты нашъ?

АРБЕНИНЪ.

Я вашъ! Былаго нѣтъ и тѣни.

КАЗАРИНЪ.

Пріятно видѣть, ей–же–ей,
Какъ люди умные на вещи смотрятъ нынѣ;
Приличія для нихъ ужаснѣе цѣпей...
Не правда ль, что со мной ты будешь въ половинѣ?

ХОЗЯИНЪ.

А князя надо пощипать слегка!

КАЗАРИНЪ.

Да... да. *(въ сторону)* Забавна будетъ стычка!

ХОЗЯИНЪ.

Посмотримъ. — Транспортъ!... *(Слышенъ шумъ.)*

АРБЕНИНЪ.

Это онъ.

КАЗАРИНЪ.

Рука
Твоя дрожитъ?...

АРБЕНИНЪ.

О ничего; — отвычка!

(Князь входитъ.)

Выходъ второй.

ПРЕЖНІЕ И КНЯЗЬ.

ХОЗЯИНЪ.

Ахъ, князь! я очень радъ; прошу-ка безъ
чиновъ,
Спимите саблю и садитесь.
У насъ ужасный бой.

КНЯЗЬ.

О! я смотрѣть готовъ.

АРБЕНИНЪ.

А все играть съ-тѣхъ-поръ еще боитесь?

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, съ вами, право, не боюсь. (*Въ сторону.*)
По свѣтскимъ правиламъ, я мужу угождаю,
А за женою волочусь...
Лишь выиграть бы тамъ, а здѣсь пусть
проиграю.

(*Садится.*)

АРБЕНИНЪ.

Я нынѣче былъ у васъ.

КНЯЗЬ.

Записку я читалъ,

И, видите, послушенъ.

АРБЕНИНЪ.

На порогѣ

Мнѣ кто-то встрѣтился, въ смущеньи и тре-

вогѣ...

КНЯЗЬ.

И вы узнали?

АРБЕНИНЪ, смѣясь.

Кажется, узналъ.

Князь, обольститель вы опасный!

Все понялъ я, все отгадалъ...

КНЯЗЬ, въ сторону.

Онъ ничего не понялъ — это ясно.

(*Отходитъ и кладетъ саблю.*)

АРБЕНИНЪ.

Я не хотѣлъ бы, чтобъ жена моя

Вамъ приглянулась.

КНЯЗЬ.

(*Разсѣянно.*) Почему же?

АРБЕНИНЪ.

Такъ; добродѣтелью, которой ищутъ въ мужѣ
Любовники, — не обладаю я.
(*Въ сторону.*) Онъ не смущается ничѣмъ... О, я разрушу
Твой сладкій миръ, глупецъ, и яду по-
долью.
И если бы ты могъ на карту бросить душу,
То я противъ твоей — поставилъ бы свою.

(*Играютъ. Арбенинъ мечетъ.*)

КАЗАРИНЪ.

Я ставлю пятьдесятъ рублей.

КНЯЗЬ.

Я тоже.

АРБЕНИНЪ.

Я разскажу вамъ анекдотъ,
Который слышалъ я какъ былъ моложе;
Онъ нынче у меня изъ головы нейдетъ.

Вотъ видите: одинъ какой-то баринъ,
Женатый человѣкъ — твоя взяла, Каза-
ринъ, —
Женатый человѣкъ, на вѣрность положась
Своей жены, дремалъ въ забвеньи слад-
комъ, —
Внимательны вы что-то слишкомъ, князь
И проиграетесь порядкомъ. —
Мужъ добрый былъ любимъ. Шелъ мирно
день за днемъ
И, къ довершенью благъ, безпечному супругу
Былъ данъ пріятель... важную услугу
Ему онъ оказалъ когда-то, и притомъ
Нашелъ, казалось, честь и совѣсть въ немъ.
И что жь? мнѣ неизвѣстно,
Какой судьбой, — но мужъ узналъ,
Что благодарный другъ, должникъ ужь сли-
шкомъ честный,
Женѣ его свои услуги предлагалъ.

КНЯЗЬ.

Что жь сдѣлалъ мужъ?

АРБЕНИНЪ, будто не слыхалъ вопроса.

Князь вы игру забыли:
Вы гнёте неглядя. (*Взглянувъ на него пристально.*)
А любопытно вамъ
Узнать, что̀ сдѣлалъ мужъ?.. Придрался къ пустякамъ
И далъ пощечину... Вы ка̀къ бы поступили,
Князь?

КНЯЗЬ.

Я бы сдѣлалъ то же. Ну, а тамъ
Стрѣлялись?

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ.

КАЗАРИНЪ

Рубились?

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ.

КАЗАРИНЪ.

Такъ помирились?

АРБЕНИНЪ, горько улыбаясь.

О, нѣтъ!

КНЯЗЬ.

Такъ что же сдѣлалъ онъ?

АРБЕНИНЪ.

Остался отомщонъ, —
И обольстителя съ пощечиной оставилъ.

КНЯЗЬ, смѣется.

Да это вовсе противъ правилъ.

АРБЕНИНЪ.

Въ какомъ указѣ есть
Законъ иль правило на ненависть и месть?

(*Играютъ. — Молчаніе.*)

Взяла... взяла!

(*Вставая.*)

Постойте; карту эту
Вы подмѣнили.

КНЯЗЬ.

Я? Послушайте...

АРБЕНИНЪ.

Конецъ
Игрѣ... Приличій тутъ ужь нѣту,
Вы (*задыхаясь*) шуллеръ и подлецъ!

КНЯЗЬ.

Я? я?

АРБЕНИНЪ.

Подлецъ, и я васъ здѣсь отмѣчу,
Чтобъ каждой почиталъ обидой съ вами
встрѣчу.

(*Бросаетъ ему карты въ лицо. Князь такъ пораженъ, что не знаетъ, что дѣлать.*)

(*Понизивъ голосъ.*) Теперь мы квиты.

КАЗАРИНЪ.

Что съ тобой?
(*Хозяину*) Онъ помѣшался въ самомъ лучшемъ
мѣстѣ.
Тотъ горячился ужь, спустилъ бы тысячь
двѣсти.

КНЯЗЬ, опомнясь, вскакивая.

Сейчасъ, за мной, за мной!
Кровь, ваша кровь лишь смоетъ оскорбленье!

АРБЕНИНЪ.

Стрѣляться? съ вами? мнѣ? вы въ заблужденьѣ!

КНЯЗЬ.

Вы трусъ! (*хочетъ броситься на него*)

АРБЕНИНЪ, грозно.

Пускай! Но подступать
Вамъ не совѣтую — ни даже здѣсь остаться!
Я трусъ — да вамъ не испугать
И труса.

КНЯЗЬ.

О, я васъ заставлю драться!
Я разскажу вездѣ, поступокъ вашъ каковъ,
Что вы — не я подлецъ...

АРБЕНИНЪ.

На это я готовъ.

КНЯЗЬ, подходя ближе.

Я разскажу, что съ вашею женою...
О, берегитесь!.. вспомните браслетъ. .

АРБЕНИНЪ.

За это вы наказаны ужь мною...

КНЯЗЬ.

О, бѣшенство!... да гдѣ я? цѣлый свѣтъ
Противъ меня... Я васъ убью!..

АРБЕНИНЪ.

И въ этомъ

Вы властны, — даже я васъ подарю совѣтомъ
Скорѣй меня убить... а то, пожалуй, въ васъ
Остынетъ храбрость черезъ часъ.

КНЯЗЬ.

О, гдѣ ты, честь моя?... Отдайте это слово,
Отдайте мнѣ его — и я у вашихъ ногъ...
Да въ васъ нѣтъ ничего святаго,
Вы человѣкъ, иль демонъ?

АРБЕНИНЪ.

Я? — игрокъ!

КНЯЗЬ, упадая и закрывая лицо.

Честь, честь моя!...

АРБЕНИНЪ.

Да, честь не возвратится.
Преграда рушена между добромъ и зломъ,
И отъ тебя весь свѣтъ съ презрѣньемъ от-
вратится;
Отнынѣ ты пойдешь отверженца путемъ,
Кровавыхъ слезъ познаешь сладость,
И счастье ближнихъ будетъ въ тягость
Твоей душѣ; и мыслить объ одномъ

Ты будешь день и ночь; и постепенно чувства
Любви прекраснаго погаснутъ и умрутъ,
И счастья не отдастъ тебѣ ничье искусство!
Всѣ шумные друзья какъ листья отпадутъ
Отъ сгнившей вѣтви, и, краснѣя,
Закрывъ лицо, въ толпѣ ты будешь проходить, —
И будетъ больше стыдъ тебя томить,
Чѣмъ преступленіе — злодѣя!
Теперь прощай... *(уходя)* Желаю долго жить.

(Уходитъ.)

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

БАЛЪ.

Выходъ первый.

ХОЗЯЙКА.

Я баронессу жду; не знаю,
Пріѣдетъ ли. Мнѣ, право, было бъ жаль
За васъ.

1-й ГОСТЬ.

Я васъ не понимаю.

2-й гость.

Вы ждете баронессу Штраль?
Она уѣхала.

многіе.

Куда? зачѣмъ? давно ли?

2-й гость.

Въ деревню нынче утромъ.

дама.

Боже мой!..
Какимъ же случаемъ? Уже ль изъ доброй воли?

2-й гость.

Фантазія! романы!.. хоть рукой
Махни! *(Расходятся; другая группа мужчинъ.)*

3-й гость.

Вы знаете: князь Звѣздичь проигрался.

4-й гость.

Напротивъ, выигралъ — да видно, не путёмъ,
И получилъ пощочину.

5-й гость.

Стрѣлялся?

4-й гость.

Нѣтъ, не хотѣлъ.

3-й гость.

Какимъ же подлецомъ
Онъ показалъ себя!..

5-й гость.

Отнынѣ незнакомъ
Я больше съ нимъ.

6-й гость.

И я. Какой поступокъ скверный!

4-й гость.

Онъ будетъ здѣсь?

3-й гость.

Нѣтъ, не рѣшится, вѣрно.

4-й гость.

Вотъ онъ! (*Князь подходитъ: ему едва кланяются.*)

(*Всѣ отходятъ, кромѣ 5 и 6 гостя*)

(*Потомъ и они отходятъ. Нина садится на диванъ.*)

КНЯЗЬ.

Теперь мы съ ней отъ всѣхъ удалены,
Не будетъ случая другаго. (*Ей*)
Я долженъ вамъ сказать два слова,

И выслушать вы ихъ должны.

НИНА.

Должна?

КНЯЗЬ.

Для вашего же счастья!

НИНА.

Какое странное участье.

КНЯЗЬ.

Да, странно, потому что вы виной
Моей погибели... Но мнѣ васъ жаль: я вижу,
Что пораженъ я тою же рукой,
Которая убьетъ васъ; не унижу
Себя ничтожной местью никогда, —
Но слушайте и будьте осторожны:
Вашъ мужъ злодѣй, бездушный и безбожный,
И я предчувствую, что вамъ грозитъ бѣда.
Прощайте же на-вѣкъ; злодѣй не обнаруженъ
И наказать его теперь я не могу;
Но день прійдетъ, — я подожду...
Возьмите вашъ браслетъ: онъ больше мнѣ
не нуженъ.

(Арбенинъ смотритъ на нихъ издали.)

НИНА.

Князь! вы сошли съ ума, — на васъ
Теперь сердиться было бъ стыдно.

КНЯЗЬ.

Прощайте навсегда! Прошу въ послѣдній разъ ..

НИНА.

Куда жь вы ѣдете, далеко очень, видно?
Конечно, не въ луну?

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, ближе: на Кавказъ *(уходя.)*

ХОЗЯЙКА.

(Иным.) Почти всѣ съѣхались, и здѣсь намъ
будетъ тѣсно.
Прошу васъ въ залу, господа!
Mes dames! пожалуйте туда.

(Уходятъ.)

Выходъ второй.

АРБЕНИНЪ, одинъ про-себя.

Я сомнѣвался? я? А это всѣмъ извѣстно;
Намеки колкіе со всѣхъ сторонъ

Преслѣдуютъ меня... Я жалокъ имъ, смѣшонъ!
И гдѣ плоды моихъ усилій?
И гдѣ та власть, съ которою, порой,
Казнилъ толпу я словомъ, остротой?...
— Двѣ женщины ее убили!
Одна изъ нихъ... О, я ее люблю,
Люблю — и такъ неистово обманутъ!...
Нѣтъ, людямъ я ее не уступлю...
И насъ судить они не станутъ;
Я самъ свершу ужасный судъ...
Я казнь ей отъищу — моя жь пусть будетъ тутъ,

(Показываетъ на сердце.)

Она умретъ; жить вмѣстѣ съ нею долѣ
Я не могу... Жить розно? *(Какъ-бы испугавшись себя.)*
Рѣшено:
Она умретъ — я прежней твердой волѣ
Не измѣню. Ей, видно, суждено
Во цвѣтѣ лѣтъ погибнуть и быть любимой
Такимъ, какъ я, злодѣемъ, и любить
Другаго... это ясно!... Какъ же можно жить,

Ей послѣ этого!... Ты, Богъ незримый,
Но Богъ всевидящій! возьми ее, возьми,
Какъ свой залогъ тебѣ ее вручаю:
Прости ее, благослови;
Но я, я... нѣтъ, не прощаю!...

(*Слышны звуки музыки.*)

(*Ходитъ по комнатѣ, вдругъ останавливается.*)

Тому назадъ лѣтъ десять, я вступилъ
Еще на поприще разврата;
Разъ, въ ночь одну, я все до капли проиг-
ралъ, —
Тогда я зналъ ужь цѣну злата,
Но цѣну жизни я не зналъ;
Я былъ въ отчаяньѣ — ушелъ и яду
Купилъ, и возвратился вновь
Къ игорному столу; въ груди кипѣла кровь.
Въ одной рукѣ держалъ я лимонаду
Стаканъ, въ другой четверку пикъ:
Послѣдній рубль въ карманѣ дожидался
Съ завѣтнымъ порошкомъ, — рискъ, право,
былъ великъ;

Но счастье вынесло — и въ часъ я отъиг-
рался!
Съ-тѣхъ-поръ хранилъ я этотъ порошокъ.
Среди волненій жизни трудной,
Какъ талисманъ таинственный и чудный,
Хранилъ на черный день, — и день тотъ не
далекъ.

(Уходитъ быстро.)

Выходъ третій.

ХОЗЯЙКА, НИНА, НѢСКОЛЬКО ДАМЪ И КАВАЛЕРОВЪ.

(Во время послѣднихъ строкъ входятъ.)

ХОЗЯЙКА.

Нехудо бы немного отдохнуть.

ДАМА, другой.

Такъ жарко здѣсь, что я растаю.

ПЕТКОВЪ.

Настасья Павловна споетъ намъ что-нибудь.

НИНА.

Романсовъ новыхъ, право, я не знаю,
А старые наскучили самой.

ДАМА.

Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, спой же Нина, спой!

ХОЗЯЙКА.

Ты такъ мила, что, вѣрно, не заставишь
Себя просить напрасно цѣлый часъ.

НИНА, садясь за піано.

Но слушать со вниманьемъ мой приказъ, —
Хоть этимъ наказаньемъ васъ,
Авось, исправишь!

(*Поетъ.*)

«Когда печаль слезой невольной
«Промчится по глазамъ твоимъ,
«Мнѣ видѣть и понять небольно,
«Что ты несчастлива съ другимъ.

* *
*

«Незримый червь незримо гложетъ
«Жизнь беззащитную твою,

«И что жь? я радъ, что онъ не можетъ
«Тебя любить, какъ я люблю.

* *

«Но если счастіе случайно
«Блеснетъ въ лучахъ твоихъ очей,
«Тогда я мучусь горько, тайно,
«И цѣлый адъ въ груди моей.»

Выходъ четвертый.

ПРЕЖНІЕ И АРБЕНИНЪ.

(Въ концѣ 3-го куплета онъ входитъ и облокачивается на фортепіано. Она, увидѣвъ его, останавливается.)

АРБЕНИНЪ.

Что жь? Продолжайте.

НИНА.

Я конецъ совсѣмъ

Забыла.

АРБЕНИНЪ.

Если вамъ угодно,
То я напомню.

НИНА, въ смущеніи.

Нѣтъ, за чѣмъ?

(*Встороиу хозяйки.*) Мнѣ не здоровится. (*Встаетъ.*)

ГОСТЬ, другому.

Во всякой пѣсни модной,
Всегда слова такія есть,
Которыхъ женщина не можетъ произнесть.

2-й ГОСТЬ.

Къ тому же слишкомъ прямъ и нашъ языкъ
природный
И къ женскимъ прихотямъ доселѣ не привыкъ.

3-й ГОСТЬ.

Вы правы; какъ дикарь, свободѣ лишь по-
слушный,
Не гнется гордый нашъ языкъ;
За то ужь мы какъ гнемся добродушно!

(*Подаютъ мороженое. Гости расходятся къ другому концу залы и по одному уходятъ въ другія комнаты, такъ что наконецъ Арбенинъ и Нина остаются вдвоемъ. Неизвѣстный показывается въ глубинѣ театра.*)

НИНА.

(*Хозяйкѣ.*) Тамъ жарко; отдохнуть я сяду въ сторонѣ.

(*Мужу.*) Мой ангелъ, принеси мороженаго мнѣ.

(*Арбенинъ вздрагиваетъ и идетъ за мороженымъ; возвращается и всыпаетъ ядъ.*)

АРБЕНИНЪ.

(*Въ сторону.*) Смерть! помоги.

НИНА.

(*Ему.*) Мнѣ что-то грустно, скучно;
Конечно ждетъ меня бѣда.

АРБЕНИНЪ.

(*Въ сторону*) Предчувствіямъ я вѣрю иногда.
(*Подавая.*) Возьми; отъ скуки вотъ лекарство.

НИНА.

Да, это прохладитъ. (*Ѣстъ.*)

АРБЕНИНЪ.

О, какъ не прохладить!

НИНА.

Здѣсь нынче скучно.

АРБЕНИНЪ.

Какъ же быть?

Чтобъ не скучать съ людьми, то надо прі–
учить
Себя смотрѣть на глупость и коварство.
Вотъ все, на чемъ вертится свѣтъ!

НИНА.

Ты правъ! ужасно!...

АРБЕНИНЪ.

Да, ужасно!...

НИНА.

Душъ непорочныхъ нѣту...

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ.

Я думалъ, что нашелъ одну, и то напрасно!

НИНА.

Что̀ говоришь ты?

АРБЕНИНЪ.

Я сказалъ,
Что въ свѣтѣ лишь одну такую отъискалъ я Тебя.

НИНА.

Ты блѣденъ.

АРБЕНИНЪ.

Много танцовалъ.

НИНА.

Опомнись, mon ami! ты съ мѣста не вставалъ.

АРБЕНИНЪ.

Такъ вѣрно потому, что мало танцовалъ я!

НИНА, отдаетъ пустое блюдечко.

Возьми, поставь на столъ.

АРБЕНИНЪ, береть.

Все, все?

Ни капли не оставить мнѣ?... Жестоко!

(Въ размышленіи)

Шагъ сдѣланъ роковой, назадъ итти далеко,
Но пусть никто не гибнетъ за нее.

(Бросаетъ блюдечко объ землю и разбиваетъ.)

НИНА.

Какъ ты не ловокъ!

АРБЕНИНЪ.

Ничего; я боленъ —
Поѣдемъ поскорѣй домой.

НИНА.

Поѣдемъ. Но скажи мнѣ, милый мой:
Ты нынче пасмуренъ; ты мною не доволенъ?

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ, нынче я доволенъ былъ тобой.

(*Уходятъ.*)

НЕИЗВѢСТНЫЙ, оставшись одинъ.

Я чуть не сжалился, — и было тутъ мгновенье,
Когда хотѣлъ я броситься впередъ...

(*Задумывается*)

Нѣтъ, пусть свершается судьбы опредѣленье,
А дѣйствовать потомъ настанетъ мой чередъ.

(*Уходитъ.*)

—

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Выходъ первый.

СПАЛЬНЯ АРБЕНИНА.

(*Входитъ Нина, за ней служанка.*)

СЛУЖАНКА.

Сударыня, вы что-то блѣдны стали?

НИНА.

(*Снимая серьги.*) Я нездорова.

СЛУЖАНКА.

Вы устали.

НИНА.

(*Въ сторону.*) Мой мужъ меня пугаетъ, отъ-чего,
Не знаю. Онъ молчитъ и странно взглядъ
его.
(*Служанкѣ.*) Мнѣ что-то дурно: вѣрно, отъ кор-
сета.
Скажи, къ лицу была сегодня я одѣта?

(*Идетъ къ зеркалу.*) Ты права: я блѣдна, какъ
смерть блѣдна;
Но въ Петербургѣ кто не блѣденъ, право?
Одна лишь старая княжна,
И то румяны! Свѣтъ лукавый!
(*Снимаетъ букли и завертываетъ косу*)
Брось гдѣ-нибудь, и дай мнѣ шаль.
(*Садится въ кресла.*)
Какъ новый вальсъ хорошъ! Въ какомъ-то
упоеньи
Кружилась я быстрѣй, и чудное стремленее
Меня и мысль мою невольно мчало вдаль,
И сердце сжалося: не то, чтобы печаль,
Не то, чтобъ радость. Саша, дай мнѣ
книжку.
Какъ этотъ князь мнѣ надоѣлъ опять —
А право, жаль безумнаго мальчишку!
Что говорилъ онъ тутъ... злодѣй, и наказать...
Кавказъ... бѣда... вотъ бредъ!

СЛУЖАНКА.

Прикажете убрать? (*Показывая на наряды.*)

НИНА.

Оставь. (*Погружается въ задумчивость.*)

(*Арбенинъ показывается въ дверяхъ.*)

СЛУЖАНКА.

Прикажете итти?

АРБЕНИНЪ.

(*Служанкѣ тихо.*) Ступай. (*Служанка не уходитъ.*)

Иди же. (*Уходитъ. Онъ запираетъ дверь.*)

Выходъ второй.

АРБЕНИНЪ И НИНА.

АРБЕНИНЪ.

Она тебѣ ужь больше ненужна?

НИНА.

Ты здѣсь?

АРБЕНИНЪ.

Я здѣсь!

НИНА.

Я, кажется, больна,

И голова въ огнѣ. Поди сюда поближе,
Дай руку — чувствуешь какъ вся горитъ она?
Зачѣмъ я тамъ мороженое ѣла:
Я, вѣрно, простудилася тогда,
Не правда ли?

АРБЕНИНЪ.

(*Разсѣянно.*) Мороженое? да!..

НИНА.

Мой милый! я съ тобой поговорить хотѣла.
Ты измѣнился съ нѣкоторыхъ поръ,
Ужь прежнихъ ласкъ я отъ тебя не вижу,
Отрывистъ голосъ твой, и холоденъ твой взоръ.
И все за маскарадъ — о! я ихъ ненавижу;
Я заклялася въ нихъ не ѣздить никогда...

АРБЕНИНЪ.

(*Въ сторону.*) Немудрено! теперь безъ нихъ ужь можно.

НИНА.

Что̀ значитъ поступить хоть разъ неосто-
рожно!

АРБЕНИНЪ.

Неосторожно! О!...

НИНА.

И въ этомъ вся бѣда.

АРБЕНИНЪ.

Обдумать все заранѣ надо было.

НИНА.

О, если бы я нравъ заранѣ знала твой,
То вѣрно бъ не была твоей женой.
Терзать тебя, страдать самой —
Какъ это весело и мило!

АРБЕНИНЪ.

И то! къ чему тебѣ моя любовь?

НИНА.

Какая тутъ любовь? на что мнѣ жизнь такая?

АРБЕНИНЪ, садится возлѣ нея.

Ты права! Что такое жизнь? Жизнь вещь пустая.
Покуда въ сердцѣ быстро льется кровь,
Все въ мірѣ намъ и радость и отрада.
Пройдутъ года желаній и страстей

И все вокругъ темнѣй, темнѣй!
Что жизнь? давно-извѣстная шарада
Для упражненія дѣтей,
Гдѣ первое — рожденье; — гдѣ второе —
Ужасный рядъ заботъ и муки тайныхъ ранъ,
Гдѣ смерть — послѣднее, а цѣлое — обманъ!

НИНА, показывая на грудь.

Здѣсь что-то жжетъ.

АРБЕНИНЪ, продолжая.

Пройдетъ; пустое!
Молчи и слушай. Я сказалъ,
Что жизнь лишь дорога, пока она прекрасна,
А долго ль?.. Жизнь какъ балъ:
Кружишься — весело, кругомъ все свѣтло,
ясно...
Вернулся лишь домой, нарядъ измятый снялъ —
И все забылъ, и только-что усталъ.
Но въ юныхъ лѣтахъ лучше съ ней проститься,
Пока душа привычкой не сроднится,
Съ ея бездушной пустотой;
Мгновенно въ міръ перелетѣть другой,

Покуда умъ былымъ еще не тяготится,
Покуда съ смертію легка еще борьба, —
Но это счастіе не всѣмъ даетъ судьба.

НИНА.

О, нѣтъ! я жить хочу!

АРБЕНИНЪ.

Къ-чему?

НИНА.

Евгеній,
Я мучусь, я больна!

АРБЕНИНЪ.

А мало ли мученій,
Которыя сильнѣй, ужаснѣе твоихъ?

НИНА.

Пошли за докторомъ.

АРБЕНИНЪ.

Жизнь — вѣчность, смерть — лишь мигъ.

НИНА.

Но я — я жить хочу!

АРБЕНИНЪ.

И сколько утѣшеній

Тамъ мучениковъ ждетъ!

НИНА.

(*Въ испугѣ.*) Но я молю:
Пошли за докторомъ скорѣе.

АРБЕНИНЪ.

(*Встаетъ холодно.*) Не пошлю.

НИНА, послѣ молчанія.

Конечно, шутишь ты, — но такъ шутить
безбожно:
Я умереть могу — пошли скорѣй.

АРБЕНИНЪ.

Что жь? развѣ умереть вамъ невозможно
Безъ доктора?

НИНА.

Но ты злодѣй,
Евгеній! Я жена твоя...

АРБЕНИНЪ.

Да! знаю, знаю!

НИНА.

О, сжалься! пламень разлился
Въ моей груди; я умираю...

АРБЕНИНЪ.

(Смотритъ на часы.)

Такъ скоро? Нѣтъ еще; осталось полчаса.

НИНА.

О, ты меня не любишь!

АРБЕНИНЪ.

А за что же
Тебя любить? за то ль, что цѣлый адъ
Мнѣ въ грудь ты бросила? О, нѣтъ! я радъ,
я радъ
Твоимъ страданьямъ. Боже, Боже!
И ты, ты смѣешь требовать любви!
А мало я любилъ тебя, скажи?
А этой нѣжности ты знала ль цѣну?
А много ли хотѣлъ я отъ любви твоей?
Улыбку нѣжную, привѣтный взлядъ очей —
И что жь нашелъ? коварство и измѣну.
Возможно ли? меня продать —
Меня—за поцалуй глупца... меня, который,
По слову первому былъ душу радъ отдать?
Мнѣ измѣнить? мнѣ? и такъ скоро!...

НИНА.

О, если бы вину свою сама
Я знала, то...

АРБЕНИНЪ.

Молчи, иль я сойду съ ума!
Когда же эти муки перестанутъ?

НИНА.

Браслетъ мой князь нашолъ, потомъ
Какимъ-нибудь клеветникомъ
Ты былъ обманутъ.

АРБЕНИНЪ.

Такъ, я былъ обманутъ!
Довольно, я ошибся... возмечталъ,
Что я могу быть счастливъ... думалъ снова
Любить и вѣровать... Но часъ судьбы на-
сталъ,
И все прошло, какъ бредъ больнаго.
Быть можетъ, я бъ успѣлъ небесныя мечты
Осуществить, предавшися надеждѣ,
И въ сердцѣ бъ оживилъ все, что̀ цвѣло въ
немъ прежде —

Ты не хотѣла, ты...
Плачь! плачь! Но что такое, Нина,
Что̀ слезы женскія? вода!
Я жь плакалъ — я, мужчина,
Отъ злобы, ревности, мученья и стыда!
Я плакалъ — да!
А не знаешь, что̀ такое значитъ,
Когда мужчина плачетъ?
О! въ этотъ мигъ къ нему не подходи:
Смерть у него въ рукахъ — и адъ въ его груди.

НИНА, въ слезахъ упадаетъ на колѣни и поднимаетъ руки къ небу.

Творецъ небесный, пощади!
Не слышитъ онъ, но Ты все слышишь, Ты все знаешь
И ты меня, Всесильный, оправдаешь!

АРБЕНИНЪ.

Остановись! хоть передъ Нимъ не лги.

НИНА.

Нѣтъ я не лгу — я не нарушу

Его святыни ложною мольбой.
Ему я предаю страдальческую душу:
Онъ, твой судья, защитникъ будетъ мой.

АРБЕНИНЪ, который въ это время ходитъ по комнатѣ, сложа руки.

Теперь молиться время, Нина:
Ты умереть должна чрезъ нѣсколько минутъ —
И тайной для людей останется кончина
Твоя, и насъ разсудитъ только Божій судъ.

НИНА.

Какъ? умереть? теперь? сейчасъ?... нѣтъ,
быть не можетъ!

АРБЕНИНЪ, смѣясь.

Я зналъ заранѣе, что это васъ встревожитъ.

НИНА.

Смерть, смерть! Онъ правъ... въ груди огонь,
весь адъ...

АРБЕНИНЪ.

Да, я тебѣ на балѣ подалъ ядъ.

(Молчаніе.)

НИНА.

Не вѣрю, невозможно — нѣтъ! ты надо мною

(*Бросается къ нему.*)

Смѣешься... ты не извергъ... нѣтъ! въ душѣ твоей
Есть искра доброты... Съ холодностью такою,
Меня ты не погубишь въ цвѣтѣ дней.
Не отворачивайся такъ, Евгеній,
Не продолжай моихъ мученій,
Спаси меня, разсѣй мой страхъ...
Взгляни сюда...

(*Смотритъ ему прямо въ глаза и отскакиваетъ.*)

О! смерть въ твоихъ глазахъ!

(*Упадаетъ на стулъ и закрываетъ глаза.*)

(*Онъ подходитъ и цалуетъ ее.*)

АРБЕНИНЪ.

Да, ты умрешь — и я останусь тутъ
Одинъ, одинъ... Года пройдутъ,
Умру — и буду все одинъ... Ужасно!
Но ты не бойся: міръ прекрасный

Тебѣ откроется, и ангелы возьмутъ
Тебя въ небесный свой пріютъ. (*Плачетъ.*)
Да, я тебя люблю, люблю... Я все забвенью,
Что было, предалъ; есть граница мщенью,
И вотъ она. — Смотри: убійца твой
Здѣсь, какъ дитя, рыдаетъ надъ тобой...

(*Молчаніе.*)

НИНА, вырывается и вскакиваетъ.

Сюда! сюда!... На помощь!... Умираю...
Ядъ, ядъ! — Не слышутъ... Понимаю:
Ты остороженъ... Никого... Нейдутъ...
Но помни: есть небесный судъ.
И я тебя, убійца, проклинаю!

(*Не добѣжавъ до двери, упадаетъ безъ чувствъ.*)

АРБЕНИНЪ.

(*Горько смѣясь.*) Проклятіе! что̀ пользы проклинать?
Я проклятъ Богомъ! (*подходитъ*) Бѣдное созданье!
Ей не по силамъ наказанье...

(*Стоитъ сложа руки.*)

Блѣдна! *(Содрогается.)* Но всѣ черты спокойны;
не видать
Въ нихъ ни раскаянья, ни угрызеній...
Уже ль?

НИНА.

(Слабо.) Прощай, Евгеній!
Я умираю, но невинна... Ты злодѣй...

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, не говори, тебѣ ужь не по-
можетъ
Ни ложь, ни хитрость... говори скорѣй:
Я былъ обманутъ... такъ шутить не мо-
жетъ
Самъ адъ любовію моей!
Молчишь? О! месть тебя достойна...
Но это не поможетъ: ты умрешь...
И будетъ для людей все тайно, — будь
спокойна!...

НИНА.

Теперь мнѣ все равно... Я все жь
Невинна передъ Богомъ. *(Умираетъ.)*

АРБЕНИНЪ, подходитъ къ ней и быстро отворачивается.

Ложь!

(Упадаетъ въ кресла.)

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Выходъ первый.

АРБЕНИНЪ, сидитъ у стола на диванѣ.

Я ослабѣлъ въ борьбѣ съ собой
Среди мучительныхъ усилій...
И чувства наконецъ вкусили
Какой-то тягостный, обманчивый покой...
Лишь иногда невольною заботой
Душа тревожится въ холодномъ этомъ снѣ

И сердце ноетъ, будто ждетъ чего-то.
Не все ли кончено? уже ли на землѣ
Страданье новое вкусить осталось мнѣ?
Вздоръ!... Дни пройдутъ—прійдетъ забвенье,
Подъ тягостью годовъ умретъ воображенье;
И долженъ же покой когда-нибудь
Вновь поселиться въ эту грудь...

(Задумывается; вдругъ поднимаетъ голову.)

Я ошибался?... Нѣтъ, неумолимо
Воспоминаніе!. . Какъ живо вижу я
Ея мольбы, тоску... О! мимо, мимо
Ты, пробужденная змѣя!...

(Упадаетъ головою на руки.)

Выходъ второй.

КАЗАРИНЪ, тихо.

Арбенинъ здѣсь, печаленъ и вздыхаетъ.
Посмотримъ, какъ-то онъ комедію сыграетъ.
(Ему.) Я, милый другъ, спѣшилъ къ тебѣ,
Узнавши о твоемъ несчастьѣ.

Какъ быть! угодно такъ судьбѣ.
У всякаго свои напасти. (*Молчаніе.*)
Да полно, братъ, личину ты сними
Не опускай такъ важно взоры.
Вѣдь это хорошо съ людьми,
Для публики, — а мы съ тобой актёры.
Скажи-ка, братъ... Да какъ ты блѣденъ
сталъ,
Подумаешь, что ночь всю въ карты проигралъ.
О, старый плутъ!... да мы разговориться
Успѣемъ послѣ... Вотъ твоя родня:
Покойницѣ идутъ, конечно, поклониться.
Прощай же, до другаго дня.

(*Уходитъ.*)

Выходъ третій.

РОДСТВЕННИКИ (*приходятъ.*)

ДАМА, племянницъ.

Ужь, видно, есть надъ нимъ Господнее про-
клятье;

Дурной былъ мужъ, дурной былъ сынъ...
Напомни мнѣ заѣхать въ магазинъ
Купить матеріи на траурное платье.
Хоть нынче нѣтъ доходовъ никакихъ,
А разоряюсь для родныхъ.

ПЛЕМЯННИЦА.

Ma tante! какая же причина
Тому, что умерла кузина?

ДАМА.

А та, сударыня, что глупъ вашъ модный свѣтъ;
Ужь доживете вы до бѣдъ!

(*Уходятъ.*)

Выходъ четвертый.

Выходятъ изъ комнаты покойницы ДОКТОРЪ И СТАРИКЪ.

СТАРИКЪ.

При васъ она скончалась?

ДОКТОРЪ.

Не успѣли

Меня найти... я говорилъ всегда:
Съ мороженымъ и балами бѣда!

СТАРИКЪ.

Покровъ богатъ — парчу вы разсмотрѣли?
У брата моего прошедшею весной
На гробѣ былъ точь-въ-точь такой.

(*Уходитъ.*)

Выходъ пятый.

ДОКТОРЪ, подходитъ къ Арбенину и беретъ его за руку.

Вамъ надо отдохнуть.

АРБЕНИНЪ, вздрагиваетъ.

А!... (*Въ сторону.*) Сердце сжалось!

ДОКТОРЪ.

Вы слишкомъ предались печали эту ночь,—
Усните.

АРБЕНИНЪ.

Постараюсь.

ДОКТОРЪ.

Ужь помочь

Нельзя ничѣмъ; но вамъ осталось

Беречь себя.

АРБЕНИНЪ.

О-го! я невредимъ.

Какимъ страданіямъ земнымъ

На жертву грудь моя ни предавалась,

А я все живъ... Я счастія желалъ

И въ видѣ ангела мнѣ Богъ его послалъ;

Мое преступное дыханье

Въ немъ осквернило Божество,

И вотъ оно, прекрасное созданье, —

Смотрите — холодно, мертво.

Разъ въ жизни человѣка мнѣ чужаго,

Рискуя честію, отъ гибели я спасъ,

А онъ — смѣясь, шутя, не говоря ни слова,

Онъ отнялъ у меня все, все — и черезъ

часъ. (*Уходитъ.*)

ДОКТОРЪ.

Онъ боленъ не шутя, и я не сомнѣваюсь,

Что въ этой головѣ мученій было тьма;
Но если онъ сойдетъ съ ума,
То я за жизнь его ручаюсь.

(*Уходя, сталкивается съ двумя.*)

Выходъ шестой.

Входятъ: НЕИЗВѢСТНЫЙ И КНЯЗЬ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Позвольте васъ спросить — Арбенина нельзяль намъ видѣть.

ДОКТОРЪ.

Право, утверждать не смѣю:
Жена его вчерась скончалась.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Очень жаль.

ДОКТОРЪ.

И онъ такъ огорченъ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Я и объ немъ жалѣю.
Однако жь дома онъ?

ДОКТОРЪ.

Онъ? дома, — да.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Я дѣло до него преважное имѣю.

ДОКТОРЪ.

Вы изъ друзей его, конечно, господа?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Покамѣстъ нѣтъ; но мы пришли сюда,
Чтобъ подружиться понемногу.

ДОКТОРЪ.

Онъ болѣнъ не шутя.

КНЯЗЬ, испугавшись.

Лежитъ
Безъ памяти?

ДОКТОРЪ.

Нѣтъ, ходитъ, говоритъ, —
И есть еще надежда...

КНЯЗЬ.

Слава Богу!

(*Докторъ уходитъ.*)

Выходъ седьмой.

КНЯЗЬ.

О, наконецъ!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Лицо у васъ въ огнѣ.
Вы тверды ли въ своемъ рѣшеньѣ?

КНЯЗЬ.

А вы ручаетесь ли мнѣ,
Что справедливо ваше подозрѣнье?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Послушайте: у насъ обоихъ цѣль одна.
Его мы ненавидимъ оба;
Но вы его души не знаете: — мрачна
И глубока, какъ двери гроба;
Чему хоть разъ отворится опа,
То въ ней погребено на-вѣки. — Подозрѣнья

Ей стòятъ доказательствъ; — ни прощенья,
Ни жалости не знаетъ онъ;
Когда обиженъ — мщенье, мщенье,
Вотъ цѣль его тогда и вотъ его законъ.
Да, эта смерть скора не безъ причины.
Я зналъ: вы съ нимъ враги — и услужить
вамъ радъ.
Вы драться станете — я два шага назадъ,
И буду зрителемъ картины.

КНЯЗЬ.

Но кàкъ узнали вы, что день тому назадъ
Я былъ обиженъ имъ?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Я разсказать бы радъ,
Да что вамъ наскучать?

КНЯЗЬ.

Къ тому жь весь городъ говоритъ.

КНЯЗЬ.

Мысль нестерпимая!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Она васъ слишкомъ мучитъ.

КНЯЗЬ.

О, вы не знали, что̀ такое стыдъ!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Стыдъ? — нѣтъ; и опытъ васъ забыть о немъ научитъ.

КНЯЗЬ.

Но кто вы?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Имя нужно вамъ?
Я вашъ сообщникъ, ревностно и дружно
За вашу честь вступился самъ.
А знать вамъ болѣе не нужно.
Но, чу! идутъ... походка тяжела
И медленна. — Онъ! точно. Удалитесь
На мигъ: есть съ нимъ у насъ дѣла,
И вы въ свидѣтели теперь намъ не годитесь.

(*Князь отходитъ въ сторону.*)

—

Выходъ осьмой.

АРБЕНИНЪ *со свѣчой.*

АРБЕНИНЪ.

Смерть! смерть! О, это слово здѣсь,
Вездѣ, — я имъ проникнутъ весь;
Оно меня преслѣдуетъ. Безмолвно
Смотрѣлъ я цѣлый часъ на трупъ ея нѣмой
И сердце было полно, полно
Невыразимою тоской.
Въ чертахъ спокойствіе и дѣтская безпеч-
ность,
Улыбка вѣчная тихонько расцвѣла,
Когда предъ ней открылась вѣчность,
И тамъ свою судьбу душа ея прочла.
Уже ль я ошибался? — невозможно!
Мнѣ ошибиться? — кто докажетъ мнѣ
Ея невинность? — ложно! ложно!
Гдѣ доказательства? — есть у меня они!

Я не повѣрилъ ей — кому же стану вѣ-
рить?
Да, я былъ страстный мужъ, но былъ
судья
Холодный. — Кто же разувѣрить
Меня осмѣлится?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Осмѣлюсь — я!

АРБЕНИНЪ, сначала пугается и, отходя, подноситъ къ лицу свѣчу.

А кто же вы?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Не мудрено, Евгенiй,
Ты не узналъ меня, — а были мы друзья.

АРБЕНИНЪ.

Но кто вы?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Я твой добрый геній.
Да, непримѣченный, вездѣ я былъ съ то-
тобой:

Всегда съ другимъ лицомъ, всегда въ дру-
гомъ нарядѣ, —
Зналъ всѣ твои дѣла и мысль твою порой;
Остерегалъ тебя недавно въ маскарадѣ.

АРБЕНИНЪ, вздрогнувъ.

Пророковъ не люблю, и выйдти васъ
Прошу немедленно — я говорю серьёзно.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Все такъ; но, не смотря на голосъ грозный
И на рѣшительный приказъ,
Я не уйду. — Да, вижу, вижу ясно,
Ты не узналъ меня. Я не изъ тѣхъ людей,
Которыхъ можетъ мигъ опасный
Отвлечь отъ цѣли многихъ дней.
Я цѣль свою достигъ, и здѣсь на мѣстѣ
лягу,
Умру — но ужь назадъ не сдѣлаю ни шагу.

АРБЕНИНЪ.

Я самъ таковъ, и этимъ сверхъ того
Не хвастаюсь. (*Садится.*) Я слушаю.

НЕИЗВѢСТНЫЙ, въ сторону.

Доселѣ
Мои слова не тронули его.
Иль я ошибся въ самомъ дѣлѣ?
Посмотримъ далѣе. (*Ему.*) Семь лѣтъ тому назадъ,
Ты узналъ меня, Арбенинъ. Я былъ молодъ,
Неопытенъ, и пылокъ, и богатъ.
Но ты... въ твоей груди ужь крылся этотъ холодъ,
То адское презрѣнье ко всему,
Которымъ ты гордился всюду.
Не знаю, приписать его къ уму,
Иль къ обстоятельствамъ — я разбирать не буду
Твоей души — ее поймета лишь Богъ...

. . . . . .

АРБЕНИНЪ.

Дебютъ хорошъ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Конецъ не будетъ хуже.

Разъ ты меня уговорилъ, увлёкъ
Къ себѣ... Мой кошелёкъ
Былъ полонъ, и къ тому же
Я вѣрилъ счастью. Сѣлъ играть съ тобой,
И проигралъ. Отецъ мой былъ скупой
И строгій человѣкъ, — и чтобъ не подвергаться
Упрекамъ, я рѣшился отъиграться.
Но ты хоть молодъ, ты меня держалъ
Въ когтяхъ — и я все снова проигралъ.
Я предался отчаянью. Тутъ были,
Ты помнишь, можетъ быть,
И слезы и мольбы... Въ тебѣ же возбудили
Они лишь смѣхъ... О! лучше бы пронзить
Меня кинжаломъ! Но въ то время
Ты не смотрѣлъ еще пророчески впередъ.
И только нынче злое сѣмя
Произвело достойный плодъ.

(*Арбенинъ хочетъ вскочить, но задумывается.*)

И я покинулъ все съ того мгновенья,
Все — женщинъ и любовь, блаженство
юныхъ лѣтъ,
Мечтанья нѣжныя и сладкія волненья,
И въ свѣтѣ мнѣ открылся новый свѣтъ —
Міръ новыхъ, странныхъ ощущеній,
Міръ обществомъ отверженныхъ людей,
Самолюбивыхъ душъ и ледяныхъ страстей,
И увлекательныхъ мученій.
Я увидалъ, что деньги — царь земли,
И поклонился имъ. Года прошли,
Все скоро унеслось: богатство и здоровье;
На вѣки предо мной закрылась счастья
дверь;
Я заключилъ съ судьбой послѣднее условье —
И вотъ сталъ тѣмъ, что̀ я теперь...
А! ты дрожишь, ты понимаешь
И цѣль мою и то, что̀ я сказалъ!
Ну, повтори еще, что ты меня не знаешь

АРБЕНИНЪ.

Прочь! я узналъ тебя — узналъ!...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Прочь? Развѣ это все? Ты надо мной смѣялся—
И я повеселиться радъ.
Недавно до меня случайно слухъ домчался,
Что счастливъ ты, женился и богатъ.
И горько стало мнѣ, и сердце зароптало,
И долго думалъ я: за что жь
Онъ счастливъ? — и шептало
Мнѣ чувство внятное: «иди, иди, встре-
вожь!»
И сталъ я слѣдовать, мѣшаяся съ толпой,
Безъ устали, всегда повсюду за тобой,
Все узнавалъ — и наконецъ
Пришелъ трудамъ моимъ конецъ.
Послушай — я узналъ, и... и открою
Тебѣ я истину одну...

(*Протяжно.*)

Послушай: ты убилъ свою жену!...

(*Арбенинъ отскакиваетъ. Князь подходитъ.*)

АРБЕНИНЪ.

Убилъ? — я? — Князь! — О! что такое?...

НЕИЗВѢСТНЫЙ, отступая.

Я все сказалъ; онъ скажетъ остальное.

АРБЕНИНЪ, приходя въ бѣшенство.

А! заговоръ!... прекрасно!... я у васъ
Въ рукахъ... Вамъ помѣшать кто смѣетъ?
Никто... вы здѣсь цари... я смиренъ: я сейчасъ
У вашихъ ногъ... Душа моя робѣетъ
Отъ взглядовъ вашихъ... Я глупецъ, дитя,
И противъ вашихъ словъ отвѣта не имѣю.
Я мигомъ побѣжденъ; обманутъ я шутя,
И подъ топоръ нагну спокойно шею;
А вы не разочли, что есть еще во мнѣ
Присутствіе ума, и опытность, и сила?
Вы думали, что все взяла ея могила?
Что я не заплачу вамъ всѣмъ по старинѣ?
Такъ вотъ какъ я униженъ въ вашемъ мнѣньѣ
Коварнымъ лепетомъ молвы!...
Да, сцена хорошо придумана; но вы

Не отгадали заключенья.
А этотъ мальчикъ?... такъ и онъ со мной
Бороться вздумалъ? Мало было
Одной пощечины — нѣтъ, хочется другой?
Вы все получите, мой милый!
Вамъ жизнь наскучила? Не странно: жизнь
глупца,
Жизнь площаднаго волокиты!
Утѣшьтесь же теперь — вы будете убиты
Умрете—съ именемъ и съ смертью подлеца.

КНЯЗЬ.

Увидимъ; но скорѣй...

АРБЕНИНЪ.

Идемъ, идемъ!

КНЯЗЬ.

Теперь я счастливъ!

НЕИЗВѢСТНЫЙ, останавливая.

Да; а главное забыли!

КНЯЗЬ, останавливая Арбенина

Постойте. Вы должны узнать, что об-
винили

Меня напрасно; что ни въ чемъ
Не виновата ваша жертва; оскорбили
Меня вы вò время: я только обо всемъ
Хотѣлъ сказать вамъ... Но пойдемъ.

АРБЕНИНЪ.

Что? что?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Твоя жена невинна; слишкомъ строго
Ты обошелся...

АРБЕНИНЪ, хохочетъ.

Да у васъ въ запасѣ шутокъ много!

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, нѣтъ, я не шучу, клянусь Твор-
цомъ.
Браслетъ случайною судьбою
Попался баронессѣ и потомъ
Былъ отданъ мнѣ ея рукою.
Я ошибался самъ; но вашею женою
Любовь моя отвергнута была.
Когда бъ я зналъ, что отъ одной ошибки
Произойдетъ такъ много зла,

То вѣрно бъ не искалъ ни взора, ни улыбки...
И баронесса этимъ вотъ письмомъ
Вамъ открывается во всёмъ.
Читайте же скорѣй—мнѣ дороги мгновенья...

(*Арбенинъ взглядываетъ на пивьмо и читаетъ.*)

НЕИЗВѢСТНЫЙ, поднявъ глаза къ небу, лицемѣрно.

Казнитъ злодѣя Провидѣнье:
Невинная погибла — жаль!
Но здѣсь ждала ее печаль,
А въ небесахъ — спасенье!
Ахъ! я ее видалъ: ея глаза
Всю чистоту души изображали ясно.
Кто бъ думать могъ, что этотъ цвѣтъ прекрасный
Сомнетъ минутная гроза!...
Что ты замолкъ, несчастный?
Рви волосы, терзайся и кричи...
Ужасно!... о, ужасно!

АРБЕНИНЪ, бросается на нихъ.

Я задушу васъ, палачи! (*Вдругъ слабѣетъ и падаетъ въ кресла.*)

КНЯЗЬ, толкая грубо.

Раскаянье вамъ не поможетъ.
Ждутъ пистолеты — споръ нашъ не рѣ-
шенъ...
Молчитъ, не слушаетъ. Уже ли онъ
Разсудокъ потерялъ?...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Быть можетъ...

КНЯЗЬ.

Вы помѣшали мнѣ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Мы цѣлимъ розно.
Я отомстилъ; для васъ, я думаю, ужь поздно!

АРБЕНИНЪ, встаетъ съ дикимъ взглядомъ.

О, что сказали вы?... Нѣтъ силъ, нѣтъ силъ...
Я такъ былъ оскорбленъ, я такъ увѣренъ
былъ...
Прости, прости меня, о Боже!... Мнѣ про-
щенье?

(*Хохочетъ.*)

А слезы, жалобы, моленья?
А ты простилъ?

(Становится на колѣни.)

Ну, вотъ и я упалъ предъ вами на колѣна:
Скажите же, не правда ли, измѣна,
Коварство очевидны... Я хочу, велю
Чтобъ вы ее сейчасъ же обвинили.
Она невинна? развѣ вы тутъ были,
Смотрѣли въ душу вы мою?
Какъ я теперь прошу, такъ и она молила!...
Ошибка... я ошибся... что̀ жь!
Она мнѣ тоже говорила,
Но я сказалъ, что это *ложь*... *(Встаетъ.)*
Я это ей сказалъ. *(Молчанье.)*
Вотъ что я вамъ открою:
Не я ея убiйца. *(Взглядываетъ пристально на неизвѣстнаго)*
Ты скорѣй
Признайся, говори смѣлѣй,
Будь откровененъ хоть со мною.
О, милый другъ, зачѣмъ ты былъ жестокъ?
Вѣдь я ее любилъ, я бъ небесамъ и раю

Одной слезы ея, кода бы могъ,
Не уступилъ, — но я тебѣ прощаю!

(Упадаетъ на грудь ему и плачетъ.)

НЕИЗВѢСТНЫЙ, отталкивая его грубо.

Приди въ себя — опомнись... *(Князю.)* Уведемъ
Его отсюда; онъ опомнится, конечно,
На воздухѣ... *(Беретъ его за руку.)* Арбенинъ!

АРБЕНИНЪ.

Вѣчно
Мы не увидимся... Прощай... Идемъ...
идемъ...
Сюда... сюда.... *(Вырываясь, бросается въ дверь, гдѣ гробъ Нины.)*

КНЯЗЬ.

Остановите!...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

И этотъ гордый умъ сегодня изнемогъ!

АРБЕНИНЪ, возвращаясь съ диким стономъ.

Здѣсь посмотрите! посмотрите!...

(Прибѣгая на середину сцены)

Я говорилъ тебѣ, что ты жестокъ!

(*Падаетъ на землю и сидитъ полулежа съ неподвижными глазами. Князь и Неизвѣстный стоятъ надъ нимъ.*)

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Давно хотѣлъ я полной мести —
И вотъ вполнѣ я отомщенъ!

КНЯЗЬ.

Онъ безъ ума — счастливъ; а я навѣкъ
лишенъ
Спокойствія и чести!

КОНЕЦЪ.

1835.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТИХОТВОРЕНІЙ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА,

ВЪ ТОМЪ ПОРЯДКѢ, ВЪ КАКОМЪ ОНИ БЫЛИ НАПИСАНЫ.

		Час.	Стр.
1835.	Хаджи Абрекъ	I	1
	Боярин Орша (Поэма). .	II	1
	Маскарадъ (Драма) . . .	III	1
1836.	Русалка	I	27
	Вѣтка Палестины. . . .	»	31
	Еврейская Мелодія . . .	»	35
	Въ Альбомъ (изъ Байрона)	»	37
	Пѣсня про Царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова	»	39
	Казначейша	II	59
	Ангелъ	»	213
	Два Великана	»	223
	Умирающій Гладіаторъ . .	»	227
1837.	Бородино	I	69
	Узникъ	»	75
	Молитва	»	79
	«Когда волнуется желтѣющая нива»	»	81

		Час.	Стр.
1837.	Сосѣдъ	I	83
	«Разстались мы; но твой портретъ»	»	87
1838.	Дума	»	89
	А. О. Смирновой	»	201
1839.	Три Пальмы (восточное сказаніе)	»	93
	Молитва	»	99
	Дары Терека	»	101
	Памяти А. И. Од—го . .	»	107
	«Не вѣрь себѣ»	»	113
	Поэтъ.	»	197
	«Есть рѣчи».	»	205
	Договоръ.	II	133
	Родина	»	143
	Отрывки изъ поэмы «Демонъ»	»	163
1840.	Первое Января	I	117
	Казачья Колыбельная Пѣсня	»	121
	Журналистъ, Читатель и Писатель	»	125
	Воздушный Корабль (изъ Зейдлица)	»	135
	«И скучно и грустно» . .	»	141
	Ребенку	»	143
	Отъ-чего?	»	147
	Благодарность	»	149
	Изъ Гёте	»	151
	Мцыри	»	153
	Тучи	»	195
	Къ портрету Графини В—ой-Д—ой	»	203
	Завѣщаніе	»	207

		Час.	Стр.
1840.	Графинѣ Растопчиной . .	II	161
	Сосѣдка	»	129
	Любовь Мертвеца. . . .	»	215
1841.	Сказка для дѣтей	»	103
	Споръ.	»	135
	Оправданіе	»	141
	Послѣднее Новоселье . .	»	145
	Кинжалъ	»	151
	Плѣнный Рыцарь. . . .	»	153
	Въ Альбомъ автору «Курдюковой»	»	221
	Валерикъ.	»	199
	Стихотворенія, неизвѣстно-когда написанныя:		
	Сосна	II	123
	«На свѣтскія цѣпи» . . .	»	125
	Парусъ	»	155
	Желаніе	»	157
	Изъ Альбома С. Н. Карамзиной	»	159
	М. П. Соломирской. . .	»	219
	«Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою»	»	225

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

М. Лермонтова.

ЧАСТЬ IV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—

Въ типографіи Ильи Глазунова и Комп.
1844.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, Марта 1 дня 1844 года.

Цензоръ А. Никитенко.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

Стран.

Измаилъ-Бэй . . . . . 1.

Сонъ. . . . . 133.

Тамара. . . . . 135.

Утесъ. . . . . 139.

«Выхожу одинъ я на дорогу» . . . . 141.

Морская Царевна. . . . . 145.

«Изъ-подъ таинственной, холодной полумаски». . . . . 149.

«Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой». . . . . 151.

II

«Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю» . 155.
«Не плачь, не плачь, мое дитя». . . . 157.
Посвященіе, приписанное въ концѣ одного изъ экземпляровъ поэмы «Демонъ». 159.
Къ портрету стараго гусара . . . . . 161.
Незабудка. . . . . 163.
«Избави Богъ отъ лѣтнихъ мушекъ». . 167.
Смерть. . . . . 169.
Романсъ къ ****. . . . . 171.
«Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно» . . . . . 173.
«Когда весной разбитый ледъ». . . . 175.
«Ребенка милаго рожденье». . . . . 177.
Пророкъ . . . . . 179.
Свиданіе . . . . . 183.

ОГЛАВЛЕНІЕ IV ЧАСТИ

СТИХОТВОРЕНІЙ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА,

ВЪ ТОМЪ ПОРЯДКѢ, ВЪ КАКОМЪ ОНИ БЫЛИ НАПИСАНЫ.

		Стр.
1830.	Смерть	169.
1841.	Сонъ	133.
	Тамара	135.
	Утесъ	139.
	«Выхожу одинъ я на дорогу». .	141.
	Морская Царевна	145.
	«Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой«	151.
	«Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю».	155.
	«Они любили другъ друга» . . .	173.
	Пророкъ.	179.
	Свиданіе.	183.

	Стр.
Стихотворенія, неизвѣстно когда написанныя.	
Измаилъ-Бэй	**1.**
«Изъ-подъ таинственной, холодной полумаски».	**149.**
«Не плачь, не плачь, мое дитя».	**157.**
Посвященіе, приписанное въ концѣ одного изъ экземпляровъ поэмы «Демонъ»	**159.**
Къ портрету стараго гусара. . .	**161.**
Незабудка.	**163.**
«Избави Богъ отъ лѣтнихъ мушекъ»	**167.**
Романсъ къ *. . . . . .**	**171.**
«Когда весной разбитый ледъ» .	**175.**
«Ребенка милаго рожденье». . .	**177.**

ИЗМАИЛЪ-БЭЙ

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ.

Опять явилось вдохновенье
Душѣ безжизненной моей
И превращаетъ въ пѣснопѣнье
Тоску, развалину страстей.
Такъ, посреди чужихъ степей,
Подругъ внимательныхъ не зная,
Прекрасный путникъ, птичка рая,
Сидитъ на деревѣ сухомъ,
Блестя лазоревымъ крыломъ;
Пускай реветъ, бушуетъ вьюга —
Она поетъ лишь объ одномъ,
Она поетъ о солнцѣ юга...

—

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Привѣтствую тебя, Кавказъ сѣдой!
Твоимъ горамъ я путникъ не чужой:

2

Онѣ меня въ младенчествѣ носили
И къ небесамъ пустыни пріучили.
И долго мнѣ мечталось съ этихъ поръ
Все небо юга да утесы горъ.
Прекраснъ ты, суровый край свободы,
И вы, престолы вѣчные природы,
Когда, какъ дымъ синѣя, облака
Подъ вечеръ къ вамъ летятъ издалека,
Надъ вами вьются, шепчутся какъ тѣни,
Какъ надъ главой огромныхъ привидѣній
Колеблемыя перья, — и луна
По синимъ сводамъ странствуетъ одна.

II.

Какъ я любилъ, Кавказъ мой величавый,
Твоихъ сыновъ воинственные нравы,
Твоихъ небесъ прозрачную лазурь,
И чудный вой мгновенныхъ, громкихъ бурь,

Когда пещеры и холмы крутые,
Какъ стражи откликаются ночные!

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Въ вечернiй часъ, дождливыхъ облаковъ
Я наблюдалъ разодранный покровъ;
Лиловыя, съ багряными краями
Одни еще грозятъ, и надъ скалами
Волшебный замокъ, чудо древнихъ дней,
Растетъ въ минуту; но еще скорѣй
Его разсѣетъ вѣтра дуновенье.
Такъ прерываетъ рѣзкiй звукъ цѣпей
Преступнаго страдальца сновидѣнье,
Когда онъ зритъ холмы своихъ полей...
Межь-тѣмъ, бѣлѣй, чѣмъ горы снѣговыя,
Идутъ на западъ облака другiя
И, проводивши день, тѣснятся въ рядъ,
Другъ черезъ друга, свѣтлыя глядятъ

*

Такъ весело, такъ пышно и безпечно,
Какъ-будто жить и нравиться имъ вѣчно!..

III.

И дики тѣхъ ущелій племена.

. . . . . .

Они растутъ среди разбоевъ тайныхъ,
Жестокихъ дѣлъ и дѣлъ необычайныхъ.
Тамъ въ колыбели пѣсни матерей
Пугаютъ Русскихъ именемъ дѣтей;
Тамъ поразить врага не преступленье;
Вѣрна тамъ дружба, но вѣрнѣе мщенье.
Тамъ за добро — добро, и кровь — за кровь,
И ненависть безмѣрна, какъ любовь.

IV.

Темны преданья ихъ. Старикъ Чеченецъ,
Хребтовъ Казбека бѣдный уроженецъ,

Когда меня чрезъ горы провожалъ,
Про старину мнѣ повѣсть разсказалъ.
Хвалилъ людей минувшаго онъ вѣка,
Водилъ меня подъ камень Росламбэка,
Повисшій надъ извилистымъ путемъ,
Какъ-будто-бы удержанный Аллою
На воздухѣ въ паденіи своемъ,
Онъ весь обросъ зеленою травою
И, не боясь, что камень упадетъ
Въ его тѣни, хранимъ отъ непогодъ,
Плѣнительнѣй, чѣмъ голубыя очи
У нѣжныхъ дѣвъ ледяной полуночи,
Склоняясь въ жаръ на длинный стебелёкъ
Растетъ воспоминанія цвѣтокъ!
И подъ столѣтней, мшистою скалою
Сидѣлъ Чеченъ однажды предо мною,
Какъ сѣрая скала, сѣдой старикъ
Задумавшись, главой своей поникъ...
Быть можетъ, онъ о родинѣ молился!
И, странникъ чуждый, я прервать стра-

шился

Его молчанье и молчанье скалъ:
Я ихъ въ тотъ часъ почти не различалъ!

V.

Его разсказъ, то буйный, то печальный,
Я вздумалъ перенесть на сѣверъ дальный;
Пусть будетъ страненъ въ нашемъ онъ краю,
Какъ слышалъ, такъ его передаю.
Я не хочу, незнаемый толпою,
Чтобы какъ тайна онъ погибъ со мною;
Пускай ему не внемлютъ, до конца
Я доскажу! Кто съ гордою душою
Родился, тотъ не требуетъ вѣнца:
Любовь и пѣсни — вотъ вся жизнь пѣвца;
Безъ нихъ она пуста, бѣдна, уныла,
Какъ небеса безъ тучъ и безъ свѣтила!...

VI.

Давнымъ-давно, у чистыхъ водъ,
Гдѣ по кремнямъ Подкумокъ мчится,
Гдѣ за Машукомъ (*) день встаётъ,
А за крутымъ Бешту (**) садится,
Близъ рубежа чужой земли
Аулы мирные цвѣли,
Гордились дружбою взаимной;
Тамъ каждый путникъ находилъ
Ночлегъ и пиръ гостепріимный;
Черкесъ счастливъ и воленъ былъ.
Красою чудной за горами
Извѣстны были дѣвы ихъ,
И старцы съ бѣлыми власами
Судили распри молодыхъ.

(*) (**) Двѣ главныя горы.

Весельемъ пѣсни ихъ дышали:
Они тогда еще не знали
Ни золота, ни русской стали!

VII.

Не все судьба голубитъ насъ,
Всему свой день, всему свой часъ.
Однажды, — солнце закатилось,
Туманъ бѣлѣлъ ужь подъ горой,
Но въ эту ночь аулы, мнилось,
Не знали тишины ночной.
Стада тѣснились и шумѣли,
Арбы тяжелыя скрипѣли,
Трепеща жены близъ мужей,
Держали плачущихъ дѣтей.
Отцы ихъ, бурками одѣты,
Садились молча на коней
И заряжали пистолеты,

И на кострѣ высокомъ жгли,
Что́ взять съ собою не могли.
Когда же день новорожденный
Завѣтный озарилъ курганъ
И мокрый утренній туманъ
Разсѣялъ вѣтеръ пробужденный,
Онъ обнажилъ подошвы горъ,
Пустой аулъ, пустое поле,
Едва-дымящійся костёръ
И свѣжій слѣдъ колесъ — не болѣ.

VIII.

Но что̀ могло заставить ихъ
Покинуть прахъ отцовъ своихъ
И добровольное изгнанье
Искать среди пустынь чужихъ?
Гнѣвъ Мухаммеда? прорицанье?
О нѣтъ! Примчалась какъ-то вѣсть,

Что къ нимъ подходитъ врагъ опасный,
Неумолимый и ужасный;
Что все громамъ его подвластно,
Что силъ его нельзя и счесть.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

IX.

Межь-тѣмъ, летятъ за годомъ годы,

. . . . . .

И пятый годъ ужь настаетъ,
А кровь джяуровъ не течетъ.
Въ необитаемой пустынѣ
Черкесъ бродящій отдохнулъ,
Построенъ новый былъ аулъ
(Его слѣдовъ не видно нынѣ),

Старикъ и воинъ молодой
Кипятъ отвагой и враждой.
Ужь Росламбэкъ съ береговъ Кубани
Князей союзныхъ поджидалъ.

. . . . . .

. . . . . .

X.

Въ тотъ самый годъ, осеннимъ днемъ
Между Желѣзной и Змѣиной (*),
Гдѣ чуть-примѣтный путь лежалъ,
Цвѣтущей, узкою долиной
Тихонько всадникъ проѣзжалъ.
Кругомъ налѣво и направо,
Какъ-бы остатки пирамидъ,
Подъемлясь къ небу величаво,

(*) Двѣ горы, находящіяся рядомъ съ Бешту.

Гора изъ-за горы глядитъ;
И далѣ царь ихъ пятиглавый
Туманный, сизо-голубой,
Пугаетъ чудной вышиной.

XI.

Еще небесное свѣтило
Росистый лугъ не обсушило:
Со скалъ гранитныхъ надъ путемъ
Склонился дикій виноградникъ,
Его серебрянымъ дождемъ
Осыпанъ часто конь и всадникъ.
Но вотъ остановился онъ,
Какъ новой мыслью пораженъ,
Смущенный взглядъ кругомъ обводитъ
Чего-то, мнится, не находитъ.
То пуститъ онъ коня стремглавъ,
То остановитъ и, привставъ

На стремена, дрожитъ, пылаетъ,—
Все пусто! онъ съ коня слѣзаетъ,
Къ землѣ сырой главу склоняетъ,
И слышитъ только шелестъ травъ...
Все одичало, онѣмѣло.
Тоскою грудь его полна...
Скажу ль? За кровлю сакли бѣлой,
За близкій топотъ табуна
Тогда онъ міръ бы отдалъ цѣлый.

XII.

Кто жъ этотъ путникъ? Русскій?—нѣтъ.
На немъ чекмень, простой бешметъ,
Чело подъ шапкою косматой;
Ножны кинжала, пистолетъ
Блестятъ насѣчкой небогатой,
И перетянутъ онъ ремнемъ,
И шашка чуть звѣнитъ на немъ,

Ружье, мотаясь за плечами,
Бѣлѣетъ, въ шерстяномъ чехлѣ.
И кàкъ же горца на сѣдлѣ
Не различить мнѣ съ казаками?
Я не ошибся — онъ Черкесъ!

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Старикъ для чувствъ и наслажденья
Безъ сѣдины между волосъ,
Зачѣмъ въ страну, гдѣ все такъ живо,
Такъ непокойно, такъ игриво,
Онъ сердце мертвое принесъ?...

XIII.

Какъ наши юноши, онъ молодъ
И хладенъ блескъ его очей.
Поверхность темную морей

Такъ покрываетъ ранній холодъ
Корой ледяною своей
До первой бури. Чувства, страсти,
Въ очахъ на-вѣки догорѣвъ,
Таятся, какъ въ пещерѣ левъ,
Глубоко въ сердцѣ; но ихъ власти
Оно никакъ не избѣжитъ.
Пусть будетъ это сердце камень—
Ихъ пробужденный адскій пламень
И камень углемъ раскалитъ!

XIV.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

XV.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

XVI.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

XVII.

Куда Черкесъ направилъ путь?
Гдѣ отдохнетъ младая грудь
И усмирится думъ волненье?
Черкесъ не хочетъ отдохнуть...

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Онъ бьетъ и дергаетъ коня,
И конь летитъ какъ вѣтеръ степи;
Надулись ноздри, блещетъ взоръ,
И ужь въ виду зубчаты цѣпи
Кремнистыхъ, безконечныхъ горъ,
И Шатъ подъемлется за ними
Съ двумя главами снѣговыми;
И путникъ мнитъ: «Недалеко;
«Въ часъ прискачу я къ нимъ легко!»

XVIII.

Предъ нимъ съ оттѣнкой голубою,
Полувоздушною стѣною
Нагіе тянутся хребты;
Невѣрны, странны какъ мечты.
То разойдутся, то сольются...
Ужь часъ прошелъ, и двухъ ужь нѣтъ!
Они надъ путникомъ смѣются,

Они едва мѣняютъ цвѣтъ!
Блѣднѣетъ путникъ отъ досады;
Конь непривычный устаетъ;
Ужь солнце къ западу идетъ
И больше въ воздухѣ прохлады,
А все пустынныя громады,
Хотя и выше и темнѣй,—
Еще загадка для очей.

XIX.

Но вотъ его, подобно тучѣ,
Встрѣчаетъ крайняя гора;
Пестрѣй восточнаго ковра
Холмы кругомъ, все выше, круче;
Покрытый пѣной до ушей,
Здѣсь началъ конь дышать вольнѣй,
И дѣтскихъ лѣтъ воспоминанья
Передъ Черкесомъ пронеслись,
Въ груди проснулися желанья,

Во взорахъ слезы родились.
Погасла ненависть на-время,
И думъ неотразимыхъ бремя
Отъ сердца, мнилось, отлегло;
Онъ поднялъ свѣтлое чело,
Смотрѣлъ и внутренно гордился,
Что онъ Черкесъ, что здѣсь родился,
Межь скалъ незыблемыхъ одинъ.
Забылъ онъ жизни скоротечность,
Онъ въ мысляхъ міра властелинъ
Присвоить бы желалъ ихъ вѣчность,
Забылъ онъ все, что̀ испыталъ:
Друзей, враговъ, тоску изгнанья
И, какъ невѣсту въ часъ свиданья,
Душой природу обнималъ!

XX.

Краснѣютъ сизыя вершины,
Лучомъ зари освѣщены,

Давно разселины темны;
Катясь чрезъ узкія долины,
Туманы сонные легли,
И только топотъ лошадиный,
Звуча, теряется вдали.
Погасъ, блѣднѣя, день осенній;
Свернувъ душистые листы,
Вкушаютъ сонъ безъ сновидѣній
Полузавядшіе цвѣты;
И въ часъ урочный молчаливо
Изъ-подъ камней ползетъ змѣя,
Играетъ, тѣшится лѣниво,
И серебрится чешуя
Надъ перегибистой спиною:
Такъ сталь кольчуги иль копья,
(Когда забыты, послѣ бою
Они на полѣ роковомъ),
Въ кустахъ найденная луною,
Блистаетъ въ сумракѣ ночномъ.

XXI.

Ужь поздно; путникъ одинокій
Одѣлся буркою широкой.
За дубомъ низкимъ и густымъ
Дорога скрылась, вѣтеръ дуетъ,
Конь спотыкается подъ нимъ,
Храпитъ, какъ-будто гибель чуетъ,
И всталъ. Дивится, слѣзъ сѣдокъ
И видитъ пропасть предъ собою,
А тамъ, на днѣ ея, потокъ
Во мракѣ бѣшеной волною
Шумитъ. — (Слыхалъ я этотъ шумъ,
Въ пустынѣ вѣтромъ разнесенной,
И много пробуждалъ онъ думъ
Въ груди, тоской опустошенной).
Въ недоумѣньѣ надъ скалой
Остался странникъ утомленный;
Вдругъ видитъ онъ: въ дали пустой

Трепещетъ огонекъ, и снова
Садится на коня лихова,
И черезъ-силу скачетъ конь
Туда, гдѣ свѣтится огонь.

XXII.

Не духъ коварства и обмана
Манилъ трепещущимъ огнемъ,
Не очи злобнаго шайтана
Свѣтилися въ ущельѣ томъ:
Двѣ сакли бѣлыя, простыя,
Таятся мирно за холмомъ,
Чернѣютъ крыши земляныя;
Съ краевъ ряды травы густой
Висятъ зеленой бахрамой.
А вѣтеръ осени сырой
Поетъ имъ пѣсни неземныя.
Широкій окружаетъ дворъ

Изъ кольевъ и вѣтвей заборъ
Уже нагнутый, обветшалый;
Все въ мертвый сонъ погружено —
Одно лишь свѣтится окно...
Заржалъ Черкеса конь усталый,
Ударилъ о землю ногой,
И отвѣчалъ ему другой...
Изъ сакли кто-то выбѣгаетъ,
Идетъ. «Великій Мухаммедъ
«Къ намъ гостя вѣрно посылаетъ.
«Кто здѣсь?» — Я странникъ! — былъ отвѣтъ, —
И больше спрашивать не хочетъ,
Обычай прадѣдовъ храня,
Хозяинъ скромный. Вкругъ коня
Онъ самъ заботится, хлопочетъ,
Онъ самъ снимаетъ весь приборъ
И самъ ведетъ его на дворъ.

XXIII.

Межь-тѣмъ привѣтно въ саклѣ дымной
Пріѣзжій встрѣченъ старикомъ;
Сажая гостя предъ огнёмъ,
Онъ руку жметъ гостепріимно.
Блистаетъ по стѣнамъ кругомъ
Богатство горца: ружья, стрѣлы,
Кинжалы съ набожнымъ стихомъ,
Въ углу башлыкъ убіійцы бѣлый
И плеть межь буркой и сѣдломъ.
Они заводятъ рѣчь о волѣ,
О прежнихъ дняхъ, о бранномъ полѣ,
Кипитъ, кипитъ бесѣда ихъ
И носятся въ мечтахъ живыхъ
Они къ грядущему, къ былому;
Проходитъ непримѣтно часъ —
Они сидятъ; и въ первый разъ,

Внимая странника разсказъ,
Старикъ дивится молодому.

XXIV.

Онъ самъ Лезгинецъ: ужь давно
(Такъ было небомъ суждено)
Не зрѣлъ отечества. Три сына
И дочь младая съ нимъ живутъ.
При нихъ молчитъ еще кручина
И бѣдный милъ ему пріютъ.
Когда горятъ ночныя звѣзды,
Тогда пускаются въ разъѣзды
Его лихіе сыновья:
Живетъ добычей вся семья!
Они повсюду страхъ приносятъ:
Украсть, отнять — имъ все равно;
Чихирь и медъ кинжаломъ просятъ
И пулей платятъ за пшено.

Изъ табуна ли, изъ станицы
Любова уведутъ коня;
Они боятся только дня,
И ихъ владѣньямъ нѣтъ границы!
Сегодня дома лишь одинъ
Его любимый старшій сынъ.
Но словъ хозяина не слышитъ
Пришелецъ; онъ почти не дышитъ,
Остановился быстрый взоръ,
Какъ въ мигъ паденья метеоръ:
Предъ нимъ, подъ видомъ дѣвы горъ,
Созданіе земли и рая
Стояла пэри молодая!

XXV.

И кто бъ, ее увидѣвъ, молвилъ: нѣтъ!
Кто прелести небесъ, иль даже слѣдъ
Небеснаго, разсѣянный лучами

Въ улыбкѣ устъ, въ движеньи черныхъ
глазъ,
Все, что̀ такъ дружно съ первыми мечтами,
Все, что̀ встрѣчаемъ въ жизни только разъ,
Не отличитъ отъ красоты ничтожной,
Отъ красоты земной, нерѣдко ложной?
И кто, кто скажетъ, совѣсть заглуша:
Прелестный ликъ, но хладная душа!
Когда онъ вдругъ увидитъ предъ собою
То, что̀ сперва почелъ бы онъ душою
Освобожденныхъ отъ земныхъ цѣпей,
Слетѣвшихъ въ міръ, чтобъ утѣшать лю-
дей!
Пусть, подойдя, Лезгинку онъ узнаетъ:
Въ ея чертахъ земная жизнь играетъ,
Восточная видна въ ланитахъ кровь;
Но только удалится образъ милый—
Онъ станетъ сомнѣваться въ томъ, что̀ было
И заблужденью онъ повѣритъ вновь!

XXVI.

Нѣжна, какъ пэри молодая,
Созданіе земли и рая,
Мила — какъ намъ, въ краю чужомъ,
Межь звуковъ языка чужова,
Знакомый звукъ, родныхъ два слова;
Такъ утѣшительно-мила,
Какъ древле узнику была,
На сумрачномъ окнѣ темницы,
Простая пѣсня вольной птицы,
Стояла Зара у огня.
Чело немножко наклоня,
Она стояла гордо, ловко;
Въ ея нарядѣ простота —
Но также вкусъ. Ея головка
Платкомъ прилежно обвита;
Изъ-подъ него до груди нѣжной
Двѣ косы темныя небрежно

Бѣгутъ: — ужь вѣрно часъ она
Ихъ расплетала, заплетала!
Она понравиться желала: —
Какъ въ этомъ женщина видна!

XXVII.

Рукой дрожащей, торопливой,
Она поставила стыдливо
Смиренный ужинъ предъ отцомъ,
И улыбнулась, и потомъ
Уйдти хотѣла, и не знала,
Идти ли? — грудь ея, порой,
Покровъ примѣтно поднимала;
Она послушать бы желала,
Что̀ скажетъ путникъ молодой.
Но онъ молчитъ, блуждаютъ взоры:
Ихъ привлекаетъ лезвіё
Кинжала, ратные уборы;

Но взглядъ послѣдній на нее
Былъ устремленъ... смутилась дѣва,
Но, не боясь отцова гнѣва,
Она осталась, и опять
Рѣшилась путнику внимать.
И что̀-то умъ его тревожитъ;
Своихъ неконченныхъ рѣчей
Онъ оторвать отъ устъ не можетъ,
Смѣется — но большихъ очей
Давно не обращаетъ къ ней;
Смѣется, шутитъ онъ; но хладный,
Печальный смѣхъ нейдетъ къ нему.
Замолкнетъ онъ — ей вновь досадно,
Сама не знаетъ почему.
Черкесъ любилъ сначала жадно
Движенье глазъ ея живыхъ,
И наконецъ остановились
Глаза, которые рѣзвились,
Отвѣта ждутъ, къ нему склонились, —
А онъ забылъ, забылъ о нихъ!...
Довольно! этого удара

Вторично дѣва не снесетъ;
Ему мѣшаетъ, видно, Зара?
Она уйдетъ, она уйдетъ!...

XXVIII.

Кто много странствовалъ по свѣту,
Кто наблюдать его привыкъ,
Кто затвердилъ страстей примѣту.
Кому извѣстенъ ихъ языкъ;
Кто рано брошенъ былъ судьбою
Межь образованныхъ людей,
И какъ они, съ своей рукою
Не отдавалъ души своей,—
Тотъ пылкой женщины пристрастье
Не почитаетъ ужь за счастье;
Тотъ съ сердцемъ дикимъ и простымъ
И съ чувствомъ нѣкогда святымъ
Шутить боится. Онъ улыбкой

Слезу старается встрѣчать,
Улыбкѣ хладно отвѣчать,
Коль обласкаетъ — такъ ошибкой!
Притворствомъ вѣчнымъ утомлёнъ,
Ужь и себѣ не вѣритъ онъ;
Душѣ высокой не довольно
Остатковъ юности своей,—
Вообразить еще ей больно,
Что для огня нѣтъ пищи въ ней.
Такіе люди въ жизни свѣтской
Почти-всегда причина зла,
Какой-то робостію дѣтской
Ихъ отзываются дѣла.
И обольстить они не смѣютъ,
И вовсе кинуть не умѣютъ!
И часто думаютъ они,
Что ихъ излечитъ край далекій,
Пустыня, видъ горы высокой,
Иль тѣнь долины одинокой,
Гдѣ юности промчались дни;

Но ожиданье ихъ напрасно:
Душѣ все внѣшнее подвластно!

XXIX.

Ужь милой Зары въ саклѣ нѣтъ.
Черкесъ глядитъ ей долго въ слѣдъ,
И мыслитъ: «Нѣжное созданье!
«Едва изъ дѣтскихъ вышла лѣтъ,
«А есть ужь слезы и желанья!
«Безсильный, свѣтлый лучъ зари,
«На темной тучѣ не гори:
«На ней твой блескъ лишь помрачится,
«Ей ждать нельзя, она умчится!

XXX.

«Еще не знаешь ты, кто я.
«Утѣшься! нѣтъ, не мирной долѣ,

«Но битвамъ, ...
«Обречена судьба моя.
«Я бъ могъ нѣжнѣйшею любовью
«Тебя любить: но надъ тобой,
«Хранитель, вѣрно, не земной:
«Рука, обрызганная кровью,
«Должна твою ли руку жать?
«Тебя ли грѣть моимъ объятьемъ?
«Тебя ли станутъ цаловать
«Уста, привыкшія къ проклятьямъ?»
. . . . . .

XXXI.

Пора! яснѣетъ ужь востокъ;
Черкесъ проснулся, въ путь готовый.
На пепелищѣ огонёкъ
Еще синѣлъ. Старикъ суровый
Его раздулъ, пшено сварилъ,

Сказалъ, гдѣ лучшая дорога,
И самъ до ветхаго порога
Радушно гостя проводилъ.
И странникъ медленно выходитъ
Печалью тайной угнетёнъ:
О юной дѣвѣ мыслитъ онъ...
И кто жь коня ему подводитъ?

XXXII.

Уныло Зара передъ нимъ
Коня походнаго держала
И тихимъ голосомъ своимъ,
Поднявъ глаза къ нему, сказала:
«Твой конь готовъ! моей рукой
«Надѣта бранная уздечка,
«И серебристой чешуёй
«Блеститъ кубанская насѣчка,
«И бурку чорную ремнемъ

«Я привязала за сѣдломъ;
«Мнѣ это дѣло вѣдь не ново.
«Любезный странникъ, все готово!
«Твой конь прекрасенъ; не страшна
«Ему утесовъ крутизна;
«Хоть выросъ онъ въ краю далекомъ,
«Въ немъ дикость гордая видна,
«И лоснится его спина,
«Какъ камень, сглаженный потокомъ;
«Какъ уголь взоръ его блеститъ,
«Лишь наклонись — онъ полетитъ;
«Его я гладила, ласкала,
«Чтобы тебя онъ, путникъ, спасъ
«Отъ вражей шашки и кинжала
«Въ степи глухой, въ недобрый часъ!»

XXXIII.

«Но погоди въ стальное стремя
«Ступать поспѣшною ногой:

«Послушай, странникъ молодой,
«Какъ знать? быть можетъ, будетъ время
«И ты на милой сторонѣ
«Случайно вспомнишь обо мнѣ;
«И если чаша пированья
«Кипитъ, блеститъ въ рукѣ твоей,
«То не ласкай воспоминанья,
«Гони отъ сердца поскорѣй;
«Но если эта мысль родится,
«Но если образъ мой приснится
«Тебѣ въ страдальческую ночь, —
«Услышь, услышь мое моленье:
«Не презирай то сновидѣнье,
«Не отгоняй тѣ мысли прочь!

XXXIV.

«Пріютъ нашъ малъ, за то спокоенъ;
«Его не тронетъ русскій воинъ,

«И что̀ имъ взять? — пять, шесть коней,
«Да наши грубыя одежды?...
«Повѣрь ты скромности моей,
«Откройся мнѣ, куда надежды
«Тебя коварныя влекутъ?
«Чего искать? — останься тутъ,
«Останься съ нами, добрый странникъ!
«Я вижу ясно, ты изгнанникъ,
«Ты отъ земли своей отвыкъ,
«Ты позабылъ ея языкъ.
«Зачѣмъ спѣшишь къ родному краю,
«И что́ тамъ ждетъ тебя? — не знаю.
«Пусть мой отецъ твердитъ порой,
«Что безъ малѣйшей укоризны
«Должны мы жертвовать собой
«Для непризнательной отчизны:
«По мнѣ, отчизна только тамъ,
«Гдѣ любятъ насъ, гдѣ вѣрятъ намъ!

XXXV.

«Еще туманъ бѣлѣетъ въ полѣ,
«Опасенъ ранній хладъ вершинъ...
«Хоть день одинъ, хоть часъ одинъ,
«Послушай, часъ одинъ, не болѣ
«Пробудь, жестокій, близъ меня!
«Я покормлю еще коня,
«Моя рука его отвяжетъ,
«Онъ отдохнетъ, напьется, ляжетъ,
«А ты у сакли здѣсь въ тѣни,
«Главу мнѣ на руку склони:
«Твоихъ рѣчей услышать звуки
«Еще желала бъ я хоть разъ:
«Не удержу, вѣдь, счастья часъ,
«Не прогоню, вѣдь, часъ разлуки?..»
И Зара съ трепетомъ въ отвѣтъ
Ждала напрасно два-три слова;
Скрывать печали силы нѣтъ,

Слеза съ рѣсницъ упасть готова...
Увы! молчаніе храня,
Садится путникъ на коня;
Ужь ѣхать онъ приготовлялся...
Но обернулся, — испугался,
И, состраданьемъ увлечёнъ,
Хотѣлъ ее утѣшить онъ.

XXXVI.

— Не обвиняй меня такъ строго!
Скажи, чего ты хочешь — слезъ?
Я ихъ имѣлъ когда-то много:
Ихъ міръ изъ зависти унесъ!
Но не рѣшусь судьбы мятежной
Я раздѣлять съ душою нѣжной;
Свободный, рабъ иль властелинъ,
Пускай погибну я одинъ.
Все, что̀ меня хоть мало любитъ

За мною въ слѣдъ увлечено;
Мое дыханье радость губитъ,
Щадить — мнѣ власти не дано!
И не простаго человѣка
(Хотя въ деревнѣ я простой) —
Утѣшься, Зара, предъ собой
Ты видишь брата Росламбэка!
Я въ жертву счастье долженъ принести...
О! не жалѣй о томъ! — прости! прости!..

XXXVII.

Сказалъ, махнулъ рукой, и звукъ подковъ
Раздался, въ отдаленьи умирая.
Едва дыша, безъ слезъ, безъ думъ, безъ
словъ,
Она стоитъ, безчувственно внимая,
Какъ-будто этотъ дальній звукъ подковъ
Всю будущность ея унесъ съ собою.

О, Зара! Зара! краткою мечтою
Ты дорожила; — гдѣ жъ твоя мечта?
Кàкъ очи полны, какъ душа пуста!
Одно мгновенье тяжелѣй другова,
Все, что́ прошло, ты оживляешь снова!..
По цѣлымъ днямъ она глядитъ туда,
Гдѣ скрылася любви ея звѣзда,
Вездѣ, вездѣ она его находитъ:
Въ вечернихъ тучахъ милый образъ бродитъ;
Услышавъ ночью топотъ, съ ложа сна
Вскочивъ, дрожитъ, и ждетъ его она —
И постепенно вѣтромъ разносимый
Все ближе, ближе топотъ — и все мимо!...
Такъ метеоръ порой летитъ на насъ,
И ждешь—и близокъ онъ — и вдругъ погасъ!..

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Шумитъ Аргуна мутною волной;
Она коры не знаетъ ледяной,
Цѣпей зимы и хлада не боится;
Серебряной покрыта пеленой,

Она сама между снѣговъ родится,
И тамъ, гдѣ даже серна не промчится,
Дитя природы, съ дѣтской простотой,
Она, рѣзвясь, играетъ и катится!
Порою, какъ согнутое стекло,
Межъ длинныхъ травъ, прозрачно и свѣтло
По гладкимъ камнямъ въ бездну низпадая,
Теряется во мракѣ, и надъ ней,
Съ прощальнымъ воркованьемъ вьется стая
Пугливыхъ, сизыхъ, вольныхъ голубей...
Зеленымъ можжевельникомъ покрыты
Надъ мрачной бездной гробовыя плиты
Висятъ и ждутъ, когда замолкнетъ вой,
Чтобы упасть и все покрыть собой.
Напрасно ждутъ онѣ! волна не дремлетъ,
Пусть темнота кругомъ ее объемлетъ,
Прорветъ Аргуна землю гдѣ-нибудь
И снова полетитъ въ далекій путь!

II.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

III.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

IV.

У Росламбэка братъ когда-то былъ:
О немъ жалѣютъ шайки удалыя,

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Не подъ персидскимъ шолковымъ ковромъ
Родился Измаилъ, не пѣснью нѣжной
Онъ усыпленъ былъ въ сумракѣ ночномъ:
Его баюкалъ бури вой мятежной.
Когда онъ въ первый разъ открылъ глаза,
Его улыбку встрѣтила гроза.
Въ пещерѣ темной, гдѣ, гонимый братомъ,
Убійцею коварнымъ, Бэй-Булатомъ,
Его отецъ таился много лѣтъ,
Изгнанникъ новый, онъ увидѣлъ свѣтъ!

V.

Какъ лишній межь людьми, своимъ рож-
деньемъ,
Онъ душу не обрадовалъ ни чью,

И, хоть невинный, началъ жизнь свою,
Какъ многіе кончаютъ,—преступленьемъ.
Онъ материнской ласки не зналъ:
Не у груди, подъ буркою согрѣтый,—
Одинъ провелъ младенческія лѣты;
И вѣтеръ колыбель его качалъ,
И мѣсяцъ полуночи съ нимъ игралъ.
Онъ выросъ межъ землей и небесами,
Не зная принужденья и заботъ;
Привыкъ онъ тучи видѣть подъ ногами,
А надъ собой одинъ лазурный сводъ;
И лишь орлы, да скалы величавы
Съ нимъ раздѣляли юныя забавы.
Онъ для великихъ созданъ былъ страстей,
Онъ обладалъ пылающей душою,
И бури юга отразились въ ней
Со всей своей ужасной красотою...
Но къ Туркамъ посланъ онъ своимъ отцомъ,
И съ той поры извѣстья нѣтъ объ немъ...

VI.

Горой отъ солнца заслоненный,
Пріютъ изгнанниковъ смиренный,
Между кизиловыхъ деревъ
Аулъ разсыпанъ надъ рѣкою;
Стоитъ отдѣльно каждый кровъ
Въ тѣни, подъ дымной пеленою.
Здѣсь, въ лѣтній день, въ полдневный жаръ,
Когда съ камней восходитъ паръ,
Толпа дѣтей въ травѣ играетъ,
Черкесъ усталый отдыхаетъ;
Межъ-тѣмъ, сидитъ его жена
Съ работой въ саклѣ одиноко,
И пѣсню грустную она
Поетъ о родинѣ далекой;
И облака родныхъ небесъ
Въ мечтаньяхъ видитъ ужь Черкесъ:
Тамъ лугъ душистѣй, день свѣтлѣе,

Роса перловая свѣжѣе;
Тамъ разноцвѣтною дугой,
Развеселясь, нерѣдко дивы
На тучахъ строятъ мостъ красивый,
Чтобъ отъ одной скалы къ другой
Пройдти воздушною тропой;
Тамъ въ первый разъ, еще несмѣлый,
На лукъ накладывалъ онъ стрѣлы!...

VII.

Дни мчатся. Начался байранъ.
Вездѣ веселье, ликованья;
Мулла оставилъ алкоранъ,
И не слыхать его призванья;
Мечеть кругомъ освѣщена;
Всю ночь надъ хладными скалами
Огни краснѣютъ за огнями,
Какъ надъ земными облаками

Земныя звѣзды; — но луна
Когда на землю взоръ наводитъ,
Себѣ соперницъ не находитъ
И, одинокая, она
По небесамъ въ сіяньи бродитъ.

VIII.

Ужь скачка кончена давно;
Стрѣльба затихнула: — темно.
Вокругъ огня, пѣвцу внимая,
Столпилась юность удалая,
И старики сѣдые въ рядъ
Съ нѣмымъ вниманіемъ стоятъ.
На сѣромъ камнѣ, безоруженъ,
Сидитъ невѣдомый пришлецъ.
Нарядъ войны ему не нуженъ, —
Онъ гордъ и бѣденъ: — онъ пѣвецъ!
Дитя степей, любимецъ неба,

Безъ злата онъ, но не безъ хлѣба.
Вотъ начинаетъ: три струны
Ужь забренчали подъ рукою,
И живо, съ дикой простотою
Запѣлъ онъ пѣсню старины:

IX.

ЧЕРКЕССКАЯ ПѢСНЯ.

«Много дѣвъ у насъ въ горахъ;
«Ночь и звѣзды въ ихъ очахъ;
«Съ ними жить завидна доля, —
«Но еще милѣе воля!
«Не женися, молодецъ,
«Слушайся меня:
«На тѣ деньги, молодецъ,
«Ты купи коня.

—

«Кто жениться захотѣлъ,
«Тотъ худой избралъ удѣлъ:
«Въ шумный бой онъ не поскачетъ.
«Отъ-чего? — жена заплачетъ!
«Не женися, молодецъ,
«Слушайся меня:
«На тѣ деньги, молодецъ,
«Ты купи коня.

—

«Не измѣнитъ добрый конь:
«Съ нимъ — и въ воду и въ огонь;
«Онъ, какъ вихрь въ степи широкой,
«Съ нимъ — все близко, что́ далеко!
«Не женися, молодецъ,
«Слушайся меня:
«На тѣ деньги, молодецъ,
«Ты купи коня.»

—

X.

Откуда шумъ? кто эти двое?
Толпа въ молчаньи раздалась.
Нахмуря бровь подходитъ князь,
И рядомъ съ нимъ лицо чужое.
Три узденя за ними въ-слѣдъ.
«Великъ Алла и Мухаммедъ!»
Воскликнулъ князь. «Сама могила
«Покорна имъ! Въ странѣ чужой
«Мой братъ хранимъ былъ ихъ рукой:
«Вы узнаете ль Измаила? —

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

XI.

И по долинѣ восклицанья
Восторга дикаго гремятъ;
Благословляя часъ свиданья,
Вкругъ Измаила старъ и младъ
Тѣснятся, шепчутъ. Поднимая
На плеча маленькихъ ребятъ,
Ихъ жены смуглыя, зѣвая,
На князя новаго глядятъ.
Гдѣ жь Росламбэкъ, кумиръ народа?
Гдѣ тотъ, кѣмъ славится свобода? —
Одинъ, забытъ передъ огнемъ,
Поодаль съ пасмурнымъ челомъ,
Стоялъ онъ, жертва злой досады.
Давно ли привлекалъ онъ самъ
Всѣ помышленія, всѣ взгляды?
Давно ли по его слѣдамъ
Вся эта чернь, шумя, бѣжала?

Давно ль, дивясь его дѣламъ,
Ихъ мать ребенку повторяла? —
И что́ же вышло? — Измаилъ,
Враговъ отечества служитель,
Всю эту славу погубилъ
Своимъ пріѣздомъ, — и властитель,
Вчерашній гордый полубогъ,
Вниманья черни безтолковой
Къ себѣ привлечь уже не могъ!
Ей все плѣнительно, что́ ново!
«Простынетъ!» мыслитъ Росламбэкъ.
Но если злобный человѣкъ
Узналъ ужь зависть, то не можетъ
Совсѣмъ забыть ея никакъ:
Ея насмѣшливый призракъ
И днемъ и ночью духъ тревожитъ.

XII.

Война!... знакомый людямъ звукъ,
Съ-тѣхъ-поръ, какъ братъ отъ братнихъ рукъ
Предъ алтаремъ погибъ невинно...
Гремя, черезъ Кавказъ пустынный
Промчался кликъ: война! война!
И пробудились племена,
На смерть идутъ они охотно.
Умолкъ аулъ, гдѣ беззаботно
Недавно слушали пѣвца;
Оружья звонъ, движенье стана, —
Вотъ нынѣ пѣсни молодца.
Вотъ удовольствія байрана!..
«Смотри, какъ всякій биться радъ
«За дѣло чести и свободы!..
«Такъ точно было въ наши годы,
«Когда насъ велъ Ахматъ-Булатъ!

Съ улыбкой гордою шептали
Между собою старики:
Когда дорогой наблюдали
Отважныхъ юношей полки.
Пора! кипятъ они досадой...
. . . . . .

XIII.

Зима проходитъ; облака
Свѣтлѣй летятъ по дальнимъ сводамъ,
Въ рѣкѣ глядятся мимоходомъ;
Но съ гордымъ бѣшенствомъ рѣка,
Крутясь, какъ змѣй, не отвѣчаетъ
Улыбкѣ неба своего,
И бѣлыхъ путниковъ его
Межь-тѣмъ упорно обгоняетъ.
И ровны, прямы, какъ стѣна,
По берегамъ темнѣютъ горы;

Ихъ крутизна, ихъ вышина
Плѣняютъ умъ, пугаютъ взоры;
Къ вершинамъ ихъ прицѣплена
Нагими красными корнями,
Кой-гдѣ кудрявая сосна
Стоитъ печальна и одна.
И часто мрачными мечтами
Тревожитъ сердце: такъ, порой,
Властитель, полубогъ земной,
На пышномъ тропѣ, окруженный
Льстецовъ толпою униженной,
Груститъ о томъ, что одному
На свѣтѣ равныхъ нѣтъ ему!

XIV.

Завоевателю преграда
Положена въ долинѣ той;
Изъ камней и деревъ громада

Аргуну давитъ подъ собой.
Къ аулу нѣтъ пути инова;
И мыслятъ горцы: «врагъ лихой!
«Тебѣ могила ужь готова!»
Но прямо врагъ идетъ на нихъ
И блескъ орудій громовыхъ
Далеко сквозь туманъ играетъ.
— И Расламбэкъ совѣтъ сзываетъ;
Онъ говоритъ: «Въ тиши ночной
«Мы нападемъ на ихъ отряды,
«Какъ упадаютъ водопады
«Въ долину сонную весной...
«Погибнутъ молча наши гости,
«И ихъ разбросанныя кости —
«Добыча врановъ и волковъ —
«Сгніютъ, лишенныя гробовъ.
«Межь-тѣмъ съ боязнію лукавой
«Начнемъ о мирѣ договоръ,
»И въ тайнѣ местію кровавой
«Омоемъ долгій нашъ позоръ,»

XV.

Согласны всѣ на подвигъ ратный,
Но несогласенъ Измаилъ.
Взмахнулъ онъ шашкою булатной
И шумно съ мѣста онъ вскочилъ;
Окинулъ вмигъ летучимъ взглядомъ
Онъ узденей, сидѣвшихъ рядомъ,
И, опустивши свой булатъ,
Такъ отвѣчаетъ брату братъ:
«Я не разбойникъ потаенный;
«Я видѣть, видѣть кровь люблю;
«Хочу, чтобъ мною пораженный
«Зналъ руку грозную мою!
«Какъ ты, враговъ я ненавижу,
«И даже болѣе, чѣмъ ты;
«Но подъ покровомъ темноты
«Я чести князя не унижу!
«Иную месть родной странѣ,

«Иную славу надо мнѣ!..»
И поединка ожидали
Межь братьевъ молча уздени;
Не смѣли тронуться они.
Онъ вышелъ — всѣ еще молчали...

XVI.

Ужасна ты, гора Шайтанъ.
Пустыни старый великанъ;
Тебя злой духъ, гласитъ преданье,
Построилъ дерзостной рукой,
Чтобъ хоть на мигъ свое изгнанье
Забыть межь небомъ и землей.
Здѣсь три столѣтья очарованъ,
Онъ тяжкой цѣпью былъ прикованъ,
Когда надменный, съ новыхъ скалъ
Стрѣлой пророку угрожалъ.
Какъ буркой, ельникомъ покрыта,

Сосѣднихъ горъ она чернѣй.
Тропинка жолтая прорыта
Слезой отчаянья по ней;
Она ни мохомъ, ни кустами
Не зарастаетъ никогда;
Пестрѣя чудными слѣдами,
Она ведетъ богъ-вѣсть куда!
Олень съ вѣтвистыми рогами,
Между высокими цвѣтами,
Одѣтый хмѣлемъ и плющемъ,
Лежитъ, полуобъятый сномъ;
И вдругъ знакомый лай онъ слышитъ
И чуетъ близкаго врага:
Поднявши медленно рога,
Минуту свѣжестью подышитъ,
Росу съ могучихъ плечъ стряхнетъ,
И вдругъ однимъ прыжкомъ махнетъ
Черезъ утесъ, — и вотъ онъ мчится,
Терновъ колючихъ не боится
И хмѣль коварный грудью рветъ: —
Но, вольный путь пересѣкая,

Предъ нимъ тропинка роковая...
Никѣмъ-незримая рука
Царя лѣсовъ остановляетъ,
И онъ, какъ гибель ни близка,
Свой прежній путь не продолжаетъ...

XVII.

Кто жь подъ ужасною горой
Зажегъ огонь сторожевой? —
Треща, краснѣя и сверкая,
Кусты вокругъ онъ озарилъ,
На камень голову склоняя,
Лежитъ по-одаль Измаилъ:
Его приверженцы хотѣли
Идти за нимъ — но не посмѣли.

XVIII.

Вотъ что́ ему родной готовилъ край!
Сбылись мечты: увидѣлъ онъ свой рай:
Гдѣ міръ такъ юнъ, природа такъ богата;
Но люди, люди — что̀ природа имъ? —
Едва успѣлъ обнять изгпанникъ брата,
Ужь клевета и зависть — все надъ нимъ!
Друзей улыбка, нѣжное свиданье,
За что̀ бъ другой Творца благодарилъ,
Все то ему дается въ наказанье...
Но для терпѣнья ль созданъ Измаилъ?
Бываютъ люди: чувства — имъ страданья;
Причуда злой судьбы — ихъ бытіё.
Чтобъ самовластье показать свое,
Она, порой, кидаетъ ихъ межь нами;
Такъ, древле, въ море кинулъ царь алмазъ;
Но гордый камень въ свой урочный часъ
Ему обратно отданъ былъ волнами! —

И дѣтямъ рока мѣста въ мірѣ нѣтъ;
Они его пугаютъ жизнью новой,
Они блеснутъ — и сгладится ихъ слѣдъ,
Какъ въ темной тучѣ слѣдъ стрѣлы гро-
мовой.

Толпа дивится часто ихъ уму,
Но чаще обвиняетъ, потому,
Что въ море бѣдъ, какъ вихри ихъ ни носятъ,
Они пособій отъ рабовъ не просятъ;
Хотятъ ихъ превзойдти въ добрѣ и злѣ,
И власти знакъ на гордомъ ихъ челѣ!

XIX.

«Безмысленный! зачѣмъ отвергнулъ ты
Слова любви, моленья красоты?
Зачѣмъ, когда такъ долго съ ней сражался,
Своей судьбы ты дѣтски испугался?
Все прежнее, незнаемый молвой

Ты бъ могъ забыть близъ Зары молодой,
Забыть людей близъ ангела въ пустынѣ,
Ты бъ могъ любить, но не хотѣлъ,—и нынѣ
Картины счастья живо предъ тобой
Проходятъ укоряющей толпой.
Ты жмешь ей руку, грудь и плечи,
Цалуешь въ упоеньѣ; ласки, рѣчи,
Исполненныя счастья и любви,
Ты чувствуешь, ты слышишь; образъ милый,
Волшебный взоръ — все предъ тобой какъ
было

Еще недавно; всѣ мечты твои
Такъ вѣроятны, что душа боится,
Не вѣря имъ, вторично ошибиться!...
А чѣмъ ты это счастье замѣнилъ? »
Передъ огнемъ такъ думалъ Измаилъ.
Вдругъ выстрѣлъ, два, и много; — онъ вско-
чилъ,
И слушаетъ... но все утихло снова.
И говоритъ онъ: «это сонъ больнаго!»

XX.

Души волненьемъ утомленъ;
Опять на землю князь ложится.
Трещитъ огонь и дымъ клубится...
И что̀ же? призракъ видитъ онъ:
Передъ огнемъ стоитъ спокоенъ,
На саблю опершись рукой
. . . . . .
Печальный блѣдный и худой.
Спросить хотѣлось Измаилу,
Зачѣмъ оставилъ онъ могилу?
И свѣтъ дрожащаго огня,
Упавъ на смуглыя ланиты,
Черкесу придалъ видъ сердитый:
—Чего ты хочешь отъ меня?
«Гостепріимства и защиты!»
Пришлецъ безстрашно отвѣчалъ:
«Свой путь въ горахъ я потерялъ,

«Черкесы вслѣдъ за мной спѣшили
«И воиновъ моихъ убили,
«И вѣрный конь подъ мною палъ.
«Спасти, убить врага ночнаго
«Равно ты можешь. Не боюсь
«Я смерти: грудь моя готова.
«Твоей я чести предаюсь!»
—Ты правъ; на честь мою надѣйся!
Вотъ мой огонь: садись и грѣйся.

XXI.

Тиха, прозрачна ночь была,
Свѣтила на небѣ блистали,
Луна за облакомъ спала,
Но люди ей не подражали.
Передъ огнемъ враги сидятъ,
Хранятъ молчанье и не спятъ.
Черты пришельца возбуждали

У князя новыя мечты;
Онѣ ему напоминали
Давно-знакомыя черты.
То не игра воображенья!
Онъ долженъ разрѣшить сомнѣнья...
И такъ пришельцу говорилъ
Нетерпѣливый Измаилъ:
—Ты молодъ, вижу я. За славой
Привыкнувъ гнаться, ты забылъ,
Что славы нѣтъ въ войнѣ кровавой
Съ необразованной толпой.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Не бойся, говори смѣлѣй:
Зачѣмъ ты насъ возненавидѣлъ,

Какою грубостью своей
Простой народъ тебя обидѣлъ?

XXII.

«Ты ошибаешься, Черкесъ!»
Съ улыбкой странникъ отвѣчаетъ:
«Повѣрь: меня, какъ васъ, плѣняетъ
«И водопадъ, и темный лѣсъ,
«Съ восторгомъ ваши льды я вижу,
«Встрѣчая пышную зарю,
«И ваше племя я люблю; —
«Но одного я ненавижу:
«Черкесъ онъ родомъ, не душой,
«Ни въ чемъ, ни въ чемъ не схожъ съ тобой! —
«Себѣ, иль князю Измаилу
«Клялся я здѣсь найти могилу...
«Къ-чему опять ты мрачный взоръ

«Мохнатой шапкой закрываешь?
«Твое молчанье мнѣ укоръ;
«Но выслушай, ты все узнаешь,
«И самъ досадой запылаешь...

XXIII.

«Ты знаешь, вѣрно, что служилъ
«Въ наѣздахъ нашихъ Измаилъ;
«Но недовольный между нами,
«Родными бредилъ онъ полями,
«И все Черкесъ въ немъ видѣнъ былъ.
«Въ пирахъ и битвахъ отличался
«Онъ передъ всѣми. Томный взглядъ
«Восточной нѣгой отзывался.
«Для нашихъ женщинъ онъ былъ ядъ:
«Ихъ вспламенивъ воображенье,
«Повелѣвалъ онъ безъ труда,
«И за проступокъ наслажденье

«Не почиталъ онъ никогда;
«Не знаю, было то презрѣнье
«Къ законамъ стороны чужой,
«Или испорченныя чувства...
«Любовью женщинъ, ихъ тоской
«Онъ веселился какъ игрой;
«Но избѣжать его искусства
«Не удалося ни одной.

XXIV.

«Черкесъ! видалъ я здѣсь прекрасныхъ
«Свободы нѣжныхъ дочерей;
«Но не сравню ихъ взоровъ страстныхъ
«Съ привѣтомъ огненныхъ очей.
«Ты не любилъ! Ни словъ опасныхъ,
«Ни устъ волшебныхъ не знавалъ;
«Кудрями дѣвы золотыми
«Ты въ упоеньи не игралъ,

«Ты клятвамъ страсти не внималъ
«И не былъ ты обманутъ ими...
«Но я любилъ! Судьба меня
«Блестящей радугой манила,
«Невольно къ безднѣ подводила...
«И ждалъ я счастливаго дня!
«Своей невѣстой дорогою
«Я смѣлъ ужь ангела назвать,
«Невиннымъ ласкамъ отвѣчать
«И съ райской дѣвой забывать,
«Что рая нѣтъ ужь подъ луною.
«И вдругъ ударилъ страшный часъ —
«Причина долголѣтней муки;
«Призывъ войны, отчизны гласъ,
«Раздался вѣстникомъ разлуки.
«Какъ дымъ разсѣялись мечты...
«Тотъ день я буду помнить вѣчно...
«Черкесъ! ни съ кѣмъ, конечно,
«Ни съ кѣмъ не разставался ты?..

XXV.

«Въ то время Измаилъ случайно
«Невѣсту увидалъ мою,
«И страстью запылалъ онъ тайно.
«Межь-тѣмъ, какъ въ дальнемъ я краю
«Искалъ въ бояхъ конца, иль славы,
«Сластолюбивый и лукавый,
«Онъ сердце дѣвы молодой
«Опуталъ сѣтью роковой.
«Какъ онъ умѣлъ слезой притворной
«Къ себѣ довѣренность вселять!
«Насмѣшкой скромность побѣждать,
«И, побѣждая, видъ покорный
«Хранить — иль весь огонь страстей
«Мгновенно открывать предъ ней!..
«Онъ очертилъ волшебнымъ кругомъ
«Ея желанья; вѣдалъ онъ

«Что быть не могъ ея супругомъ,
«. . . . . .
«И, обольщенная, упала
«На грудь убійцы своего!
«Кромѣ любви, она не знала,
«Она не знала ничего...

XXVI.

«Но скоро скуку пресыщенья
«Постигъ виновный Измаилъ.
«Таиться не было терпѣнья.
«Когда погасъ минутный пылъ,
«Оставилъ жертву обольститель
«И удалился въ край родной;
«Забылъ, что есть на небѣ мститель,
«А на землѣ еще другой!
«Моя рука его отъищетъ
«Въ толпѣ, въ лѣсахъ, въ степи пустой,

«И казни грозный мечъ просвищетъ
«Надъ непреклонной головой.
«Пусть ликъ, одежда измѣняетъ:
«Не взоръ — душа врага узнаетъ!..

XXVII.

«Черкесъ! ты понялъ, вижу я,
«Какъ справедлива месть моя.
«Ужь на устахъ твоихъ проклятья!
«Ты, внемля, вздрагивалъ не разъ...
«О, еслибъ могъ пересказать я,
«Изобразить ужасный часъ,
«Когда прелестное созданье
«Я въ униженьи увидалъ
«И безотчетное страданье
«Въ глазахъ увядшихъ прочиталъ!..
«Она разсудокъ потеряла:
«Рядилась, пѣла и плясала,

«Иль, сидя молча у окна,
«По цѣлымъ днямъ, какъ-бы не зная,
«Что измѣнилъ онъ ей, вздыхая,
«Ждала измѣнника она.
«Вся жизнь погибшей дѣвы милой
«Остановилась на быломъ;
«Ея безумье даже было
«Любовь къ нему и мысль объ немъ...
«Какой душѣ не зналъ онъ цѣну!..»
И долго странникъ говорилъ
Про месть, про счастье, про измѣну: —
Его не слушалъ Измаилъ.
Лишь знаетъ онъ, да Богъ единый,
Что̀ подъ спокойною личиной
Тогда происходило въ немъ.
Стѣснивъ дыханье, вверхъ лицомъ
(Хоть сердце гордое и взгляды
Не ждали отъ небесъ отрады),
Лежалъ онъ на землѣ сырой,
Какъ та земля, и мрачный и нѣмой.

XXVIII.

Видали ль вы, какъ хищные и злые
Къ оставленному трупу, въ тихій долъ,
Слетаются наслѣдники земные,
Могильный воронъ, коршунъ и орёлъ?
Такъ есть мгновенья, краткія мгновенья,
Когда, столпясь, всѣ адскія мученья
Слетаются на сердце и грызутъ!
Вѣка печали стоятъ тѣхъ минутъ...
Лишь дунетъ вихрь — и сломится лилея;
Таковъ съ душой кто слабою рожденъ:
Не вынесетъ минутъ подобныхъ онъ;
Но мощный умъ, крѣпясь и каменѣя,
Ихъ превращаетъ въ пытку Прометея!
Не сгладитъ время ихъ глубокій слѣдъ;
Все въ мірѣ есть — забвенья только нѣтъ!..

XXIX.

Свѣтаетъ. Горы снѣговыя
На небосклонѣ голубомъ
Зубцы подъемлютъ золотые;
Слилися съ утреннимъ лучомъ
Края волнистаго тумана,
И на верху горы Шайтана
Огонь, стыдясь передъ зарёй,
Блѣднѣетъ. Тихо приподнялся,
Какъ передъ смертію больной,
Угрюмый князь съ земли сырой,
Казалось, вспомнить онъ старался
Разсказъ ужасный, и желалъ
Себя увѣрить онъ, что спалъ;
Желалъ бы счесть онъ все мечтою,
И по челу провелъ рукою;
Но грусть — жестокій властелинъ!
Съ чела не сгладилъ онъ морщинъ.

XXX.

Онъ всталъ, онъ хочетъ непремѣнно
Пришельцу быть проводникомъ,
Не зная думать что̀ о немъ,
Согласенъ юноша смущенный.
Идутъ они глухимъ путемъ;
Но ихъ тревожитъ все: то птица
Изъ-подъ ноги у нихъ вспорхнетъ,
То краснобокая лисица
Въ кусты цвѣтущіе нырнетъ.
Они все ниже, ниже сходятъ,
И рукъ отъ сабель не отводятъ.
Черезъ опасный переходъ
Спѣшатъ нагнувшись, безъ оглядки;
И вновь на холмъ крутой взошли, —
И цѣпью витязей палатки,
Какъ на ночлегѣ журавли,
Бѣлѣютъ смутно ужь вдали.

Тогда Черкесъ остановился,
За руку путника схватилъ
И гордо съ нимъ заговорилъ.

XXXI.

«Прощай! ты можешь безопасно
«Теперь идти въ шатры свои.
«Но, если вѣришь мнѣ, напрасно
«Ты хочешь потопить въ крови
«Свою печаль! Страшись: быть-можетъ,
«Раскаянье прибавишь къ ней.
«Болѣзни этой не поможетъ
«Ни кровь врага, ни рѣчь друзей!
«Напрасно здѣсь, въ краю далекомъ,
«Ты губишь прелесть юныхъ дней.
«Нѣтъ! не достать враждѣ твоей
«Главы, постигнутой ужь рокомъ!
«Онъ палачамъ судей земныхъ

«Не уступаетъ жертвъ своихъ!
«Твоя бъ рука не устрашила
«Того, кто борется съ судьбой:
«Ты худо знаешь Измаила;
«Смотри жь, онъ здѣсь передъ тобой!»
И съ видомъ гордаго презрѣнья
Отвѣта князь не ожидалъ;
Онъ скрылся межь уступовъ скалъ. —
И долго странникъ, безъ движенья,
Одинъ какъ вкопанный стоялъ.

XXXII.

Межь-тѣмъ, передъ горой Шайтаномъ,
Расположась военнымъ станомъ,
Толпа Черкесовъ удалыхъ
Сидѣла вкругъ огней своихъ.
Они любили Измаила:
Съ нимъ вмѣстѣ слава, иль могила,

Имъ все равно, лишь только бъ съ нимъ!
Но не могла бъ судьба одпимъ
И нѣжнымъ чувствомъ межь собою
Сковать людей съ умомъ простымъ
И съ безпокойною душою:
Ихъ всѣхъ обидѣлъ Росламбэкъ!
(Таковъ повсюду человѣкъ).

XXXIII.

Сидятъ наѣздники безпечно,
Курятъ турецкій свой табакъ,
И князя ждутъ они: «Конечно,
«Когда исчезнетъ ночи мракъ,
«Онъ къ намъ сойдетъ, и взоръ орлиный
«Смиритъ враждебныя дружины,
«И вздрогнутъ передъ нимъ они
«Какъ Росламбэкъ и уздени!»
Такъ, пѣсню воли напѣвая,
Шептала шайка удалая.

XXXIV.

Безмолвно, грустно, въ сторонѣ,
Поднявъ глаза свои къ лунѣ,
Подругѣ думъ любви мятежной,
Прекрасный юноша стоялъ, —
Цвѣтокъ для смерти слишкомъ-нѣжный!
Онъ также Измаила ждалъ,
Но не безпечно. Трепетъ тайный
Порывамъ сердца измѣнялъ,
И вздохъ тяжелый, неслучайный,
Не разъ изъ груди вылеталъ;
И онъ явился къ Измаилу,
Чтобъ раздѣлить съ нимъ — хоть могилу!
Увы! такая ли рука
Въ куски изрубитъ казака?
Такой ли взоръ, стыдливый, скромный
Глядитъ на міръ, чтобъ видѣть кровь?
Зачѣмъ онъ здѣсь, и ночью темной,

Лицомъ прелестный, какъ любовь,
Одинъ въ кругу Черкесовъ праздныхъ,
Жестокихъ, буйныхъ, безобразныхъ?
Хотя страшился онъ сказать,
Не трудно было бъ отгадать,
Когда бъ... Но сердце, чѣмъ моложе,
Тѣмъ боязливѣе, тѣмъ строже
Хранитъ причину отъ людей
Своихъ надеждъ, своихъ страстей.
И тайна юнаго Селима,
Чуждаясь устъ, ланитъ, очей,
Отъ любопытныхъ, какъ отъ змѣй,
Въ груди сокрылась невредима.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

. . . . . .

, ...

. . . . . .

II.

Горятъ аулы: нѣтъ у нихъ защиты,
Врагомъ сыны отечества разбиты,
И зарево, какъ вѣчный метеоръ,
Играя въ облакахъ, пугаетъ взоръ.
Какъ хищный звѣрь, въ смиренную обитель
Врывается штыками побѣдитель;
Онъ убиваетъ старцевъ и дѣтей;
Невинныхъ дѣвъ и юныхъ матерей
Ласкаетъ онъ кровавою рукою, —
Но жены горъ не съ женскою душою!
За поцалуемъ вслѣдъ звучитъ кинжалъ,
Отпрянулъ грозный, захрипѣлъ и палъ!
«Отмсти, товарищъ!» и въ одно мгновенье
(Достойное за смерть убійцы мщенье)
Простая сакля, веселя ихъ взоръ,
Горитъ, — черкесской вольности костеръ!...

III.

Въ аулѣ дальнемъ Росламбэкъ угрюмый
Сокрылся вновь, не ужасомъ объятъ;
Но у него коварныя есть думы, —
Имъ помѣшать теперь не можетъ братъ.
Гдѣ жь Измаилъ? — безвѣстными горами
Блуждаетъ онъ, дерется со врагами
И, заманивъ толпы ихъ за собой,
Пустыню усыпаетъ ихъ костями,
И манитъ новыхъ по дорогѣ той.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

IV.

Но въ буряхъ битвъ не думалъ Измаилъ
Съискать самозабвенья и покоя.
Не за отчизну, за друзей онъ мстилъ,
И не плѣнялся именемъ героя;
Онъ вѣдалъ цѣну почестей и словъ,
Изобрѣтенныхъ только для глупцовъ.
Недолгій жаръ погасъ; душой усталый,
Его бы не желалъ онъ воскресить:
И не родной аулъ, — родныя скалы
Рѣшился отъ враговъ онъ защитить.

V.

Садится день, одѣтый мглою,
Какъ за прозрачной пеленою...

Ни вѣтра на землѣ, ни тучъ
На блѣдномъ сводѣ. Чуть примѣтно
Орла на вышинѣ безцвѣтной;
Межь скалъ блуждая, жолтый лучъ
Въ пещеру дикую прокрался,
И гладкій черепъ озарилъ,
И самъ на жителѣ могилъ
Передъ кончиной разъигрался,
И по разбросаннымъ костямъ,
Травой поросшимъ, здѣсь и тамъ,
Скользнулъ огнистой полосою,
Дивясь ихъ вѣчному покою.
Но прежде встрѣтилъ онъ двоихъ
Недвижныхъ также, — но живыхъ...
И, какъ нѣмыя жертвы гроба,
Они безпечны были оба.

VI.

Одинъ... такъ точно — Измаилъ.
Безвѣстной думой угнетаемъ;
Онъ солнце тусклое слѣдилъ,
Какъ мы нерѣдко провождаемъ
Гостей докучливыхъ: на немъ
Черкесскій панцырь и шеломъ,
И пятна крови омрачали
Мѣстами блескъ военной стали.
Младую голову Селимъ
Вождю склоняетъ на колѣни;
Онъ всюду слѣдуетъ за нимъ,
Хранительной подобно тѣни;
Никто ни ропота, ни пени
Не слышалъ на его устахъ...
Боится онъ, или устанетъ,
На Измаила только взглянетъ —
И весель трудъ ему и страхъ!

VII.

Онъ спитъ, и длинныя рѣсницы
Закрыли очи подъ собой;
Въ ланитахъ кровь, какъ у дѣвицы,
Играетъ розовой струёй,
И на кольчугѣ боевой
Ему не жостко. Съ сожалѣньемъ
На эти нѣжныя черты
Взираетъ витязь, и мечты
Его исполнены мученьемъ: —
Такъ свѣтлой каплею роса,
Оставя край свой, небеса,
На листъ увядшій упадаетъ;
Блистая райскимъ жемчугомъ
Она покоится на немъ,
И, беззаботная, не знаетъ
Что скоро листъ увядшій тотъ
Пожнетъ коса, иль конь сомнетъ.

VIII.

Съ полуоткрытыми устами,
Прохладой вечера дыша,
Онъ спитъ; но мирная душа
Взволнована: полусловами
Онъ съ кѣмъ-то говоритъ во снѣ.
Услышалъ князь и удивился;
Къ устамъ Селима въ тишинѣ
Прилежнымъ ухомъ онъ склонился.
Быть-можетъ, черезъ этотъ сонъ
Его судьбу узнаетъ онъ.
«Ты могъ забыть? — любви ненужно.
«Одной лишь нѣжности наружной...
«Оставь же!» сонный говорилъ.
– Кого оставить? князь спросилъ.
Селимъ умолкъ, но на мгновенье;
Онъ продолжалъ: «Къ-чему сомнѣнье?
«На всемъ лежитъ его презрѣнье...

«Увы! что̀ значитъ передъ нимъ
«Простая дѣва, иль Селимъ?
«Такъ будетъ вѣчно между нами...
«Зачѣмъ безцѣнными устами
«Онъ это имя освятилъ?»
— Не я ль? — подумалъ Измаилъ:
И, погодя, онъ слышитъ снова:
«Ужасно, Боже! для дѣтей
«Проклятіе отца роднаго,
«Когда на склонѣ позднихъ дней
«Оставленъ ими... но страшнѣй
«Его слеза! ..» Еще два слова
Селимъ сказалъ, и слабый стонъ
Вдругъ поднялъ грудь какъ стонъ прощанья
И улетѣлъ. — Изъ состраданья
Князь прерываетъ тяжкій сонъ.

IX.

И, вздрогнувъ, юноша проснулся,
Взглянулъ вокругъ, и улыбнулся,
Когда онъ ясно увидалъ
Что на колѣняхъ друга спалъ.
Но, покраснѣвши, сновидѣнье
Пересказать стыдился онъ,
Какъ-будто-бы лукавый сонъ
Имѣлъ съ судьбой его сношенье.
Не отвѣчая на вопросъ
(Примѣта явная печали),
Щипалъ онъ листья дикихъ розъ
И наконецъ двѣ капли слезъ
Въ очахъ склоненныхъ заблистали;
И, съ быстротой отворотясь,
Онъ слезы осушилъ рукою...
Все примѣчалъ, все видѣлъ князь;
Но не смутился онъ душою

И приписалъ онъ простотѣ
Затѣямъ дѣтскимъ слезы тѣ.
Конечно, самъ давно не зналъ онъ
Печалей сладостныхъ любви,
И самъ давно не предавалъ онъ
Слезамъ страданія свои?

X.

Не знаю... но въ другихъ онъ чувства
Судить отвыкъ ужь по своимъ.
Не разъ, личиною искусства,
Слезой и сердцемъ ледянымъ,
Когда обмановъ самъ чуждался,
Обманутъ былъ онъ, — и боялся
Онъ вѣрить только потому,
Что вѣрилъ нѣкогда всему!
И презиралъ онъ этотъ міръ ничтожный,
Гдѣ жизнь — измѣнъ взаимныхъ вѣчный рядъ;

Гдѣ радость и печаль — все призракъ ложный;
Гдѣ память о добрѣ и злѣ — все ядъ;
Гдѣ льститъ намъ зло, но болѣе тревожитъ,
Гдѣ сердца утѣшать добро не можетъ,
И гдѣ они, покорствуя страстямъ,
Раскаянье одно приносятъ намъ...

XI.

Селимъ встаетъ, на гору всходитъ...
Сребристый стелется ковыль
Вокругъ пещеры; сумракъ бродитъ
Вдали... Вотъ топотъ! вотъ и пыль,
Желтѣя, поднялась въ лощинѣ!
И крикъ Черкесовъ по зарѣ
Гудитъ, теряяся въ пустынѣ...
Селимъ все слышалъ на горѣ;
Стремглавъ въ пещеру онъ вбѣгаетъ,

«Они! они!» онъ восклицаетъ,
И князя нѣжною рукой
Влечетъ онъ быстро за собой.
Вотъ первый всадникъ показался;
Онъ, мнилось, изъ земли раждался,
Когда въѣзжалъ на холмъ крутой;
За нимъ другой, еще другой, —
И вереницею тянулись
Они по узкому пути:
Тамъ, еслибъ два коня столкнулись,
Назадъ бы оба не вернулись,
И не могли бъ впередъ идти.

XII.

Толпа джигидовъ (*) удалая,
Передъ горой остановясь,

(*) Наѣздники.

Съ коней измученныхъ слѣзая,
Шумитъ. Но къ нимъ подходитъ князь, —
И все утихло: уваженье
Въ ихъ выразительныхъ чертахъ;
Но уваженіе — не страхъ;
Не власть его основа — мнѣнье;
«Какія вѣсти?» — Вражій станъ
Пришелъ къ Оссаевскому-Полю,
. . . . . .
Ихъ много! — «Кто не любитъ волю?» —
Молчатъ. — «Такъ дайте жь отдохнуть
«Своимъ конямъ. Съ зарею въ путь.
«Въ бою мы рады лечь костями;
«Чего же лучшаго намъ ждать? —
«Но въ цвѣтѣ жизни умирать...
«Селимъ, ты не поѣдешь съ нами!...

XIII.

Блѣднѣетъ юноша, и взоръ
Понятно выразилъ укоръ: —
«Нѣтъ» говоритъ онъ: «я повсюду
«Въ изгнаньѣ, въ битвѣ спутникъ твой;
«Нѣтъ, клятвы я не позабуду —
«Угаснуть или жить съ тобой!
«Не робокъ я подъ свистомъ пули,
«Ты видѣлъ это, Измаилъ;
«Меня враги не ужаснули,
«Когда ты, князь, со мною былъ!
«И съ твоего чела не я ли
«Смывалъ такъ часто пыль и кровь?
«Когда друзья твои бѣжали,
«Чьи рѣчи, ласки прогоняли
«Суровый мракъ твоей печали?
«Мои слова! моя любовь!

«Возьми, возьми меня съ собою!
«Ты знаешь, я владѣть стрѣлою
«Могу... И что̀ мнѣ смерть? — О, нѣтъ!
«Красой и счастьемъ юныхъ лѣтъ
«Моя душа не дорожила;
«Все, все оставлю, жизнь и свѣтъ, —
«Но не оставлю Измаила!»

XIV.

Взглянулъ на небо молча князь,
И наконецъ, отворотясь,
Онъ протянулъ Селиму руку;
И крѣпко тотъ ее пожалъ,
За то, что смерть, а не разлуку
Печальный знакъ сей обѣщалъ!
И долго витязь такъ стоялъ;
И подъ нависшими бровями
Блеснуло что-то; и слезами

Я могъ бы этотъ блескъ назвать,
Когда бъ не скрылся онъ опять...

XV.

По косогору ходятъ кони;
Колчаны, ружья, сѣдла, брони,
Въ пещеру на ночь снесены;
Огни у входа зажжены.
На князѣ яркая кольчуга
Блеститъ краснѣя; погружонъ
Въ мечтанье горестное онъ;
И отъ страстей, какъ отъ недуга,
Бѣжитъ спокойствіе и сонъ.
И говоритъ Селимъ: «Навѣрно,
«Тебя терзаетъ духъ пещерный!
«Дай, пѣсню я тебѣ спою;
«Нерѣдко дѣва молодая
«Ее поетъ въ моемъ краю,

«На битву друга отпуская.
«Она печальна; но другой
«Я не слыхалъ въ странѣ родной.
«Ее пѣвала мать родная
«Надъ колыбелію моей.
«Ты, слушая, забудешь муки,
«И на глаза навѣютъ звуки
«Всѣ сновидѣнья дѣтскихъ дней!»
Селимъ запѣлъ, и ночь кругомъ внимаетъ,
И пѣсню ей пустыня повторяетъ:

Пѣсня Селима.

Мѣсяцъ плыветъ
И тихъ и спокоенъ;
А юноша-воинъ
На битву идетъ.
Ружье заряжаетъ джигидъ,
И дѣва ему говоритъ:

«Мой милый! смѣлѣе
«Ввѣряйся ты року,
«Молися востоку,
«Будь вѣренъ пророку,
«Любви будь вѣрнѣе!

«Всегда награжденъ
«Кто любитъ до гроба;
«Ни зависть, ни злоба
«Ему не законъ;
«Пускай его смерть и погубитъ:
«Одинъ не погибнетъ, кто любитъ!

«Любви измѣнившій
«Измѣной кровавой,
«Врага не сразивши,
«Погибнетъ безъ славы:
«Дожди его ранъ не обмоютъ,
«И звѣри костей не зароютъ!»

Мѣсяцъ плыветъ
И тихъ и спокоенъ;
А юноша-воинъ
На битву идетъ!..

—

«Прочь эту пѣсню!» какъ безумный
Воскликнулъ князь: «зачѣмъ упрёкъ?..
«Тебя ль послушаетъ пророкъ?..
«Тамъ, облитъ кровью, въ битвѣ шумной,
«Твои слова я заглушу,
«И разорву ея оковы,
«И память въ сердцѣ удушу...
«Вставайте! Какъ? вы не готовы?..
«Прочь пѣсни! крови мнѣ! пора!..
«Друзья, коней!.. Вы не слыхали?
«Удары, топотъ, визгъ ядра
«И крикъ и трескъ разбитой стали...

«Я слышалъ... О, не пой, не пой!
«Тронь сердце, какъ дрожитъ! И что́ же?
«Ты недовольна? Боже, Боже!..
«Зачѣмъ казнить ея рукой?..»
Такъ рѣчь его оторвалася
Отъ блѣдныхъ устъ и пронеслася
Невнятно, какъ далекій громъ.
Неровнымъ, трепетнымъ огнёмъ
До половины освѣщенный,
Ужасенъ, съ шашкой обнаженной,
Стоялъ недвижимъ Измаилъ,
Какъ призракъ злой, отъ сна могилъ
Волшебнымъ словомъ пробужденный;
Онъ взоръ всей силой устремилъ
Въ пустую степь, грозилъ рукою,
Чему-то страшному грозилъ:
Иначе, какъ бы Измаилъ
Смутиться твердой могъ душою?—
И понялъ наконецъ Селимъ,
Что витязь говорилъ не съ нимъ...
Неосторожный! онъ коснулся

Душевныхъ струнъ—и звукъ проснулся,
Расторгнувъ хладную тюрьму...
И самъ искусству своему
Селимъ невольно ужаснулся...

XVI.

Толпа садится на коней.
При свѣтѣ гаснущихъ огней
Мелькаютъ сумрачныя лица:
Такъ опоздавшая станица
Пустынныхъ бѣлыхъ журавлей
Вдругъ поднимается съ полей...
Смѣхъ, клики, ропотъ, стукъ и ржанье —
Все дышетъ буйствомъ и войной!
Во всемъ приличія незнанье,
Отвага дерзости слѣпой.

XVII.

Свѣтлѣетъ небо полосами,
Заря межъ синими рядами
Ревнивыхъ тучь ужь занялась.
Вдоль по лощинѣ ѣдетъ князь,
За нимъ Черкесы цѣпью длинной.
Признаться, конь по сѣдоку:
Бѣжитъ и, будто вѣтръ пустынный,
Скользящій шумно по песку,
Крутится, вьется на скалу,
Онъ былъ какъ снѣгъ: во мракѣ ночи
Его замѣтить могутъ очи.
Съ колчаномъ звонкимъ за спиной,
Отягощенъ своимъ нарядомъ,
Селимъ проворный ѣдетъ рядомъ
На кобылицѣ вороной.
Такъ бѣлый облакъ, въ полдень знойный,
Плыветъ отважно и спокойно, —

И вдругъ, по тверди голубой
Отрывокъ тучи громовой,
Грозы дыханіемъ гонимой,
Какъ чорный лоскутъ мчится мимо;
Но какъ ни бейся, въ вышинѣ
Онъ съ тѣмъ не станетъ наравнѣ!

XVIII.

Ужь близко роковое поле.
Кому-то пасть рѣшитъ судьба?...
Вдругъ имъ послышалась стрѣльба,
И каждый мигъ все болѣ, болѣ, —
И ружей голосъ громовой
Раздался скоро за горой.
И вспыхнулъ князь, махнулъ рукою:
«Впередъ!» воскликнулъ онъ: «за мною!»
Сказалъ—и бросилъ повода.
Нѣтъ, такъ прекрасенъ никогда

Онъ не казался! Повелитель,
Герой, по взорамъ и рѣчамъ,
Летѣлъ къ опаснымъ онъ врагамъ,
Летѣлъ, какъ ангелъ-истребитель:
И въ этотъ мигъ скажи, Селимъ,
Кто бъ не послѣдовалъ за нимъ?

XIX.

Межь-тѣмъ, съ безпечною отвагой
Отрядъ отчаянныхъ враговъ
Гнался за малою ватагой
Неустрашимыхъ удальцовъ;
Всю эту ночь они блуждали
Вкругъ непріязненныхъ шатровъ;
Ихъ часовые увидали, —
И ружья грянули по нимъ.
И витязи спѣшатъ на встрѣчу.
Едва съ отчаяньемъ нѣмымъ

Они поддерживали сѣчу,
Стыдясь и въ бѣгствѣ показать,
Что смерть ихъ можетъ испугать.
Ихъ кругъ тѣснѣй ужь становился:
Одинъ подъ саблею свалился,
Другой, пробитый въ грудь свинцомъ,
Былъ въ поле унесенъ конемъ,
И мертвый, на сѣдлѣ все бился...
Оружье брось, надежды нѣтъ.
Черкесъ, читай свои молитвы!
Въ крови твой шолковый бешметъ;
Тебѣ другой не видѣть битвы...
Вдругъ пыль и крикъ!—онъ имъ знакомъ:
Но крикъ родной не безполезный!
Глядятъ и видятъ: надъ холмомъ
Стоитъ ихъ князь въ бронѣ желѣзной.

XX.

Не долго Измаилъ стоялъ:
Вздохнуть коню онъ только далъ,

XXII.

— Бѣда! сказалъ онъ: князя не видать!
Куда онъ скрылся? — «Если хочешь знать,
«Взгляни туда, гдѣ бранный дымъ краснѣе,
«Гдѣ гуще пыль и смерти крикъ сильнѣе,
«Гдѣ кровью облитъ мертвый и живой,
«Гдѣ въ бѣгствѣ нѣтъ надежды никакой.
«Онъ тамъ... Смотри: летитъ какъ съ неба пламя;
«Его шишакъ и конь — вотъ наше знамя!
«Онъ тамъ: какъ духъ, разитъ и невредимъ,
«И все бѣжитъ, иль падаетъ предъ нимъ!»
Такъ отвѣчалъ Селиму сынъ природы,
А лесть была чужда степей свободы!

XXIII.

Кто этотъ витязь, съ саблею въ рукѣ,
Въ одеждѣ бѣлой? Страха онъ не знаетъ!
Онъ между всѣхъ отличенъ вдалекѣ,
И ратниковъ примѣромъ ободряетъ;
Онъ ищетъ Измаила — и нашелъ —
И вынулъ пистолетъ свой, и навелъ,
И выстрѣлилъ... напрасно: обманулся
Его свинецъ! — но выстрѣлъ роковой
Услышалъ князь, и мигомъ обернулся,
И задрожалъ: «Ты вновь передо мной!
«Свидѣтель Богъ: не я тому виной!..»
Воскликнулъ онъ, и шашка зазвенѣла,
И, отдѣлясь отъ трепетнаго тѣла,
Какъ зрѣлый плодъ отъ вѣтки молодой,
Скатилась голова; и конь ретивый
Всталъ на дыбы, заржалъ, мотая гривой;
И скоро, обезглавленный сѣдокъ

Свалился на растоптанный песокъ.
Недолго это сердце увядало,
И, миръ ему! въ единый мигъ оно
Любить и ненавидѣть перестало:
Не всѣмъ такое счастье суждено!

XXIV.

Все жарче бой; главы валятся
Подъ взмахомъ княжеской руки;

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

И никому пощады нѣтъ!
Но что жь? побѣда измѣнила!
Раздался вдругъ нежданный громъ,
Все въ дымѣ скрылося густомъ, —
И предъ глазами Измаила,

На землю съ бѣшеныхъ коней
Кровавой грудою костей
Свалился рядъ его друзей...
На встрѣчу гибельному строю,
Одинъ, съ отчаянной душою,
Хотѣлъ пуститься Измаилъ;
Но за поводъ коня схватилъ
Черкесъ, и въ горы за собою, —
Какъ ни противился сѣдокъ, —
Коня могучаго увлекъ.
И ни малѣйшаго движенья
Среди всеобщаго смятенья
Не упустилъ младой Селимъ:
Онъ бѣгство князя примѣчаетъ,
Ударъ судьбы благословляетъ
И быстро слѣдуетъ за нимъ.
Не стыдъ, но горькая досада
Героя медленно грызётъ.
Жизнь побѣжденнымъ не награда!
Онъ на друзей не кинулъ взгляда,
И, мнится, ихъ не узнаётъ.

XXV.

Чѣмъ рѣже насъ балуетъ счастье,
Тѣмъ слаще предаваться намъ
Предположеньямъ и мечтамъ.
Родится ль тайное пристрастье
Къ другому міру, хоть и тамъ
Судьбы примѣтно самовластье,
Мы все свободнѣе даримъ
Ему надежды и желанья;
И украшаемъ, какъ хотимъ,
Свои воздушныя созданья.
Когда забота и печаль
Покой душевный возмущаютъ,
Мы забываемъ свѣтъ, и вдаль
Душа и мысли улетаютъ,
И ловятъ сны, въ которыхъ нѣтъ
Слѣдовъ и тѣни прежнихъ лѣтъ.
Но умъ, сомнѣньемъ охлажденный,

И спорить съ рокомъ пріученный,
Не усладить, не позабыть
Свои страданія желаетъ,
И если иногда мечтаетъ,
То онъ мечтаетъ — побѣдить!
И, зная собственную силу,
Пока не сброситъ прахъ въ могилу,
Онъ не оставитъ гордыхъ думъ...
Такой непобѣдимый умъ
Природой данъ былъ Измаилу!

XXVI.

Онъ раненъ; кровь его течетъ, —
А онъ не чувствуетъ, не слышитъ;
Въ опасный путь его несетъ
Ретивый конь, храпитъ и пышетъ.
Одинъ Селимъ не отстаетъ:
За гриву ухватясь руками,

Едва сидитъ онъ на сѣдлѣ:
Боязни блѣдность на челѣ;
Онъ очи, полныя слезами,
Порой кидаетъ на того,
Кто все на свѣтѣ для него,
Кому надежду жизни милой
Готовъ онъ въ жертву принести,
И чье послѣднее «прости»
Его бы съ жизнью разлучило!
Будь передъ міромъ онъ злодѣй —
Что̀ для любви слова людей?
Что̀ ей небесъ опредѣленье?
Нѣтъ, охладить любовь гоненье
Еще ни разу не могло:
Она сама свое добро и зло!

XXVII.

Умолкъ докучный крикъ погони;
Дымясь и въ пѣнѣ скачутъ кони

Между проваломъ и горой,
Кремнистой, тѣсною тропой,
Они дорогу знаютъ сами
И презираютъ сѣдока,
И безполезная рука
Ужь не владѣетъ поводами.
Направо темные кусты
Висятъ, за шапки задѣвая,
И, съ неприступной высоты,
На новыхъ путниковъ взирая,
Черпѣетъ серна молодая...
Налѣво — пропасть; по краямъ
Рядъ красныхъ камней, здѣсь и тамъ
Всегда обрушиться готовый.
Внизу, свирѣпъ и одинокъ,
Никѣмъ–невѣдомый потокъ,
Какъ тигръ Америки суровый,
Бѣжитъ гремучею волной:
То блещетъ бахрамой перловой,
То изумрудною каймой;
Какъ двѣ семьи — враждебный геній

Два гребня раздѣляетъ онъ.
Вдали на синій небосклонъ
Нагихъ, безплодныхъ горъ ступени
Ведутъ желаніе и взглядъ,
Сквозь облака, которыхъ тѣни
По нимъ мелькаютъ и спѣшатъ:
Смѣняя въ зависти другъ друга,
Они бѣгутъ впередъ, назадъ,
И мнится, что подъ солнцемъ юга
Въ нихъ страсти южныя кипятъ!

XXVIII.

Ужь полдень. Измаилъ слабѣетъ...
Пылаетъ солнце высоко,
Но есть надежда: дымъ синѣетъ,
Родной аулъ недалеко...
Тамъ гдѣ кустарникомъ покрыты,
Встаютъ красивые граниты

Какимъ-то пасмурнымъ вѣнцомъ, —
Есть поворотъ, и путь, прорытый
Арбы скрипучимъ колесомъ.
Оттуда кровы земляные,
Мечеть, бѣлѣющій заборъ,
Аргуны воды голубыя,
Какъ подъ ногами, встрѣтитъ взоръ...
Достигнутъ поворотъ желанный;
Вотъ и вѣнецъ горы туманной;
Вотъ слышенъ рѣчки ревъ глухой;
И бѣлый конь сильнѣй рванулся...
Но вдругъ переднею ногой
Онъ оступился, спотыкнулся,
И на скалу, между камней,
Упалъ всей тягостью своей.

XXIX.

И всадникъ, кровью истекая,
Лежалъ безъ чувства на землѣ;

Въ устахъ недвижность гробовая
И блѣдность муки на челѣ;
Казалось, часъ его кончины
Ждалъ знакъ условный въ небесахъ,
Чтобы слетѣть, и въ мигъ единый
Изъ человѣка сдѣлать — прахъ.
Уже-ль степная лишь могила
Ничтожный въ мірѣ будетъ слѣдъ
Того, чье сердце столько лѣтъ
Мысль о ничтожествѣ томила? —
Нѣтъ! нѣтъ! вѣдь здѣсь еще Селимъ...
Склонясь въ отчаяньи надъ нимъ,
Какъ въ бурю ива молодая
Надъ падшимъ гнётся алтарёмъ,
Снималъ онъ панцырь и шеломъ; —
Но сердце къ сердцу прижимая,
Не слышитъ жизни ни въ одномъ!

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

XXX.

Встаетъ, глядитъ кругомъ Селимъ:
Все неподвижно передъ нимъ!
Зоветъ: — и тучка дождевая
Летитъ на зовъ его одна,
По вѣтру крылья простирая,
Какъ смерть темна и холодна.
Вотъ наконецъ сырымъ покровомъ
Одѣла путниковъ она, —
И юноша въ испугѣ новомъ!
Прижавшись къ другу съ быстротой:
«О, пощади его!.. постой!»
Воскликнулъ онъ: «я вижу ясно,
«Что ты пришла меня лишить
«Того, кого люблю такъ страстно,
«Кого слабѣй нельзя любить!
«Ступай, ищи другихъ по свѣту!..
«Всѣ жертвы бога твоего!..

«Уже-ль меня насчастнѣй нѣту,
«И нѣтъ виновнѣе его?»

XXXI.

Межь-тѣмъ, подобно дымной тѣни,
Хотя не понялъ онъ моленій,
Угрюмый облакъ пролетѣлъ.
Когда жь Селимъ взглянуть посмѣлъ —
Онъ былъ далеко. Освѣженный
Его прохладою мгновенной,
Очнулся блѣдный Измаилъ,
Вздохнулъ, потомъ глаза открылъ.
Онъ слабъ: другую ищетъ руку
Его дрожащая рука;
И, каждому внимая звуку,
Онъ пьетъ дыханье вѣтерка,
И все, что̀ близко, отдаленно,
Предъ нимъ яснѣетъ постепенно...

Гдѣ жь другъ послѣдній? гдѣ Селимъ?
Глядитъ... и что̀ же передъ нимъ?
Глядитъ... уста оледенѣли,
И мысли зрѣньемъ овладѣли...
Не могъ бы описать подобный мигъ
Ни ангельскій, ни демонскій языкъ!

XXXII.

Селимъ... и кто теперь не отгадаетъ? —
На немъ мохнатой шапки больше нѣтъ:
Раскрылась грудь, на шелковый бешметъ
Волна кудрей, чернѣя, низпадаетъ.
Въ печали женщинъ лучшій ихъ уборъ —
Молитва стихла на устахъ... а взоръ...
О, небо, небо! есть ли въ кущахъ рая
Глаза, гдѣ слезы, робость и печаль
Оставить — страшно, уничтожить — жаль!
Скажи мнѣ: есть ли Зара молодая
Межь дѣвъ твоихъ? и плачетъ ли она,

И любитъ ли? Но понялъ я молчанье!
Не встрѣтить мнѣ подобное созданье:
На небѣ неумѣстно подражанье,
А Зара на землѣ была одна.

XXXIII.

Узналъ, узналъ онъ образъ позабытый
Среди душевныхъ бурь и бурь войны;
Поцаловалъ онъ нѣжныя ланиты —
И краски жизни имъ возвращены.
Она чело на грудь ему склонила, —
Смущаютъ Зару ласки Измаила:
Но сердцу какъ ума не соблазнить?
И какъ любви стыда не побѣдить?
Ихъ рѣчи — пламень; вѣчная пустыня
Восторгомъ и блаженствомъ ихъ полна.
Любовь для неба и земли святыня
И только для людей порокъ она!

Во всей природѣ дышетъ сладострастье,
И только люди покупаютъ счастье!

—

Прошло два года, все кипитъ война;
Безплоднаго Кавказа племена
Питаются разбоемъ и обманомъ;
. . . . . .
. . . . . .
Казалося, двухъ братьевъ помирила
Слѣпая мѣсть и къ родинѣ любовь:
Вездѣ, гдѣ врагъ бѣжитъ и льется кровь,
Видна рука и шашка Измаила.
Но отъ-чего ни Зара, ни Селимъ,
Теперь уже не слѣдуютъ за нимъ?
Куда Лезгинка нѣжная сокрылась?
Какой ударъ ту грудь оледенилъ,
Гдѣ для любви такое сердце билось,
Какимъ владѣть онъ недостоинъ былъ?
Измѣна ли причина ихъ разлуки?

Жива ль она, иль спитъ послѣднимъ сномъ?
Родныя ль въ гробъ ее сложили руки?
Послѣднее «прости» съ слезами муки,
Сказали ль ей на языкѣ родномъ?
И если смерть щадитъ ее понынѣ —
Между какихъ людей, въ какой пустынѣ —
Кто бъ Измаила смѣлъ спросить о томъ?..
Однажды, въ часъ, когда лучи заката
По облакамъ кидали искры злата,
Задумчивъ на курганѣ Измаилъ
Сидѣлъ. Еще ребенкомъ онъ любилъ
Природы дикой пышныя картины,
Разливъ зари и льдистыя вершины,
Блестящія на небѣ голубомъ;
Не измѣнилось только это въ немъ!
Четыре горца близъ него стояли
И мысли по лицу узнать желали;
Но кто проникетъ въ глубину морей
И въ сердце, гдѣ тоска, но нѣтъ страстей?

О чемъ бы онъ ни думалъ, — западъ дальный
Не привлекалъ мечты его печальной;

Другія вспоминанья, и другой,
Другой предметъ владѣлъ его душой...
Но что̀ за выстрѣлъ?... Дымъ взвился бѣлѣя,
Вѣрна рука, и вѣренъ глазъ злодѣя!
Съ свинцомъ въ груди, простертый на землѣ,
Съ печатью смерти на крутомъ челѣ,
Друзьями окружонъ, любимецъ брани,
Лежалъ, на-вѣки нѣмъ для ихъ призваній!
Послѣдній лучъ зари еще игралъ
На пасмурныхъ чертахъ и придавалъ
Его лицу румянецъ; и казалось,
Что въ немъ отъ жизни что-то оставалось;
Что мысль, которой угнетенъ былъ умъ,
Послѣдняя его тяжелыхъ думъ,
Когда душа отторгнулась отъ тѣла,
Его лица оставить не успѣла!
Небесный судъ да будетъ надъ тобой,
Жестокій братъ, завистникъ вѣроломный!
Ты самъ наметилъ выстрѣлъ роковой:
Ты не нашелъ въ горахъ руки наемной!.
Гремучій ключъ катился не вдали,

Къ его струямъ Черкесы принесли
Кровавый трупъ. Разстегнутъ ихъ рукою
Чекмень, пробитый пулей роковою.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

СОНЪ.

Въ полдневный жаръ, въ долинѣ Дагестана,
Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я;
Глубокая еще дымилась рана,
По каплѣ кровь точилася моя.

Лежалъ одинъ я на пескѣ долины,
Уступы скалъ тѣснилися кругомъ,
И солнце жгло ихъ жолтыя вершины
И жгло меня, — но спалъ я мертвымъ сномъ.

И снился мнѣ сіяющій огнями
Вечерній пиръ въ родимой сторонѣ;
Межь юныхъ женъ, увѣнчанныхъ цвѣтами,
Шелъ разговоръ веселый обо мнѣ.

Но, въ разговоръ веселый не вступая,
Сидѣла тамъ задумчива одна,
И въ грустный сонъ душа ея младая
Богъ-знаетъ чѣмъ была погружена.

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый трупъ лежалъ въ долинѣ той,
Въ его груди дымясь чернѣла рана
И кровь лилась хладѣющей струей...

1841.

ТАМАРА.

Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,
Старинная башня стояла,
Чернѣя на черной скалѣ.

Въ той башнѣ высокой и тѣсной
Царица Тамара жила,
Прекрасна, какъ ангелъ небесный,
Какъ демонъ — коварна и зла.

И тамъ, сквозь туманъ полуночи,
Блисталъ огонёкъ золотой,
Кидался онъ путнику въ очи,
Манилъ онъ на отдыхъ ночной,

И слышался голосъ Тамары:
Онъ весь былъ желанье и страсть,
Въ немъ были всесильныя чары,
Была непонятная власть.

На голосъ невидимой пе́ри
Шелъ воинъ, купецъ и пастухъ;
Предъ нимъ отворялися двери,
Встрѣчалъ его мрачный евнухъ.

На мягкой пуховой постели,
Въ парчу и жемчугъ убрана,

Ждала она гостя. Шипѣли
Предъ нею два кубка вина.

Сплетались горячія руки,
Уста прилипали къ устамъ,
И странные, дикіе звуки
Всю ночь раздавалися тамъ, —

Какъ-будто въ ту башню пустую
Сто юношей пылкихъ и жонъ
Сошлися на свадьбу ночную
На тризну большихъ похоронъ.

Но только-что утра сіянье
Кидало свой лучъ по горамъ,
Мгновенно и мракъ и молчанье
Опять воцарялися тамъ.

Лишь Терекъ въ тѣснинѣ Дарьяла,
Гремя, нарушалъ тишину:
Волна на волну набѣгала,
Волна погоняла волну.

И съ плачемъ безгласное тѣло
Спѣшили онѣ унести...
Въ окнѣ тогда что-то бѣлѣло,
Звучало оттуда: «прости!»

И было такъ нѣжно прощанье,
Такъ сладко тотъ голосъ звучалъ,
Какъ-будто восторги свиданья
И ласки любви обѣщалъ...

1841.

УТЕСЪ.

Ночевала тучка золотая
На груди утёса-великана.
Утромъ въ путь она умчалась рано,
По лазури весело играя

Но остался влажный слѣдъ въ морщинѣ
Стараго утеса. Одиноко
Онъ стоитъ: задумался глубоко
И тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ...

1841.

* * *

I.

Выхожу одинъ я на дорогу:
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ;
Ночь тиха; пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.

II.

Въ небесахъ торжественно и чудно!
Спитъ земля въ сіяньи голубомъ...
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно —
Жду ль чего? жалѣю ли о чемъ?

III.

Ужь не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть,
Я ищу свободы и покоя:
Я бъ хотѣлъ забыться и заснуть...

IV.

Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы
Я бъ желалъ на-вѣки тамъ заснуть, —

Чтобъ въ груди дрожали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь.

V.

Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голось пѣлъ,
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ.

1841.

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА.

Въ морѣ царевичъ купаетъ коня,
Слышитъ: «царевичъ, взгляни на меня!»

Фыркаетъ конь и ушами прядетъ,
Брызжетъ и плещетъ, и далѣ плыветъ.

Слышитъ царевичъ: «Я царская дочь;
«Хочешь провесть ты съ царевною ночь?»

Вотъ показалась рука изъ воды,
Ловитъ за кисти шелковой узды.

Вышла младая потомъ голова;
Въ косу вплелася морская трава,
Синія очи любовью горятъ,
Брызги на шеѣ какъ жемчугъ дрожатъ.

Мыслитъ царевичъ: «добро же, постой!»
За косу ловко схватилъ онъ рукой, —
Держитъ. Рука боевая сильна...
Плачетъ и молитъ и бьется она.

Къ берегу витязь отважно плыветъ,
Выплылъ, товарищей громко зоветъ:

«Эй вы! сходитесь, лихіе друзья;
Гляньте, какъ бьется добыча моя...

«Что̀ жь вы стоите смущенной толпой?
А-ли красы не видали такой?»

Вотъ оглянулся царевичъ назадъ,
Ахнулъ, — померкъ торжествующій взлядъ.

Видитъ: лежитъ на пескѣ золотомъ
Чудо морское съ зеленымъ хвостомъ.

Хвостъ чешуею змѣиной покрытъ,
Весь замирая, свиваясь дрожитъ.

Пѣна струями сбѣгаетъ съ чела,
Очи одѣла смертельная мгла.

Блѣдныя руки хватаютъ песокъ,
Шепчутъ уста непонятный упрёкъ...

Ѣдетъ царевичъ задумчиво прочь.
Будетъ онъ помнить про царскую дочь!

1841.

* * *

Изъ-подъ таинственной, холодной полумаски
Звучалъ мнѣ голосъ твой, отрадный, какъ мечта,
Свѣтили мнѣ твои плѣнительные глазки
И улыбалися лукавыя уста.

Сквозь дымку легкую замѣтилъ я невольно
И дѣвственныхъ ланитъ и шеи бѣлизну.
Счастливецъ! видѣлъ я и локонъ своеволь-
ный,
Родныхъ кудрей покинувшій волну!...

И создалъ я тогда въ моемъ воображеньи
По легкимъ признакамъ красавицу мою;
И съ той поры безплотное видѣнье
Ношу въ душѣ моей, ласкаю и люблю.

И все мнѣ кажется: живыя эти рѣчи
Въ года минувшіе слыхалъ когда-то я;
И кто-то шепчетъ мнѣ, что послѣ этой
встрѣчи
Мы вновь увидимся, какъ старые друзья.

* * *

Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой
И въ степь укатился, жестокою бурей гонимый,
Засохъ и увялъ онъ отъ холода, зноя и горя,
И вотъ, наконецъ, докатился до Чернаго-Моря.

У Чернаго-Моря чинара стоитъ молодая;
Съ ней шепчется вѣтеръ, зеленыя вѣтви лаская:
На вѣтвяхъ зеленыхъ качаются райскія птицы,
Поютъ онѣ пѣсни про славу морской царь-
дѣвицы.

И странникъ прижался у корня чинары вы-
сокой
Пріюта на время онъ молитъ съ тоскою
глубокой,
И такъ говоритъ онъ. «Я бѣдный листо-
чекъ дубовой,
«До срока созрѣлъ я и выросъ въ отчизнѣ
суровой.

«Одинъ и безъ цѣли по свѣту ношуся давно я,
«Засохъ я безъ тѣни, увялъ я безъ сна и
покоя, —
«Пріими же пришельца межь листьевъ своихъ
изумрудныхъ;
«Не мало я знаю разсказовъ мудреныхъ и
чудныхъ.»

— На что мнѣ тебя? отвѣчаетъ младая чинара:
— Ты пыленъ и желтъ, и сынамъ моимъ свѣ-
жимъ не пара.
Ты много видалъ, да къ-чему мнѣ твои не-
былицы?
Мнѣ слухъ утомили давно ужь и райскія
птицы...

Иди себѣ дальше, о, странникъ! тебя я не
знаю;
Я солнцемъ любима, цвѣту для него и блистаю;
По небу я вѣтви раскинула здѣсь на просторѣ,
И корни мои умываетъ покорное море.

1841.

* * *

Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье, —
Люблю въ тебѣ я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

Когда порой я на тебя смотрю,
Въ твои глаза вникая долгимъ взоромъ,
Таинственнымъ я занятъ разговоромъ,
Но не съ тобой, — я съ сердцемъ говорю.

Я говорю съ подругой юныхъ дней,
Въ твоихъ чертахъ ищу черты другія,
Въ устахъ живыхъ — уста давно нѣмыя,
Въ глазахъ — огонь угаснувшихъ очей.

* * *

Не плачь, не плачь, мое дитя,
Не стóитъ онъ безумной муки.
Вѣрь, онъ ласкалъ тебя шутя,
Вѣрь, онъ любилъ тебя отъ скуки!

И мало ль въ Грузіи у насъ
Прекрасныхъ юношей найдется?
Быстрѣй огонь ихъ черныхъ глазъ,
И черный усъ ихъ лучше вьется!

Изъ дальней, чуждой стороны
Онъ къ намъ заброшенъ былъ судьбою;
Онъ ищетъ славы и войны, —
И что жь онъ могъ найдти съ тобою?
Тебя онъ золотомъ дарилъ,
Клялся, что вѣчно не измѣнитъ,
Онъ ласки дорого цѣнилъ —
Но слезъ твоихъ онъ не оцѣнитъ!

ПОСВЯЩЕНІЕ,

ПРИПИСАННОЕ ВЪ КОНЦѢ ОДНОГО ИЗЪ ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ ПОЭМЫ «ДЕМОНЪ».

—

Я кончилъ,—и въ груди невольное сомнѣнье:
Займетъ ли вновь тебя давно-знакомый
звукъ, —

Стиховъ невѣдомыхъ задумчивое пѣнье, —
Тебя, забывчивый, но незабвенный другъ?

Пробудится ль въ тебѣ о прошломъ сожа-
лѣнье?
Иль, быстро пробѣжавъ докучную тетрадь,
Ты — только мертваго, пустаго одобренья
Наложишь на нее тяжелую печать, —

И не узнаешь здѣсь простаго выраженья
Тоски, мой бѣдный умъ томившей столько
лѣтъ, —
И пріймешь за игру, иль сонъ воображенья
Больной души тяжелый бредъ?..

КЪ ПОРТРЕТУ СТАРАГО ГУСАРА.

(Н. И. Б — ву.)

Смотрите, какъ летитъ, отвагою пылая...
Порой обманчива бываетъ сѣдина:
Такъ мхомъ покрытая бутылка вѣковая
Хранитъ струю кипучаго вина.

НѢЗАВУДКА.

Въ старинны годы люди были
Совсѣмъ не то, что̀ въ наши дни,
(Коль въ мірѣ есть любовь) любили
Чистосердечнѣе они.

О древней вѣрности, конечно,
Слыхали какъ-нибудь и вы;
Но какъ сказанія молвы
Все дѣло перепортятъ вѣчно,
То я вамъ точный образецъ
Хочу представить наконецъ.

У влаги ручейка холодной,
Подъ тѣнью липовыхъ вѣтвей,
Не опасаясь злыхъ очей,
Однажды рыцарь благородный
Сидѣлъ съ любезною своей.
Тихонько ручкой молодою
Она красавца обняла.
Полна невинной простотою
Бесѣда мирная текла:
«Другъ, не клянися мнѣ напрасно»,
Сказала дѣва: «вѣрю я,
«Ясна, чиста любовь твоя,
«Какъ эта звонкая струя,
«Какъ этотъ сводъ надъ нами ясной;

«Но какъ она въ тебѣ сильна,
«Еще не знаю. Посмотри-ка,
«Тамъ рдѣетъ пышная гвоздика...
«Но нѣтъ, гвоздика не нужна.
«Подалѣе, какъ ты, унылый
«Чуть видѣнъ *голубой цвѣтокъ*...
«Сорви же мнѣ его, мой милый —
«*Онъ для любви не такъ далекъ!*»

Вскочилъ мой рыцарь, восхищенный
Ея душевной простотой;
Черезъ ручей прыгнувъ стрѣлой,
Летитъ онъ цвѣтикъ драгоцѣнный
Сорвать послушною рукой...
Ужь близко цѣль его стремленья —
Какъ вдругъ подъ нимъ (ужасный видъ!)
Земля невѣрная дрожитъ, —

Онъ вязнетъ, тонетъ... нѣтъ спасенья!
Взоръ кинувъ, полный весь огня,
Къ своей красавицѣ безгласной:

«Прости!.. *не позабудь меня!*»
Воскликнулъ юноша несчастной.
И милый, пагубный цвѣтокъ
Схватилъ рукою безнадежной,
И, сердца пылкаго въ залогъ,
Его онъ кинулъ дѣвѣ нѣжной.

. . . . . .

Цвѣтокъ печальный съ-этихъ-поръ
Любови дорогъ; сердце бьется,
Когда его примѣтитъ взоръ —
Онъ *незабудкою* зовется.
Въ мѣстахъ сырыхъ, вблизи болотъ,
Какъ-бы страшась прикосновенья,
Онъ ищетъ все уединенья,
И цвѣтомъ неба онъ цвѣтетъ,
Затѣмъ, что въ небѣ нѣтъ забвенья.

* * *

Избави Богъ отъ лѣтнихъ мушекъ,
Отъ дѣвъ, боящихся любви,
Отъ дружбы слишкомъ-нѣжной, и
Отъ романтическихъ старушекъ.

СМЕРТЬ.

Закатъ горитъ огнистой полосою;
Любуюсь имъ безмолвно подъ окномъ.
Быть-можетъ, завтра опъ заблещетъ надомною
Безжизненнымъ, холоднымъ мертвецомъ.

Одна лишь дума въ сердцѣ опустѣломъ,
То мысль объ *ней*... О! далеко она,
И надъ моимъ недвижнымъ, блѣднымъ тѣ-

ломъ
Не упадетъ слеза ея одна!
Ни другъ, ни братъ прощальными устами
Не поцалуютъ здѣсь моихъ ланитъ,
И сожалѣнью чуждыми руками
Въ сырую землю буду я зарытъ.
Мой духъ утонетъ въ безднѣ безконечной...
Но ты... О! пожалѣй о мнѣ, краса моя!
Никто не могъ любить, какъ я,
Такъ пламенно и такъ чистосердечно.

1830.

РОМАНСЪ КЪ ****.

Когда я унесу въ чужбину
Подъ небо южной стороны
Мою мятежную кручину,
Мои обманчивые сны,

И люди съ злобой ядовитой
Осудятъ жизнь мою порой, —
Ты будешь ли моей защитой
Передъ безчувственной толпой?..

О, будь!.. о, вспомни нашу младость,
Злословья жертву пощади,
Клянися въ томъ, чтобъ вовсе радость
Не умерла въ моей груди,
Чтобъ я сказалъ въ землѣ изгнанья:
Есть сердце, лучшихъ дней залогъ,
Гдѣ почтены мои страданья,
Гдѣ міръ ихъ очернить не могъ!..

* * *

Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно
Съ тоскою глубокой и страстью безумно–
мятежной;
Но, какъ враги, избѣгали признанья и встрѣчи,
И были пусты и хладны ихъ краткія рѣчи.

Они разстались въ безмолвномъ и гордомъ
страданьи,
И милый образъ во снѣ лишь порою видали;
И смерть пришла; наступило за гробомъ
свиданье, —
Но въ мірѣ новомъ другъ друга они не уз-
нали.

* * *

Когда весной разбитый ледъ
Рѣкой взволнованной идетъ,
Когда среди полей, мѣстами,
Чернѣетъ голая земля,

И мгла ложится облаками
На полу-юныя поля,
Мечтанье злое грусть лелѣетъ
Въ душѣ неопытной моей;
Гляжу — природа молодѣетъ,
Но молодѣть лишь только ей:
Ланитъ покойныхъ пламень алый
Съ годами время уведетъ,
И тотъ, кто такъ страдалъ, бывало,
Любви къ ней въ сердцѣ не найдетъ.

Ребенка милаго рожденье
Привѣтствуетъ мой запоздалый стихъ.
Да будетъ съ нимъ благословенье
Всѣхъ ангеловъ небесныхъ и земныхъ!
Да будетъ онъ отца достоинъ,
Какъ мать его, прекрасенъ и любимъ,
Да будетъ духъ его спокоенъ

И въ правдѣ твердъ, какъ Божій херувимъ!
Пускай не знаетъ онъ до срока
Ни мукъ любви, ни славы жадныхъ думъ;
Пускай глядитъ онъ безъ упрёка
На ложный блескъ и ложный міра шумъ;
Пускай не ищетъ онъ причины
Чужимъ страстямъ и радостямъ своимъ,
И выйдетъ онъ изъ свѣтской тины
Душою бѣлъ и сердцемъ невредимъ!

ПРОРОКЪ.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ Вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья:
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья.

Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій, —
И вотъ, въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы, даромъ Божьей пищи.

Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.

Когда же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,
Тамъ старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами;
Глупецъ, хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!

«Смотрите жь, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ!
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ,
Какъ презираютъ всѣ его!»

1841.

СВИДАНІЕ.

—

I.

Ужь за горой дремучею
Погасъ вечерній лучъ,
Едва струей гремучею
Сверкаетъ жаркій ключъ;

Сады благоуханіемъ
Наполнились живымъ;
Тифлисъ объятъ молчаніемъ,
Въ ущельи мгла и дымъ;
Летаютъ сны-мучители
Надъ грѣшными людьми,
И ангелы-хранители
Бесѣдуютъ съ дѣтьми.

II.

Тамъ, за твердыней старою,
На сумрачной горѣ,
Подъ свѣжею чинарою
Лежу я на коврѣ, —
Лежу одинъ и думаю:
Уже-ли не во снѣ
Свиданье, въ ночь угрюмую,
Назначила ты мнѣ?

И въ этотъ часъ таинственный,
Но сладкій для любви,
Тебя, мой другъ единственный,
Зовутъ мечты мои.

III.

Внизу огни дозорные
Лишь на мосту горятъ,
И колокольни чорныя
Какъ сторожи стоятъ.
И поступью несмѣлою
Изъ бань, со всѣхъ сторонъ,
Выходятъ цѣпью бѣлою
Четы грузинскихъ жонъ;
Вотъ улицей пустынною
Бредутъ, едва скользя...
Но подъ чадрой длинною
Тебя узнать нельзя!

IV.

Твой домикъ съ крышей гладкою
Мнѣ видѣнъ вдалекѣ,
Крыльцо съ ступенью шаткою
Купается въ рѣкѣ;
Среди прохлады, вѣющей
Надъ синею Курой,
Онъ сѣтью зеленѣющей
Окутанъ плющевой.
За тополью высокою
Я вижу тамъ окно...
Но свѣчкой одинокою
Не свѣтится оно!

V.

Я жду. Въ недоумѣніи
Напрасно бродитъ взоръ;

Кинжаломъ въ нетерпѣніи
Изрѣзалъ я ковёръ.
Я жду съ тоской безплодною;
Мнѣ грустно, тяжело...
Вотъ сыростью холодною
Съ востока понесло;
Краснѣютъ за туманами
Сѣдыхъ вершинъ зубцы;
Выходятъ съ караванами
Изъ города купцы...

VI.

Прочь, прочь, слеза позорная!
Кипи, душа моя!
Твоя измѣна чорная
Понятна мнѣ, змѣя!
Я знаю, чѣмъ утѣшенный,
По звонкой мостовой

Вчера скакалъ, какъ бѣшеный,
Татаринъ молодой.
Не даромъ онъ, красуется
Передъ твоимъ окномъ,
И твой отецъ любуется
Персидскимъ жеребцомъ!

VII.

Возьму винтовку длинную,
Пойду я изъ воротъ:
Тамъ, подъ скалой пустынною
Есть узкій поворотъ.
До полдня за могильною
Часовней подожду,
И на дорогу пыльную
Винтовку наведу.
Напрасно грудь колышется!
Я легъ между камней...

Чу! близкій топотъ слышится...
А! это ты, злодѣй!

1841.

Примѣчаніе. Эти два послѣднія стихотворенія, равно какъ и прочія, вошедшія въ эту часть, напечатаны были въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1843—1844 годовъ. Помѣщая стихотворенія «Пророкъ» и «Свиданіе», редакторъ «Отечественныхъ Записокъ» присовокупилъ къ нимъ слѣдующее примѣчаніе:

«Оба эти стихотворенія достались намъ слѣдующимъ образомъ. Одинъ изъ петербургскихъ литераторовъ, въ апрѣлѣ 1841-го года, передъ *послѣднимъ* отъѣздомъ Лермонтова изъ Петербурга, подарилъ ему записную книгу съ бѣлыми листами, надписавъ на ней: «Поэту Лермонтову дается эта книга «съ тѣмъ, чтобъ онъ возвратилъ мнѣ ее самъ и всю «исписанную». Лермонтовъ обѣщалъ и то и другое, — поѣхалъ изъ Петербурта въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, и 15 іюля его уже не стало! Такъ-какъ на книгѣ поставлено было и имя того, кто подарилъ ее, то одинъ изъ родственниковъ покойнаго недавно доставилъ ее по принадлежности. Книга исписана каранда-

шомъ и чернилами: карандашомъ написаны стихотворенія на-черно́, съ поправками, дополненіями, перемѣнами; чернилами они переписаны на-бѣло̀. Всѣхъ стихотвореній 12; одно французское, которое разобрать трудно, потому-что карандашъ почти стерся, и 11 русскихъ; изъ нихъ не напечатаны только два, здѣсь помѣщаемыя: «Пророкъ» и «Свиданіе». Прочія суть: «Споръ», «Сонъ», «Утесъ», «Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно», «Тамара», «Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой», «Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю», «Выхожу одинъ я на дорогу», и «Морская Царевна». Всѣ эти пьесы уже извѣстны читателямъ изъ «Отечеств. Записокъ» 1843-го года. Это, слѣдовательно, *послѣднія* стихотворенія Лермонтова, писанныя имъ въ послѣдніе мѣсяцы его жизни — между апрѣлемъ и іюлемъ 1841-го года...—Въ книгѣ есть еще какой-то отрывокъ, писанный карандашомъ:

1.

На буркѣ, подъ тѣнью чинары
Лежалъ Ахметъ-Ибрагимъ;
И, руки скрестивши, Татары
Стояли молча передъ нимъ.

2.

И брови нахмуривъ густыя,
Лѣниво молвилъ ага:
О, слуги мои удалые!
Мнѣ ваша жизнь дорога...

«— и только. Рядомъ съ этой страницей есть еще куплетъ; но карандашъ такъ стерся, что изъ четырехъ стиховъ можно разобрать только:

Лилейной рукой поправляя
Едва пробившійся усъ,
Краснѣетъ, какъ дѣва младая
Кангаръ, молодой...

«Далѣе, въ книгѣ, мѣстами разбросаны слова: «Востокъ», «Буря»... Есть кое-какія замѣтки, изъ которыхъ можно разобрать только одну, потому-что она обведена по карандашу чернилами: «Россія вся въ «будущемъ. Сказывается сказка: Еруслань Лазаре-«вичъ сидѣлъ сиднемъ 20 лѣтъ и спалъ крѣпко, но «на 21-мъ году проснулся отъ тяжелаго сна, и всталъ,

«и пошелъ.. и встрѣтилъ онъ тридцать-семь коро-«лей и 70 богатырей, и побилъ ихъ, и сѣлъ надъ «ними царствовать». Внизу прибавлено карандашомъ: «такова Россія!»... Вообще, вся эта книга навѣваетъ на душу неизъяснимо-грустное чувство: какъ-будто еще живъ поэтъ, какъ-будто еще видишь передъ собою вчернѣ работу его и ждешь ея окончанія, какъ бывало въ иное время...

«Стихотворенія Лермонтова, напечатанныя въ «Отечеств. Запискахъ» прошлаго (1843) года, находятся въ этой книгѣ, написанныя его собственною рукою совершенно въ томъ видѣ, какъ они у насъ напечатаны, хотя и достались намъ тогда изъ пятыхъ рукъ.» (Отеч. Зап. 1844, кн. 2.)